

Александр Владимирович Гуров

Рождение Повелителей - Часть 1

Пленник слов – 1

http://zhurnal.lib.ru/g/gurow_a_w/

Аннотация

Во время нападения на небольшую деревушку, десятилетний парнишка становится свидетелем гибели своих родителей. Ему самому чудом удается спастись. Он убегает от преследователей. Несколько дней блуждает без цели. Когда не хватает сил, чтобы идти, когда жажда и голод свели на нет его шансы выжить, он выбирается на тракт. В пыли дороги его нашел, а затем приютил кузнец-торговец. Приемный родитель воспитывал сироту, как родного. Одна беда — на роду благодетеля лежит страшное проклятие, но и мальчик ничем не уступает в тайнах своему спасителю...

Александр Владимирович Гуров

Рождение Повелителей — Часть 1. Пленник слов.

Зачин

I. Подкидыш Судьбы

Март, 1476, Эльские Луга, Южная Граница Андариона

Восходящее солнце осветило просторы Андариона, сменив полный мрак этих мест, яркой красотой нетронутых людьми полей. Огромные луга густой и высокой травы простирались на долгие мили. Зеленое недвижимое море, как одеяло покрыло землю. Мерный восточный ветер изредка колебал верхушки полыни и клевера, волнами перебежал с одной травинку на другую, исчезая за горизонтом. Гробовая тишина изредка нарушалась пением птиц, стрекотом кузнечиков и писком мышей, которых ловко хватал ястреб и тащил к себе в гнездо в Горах Келебретт. Казавшиеся монолитными камни гор возвышались далеко на западе. Их пики скрывались в белоснежных кучевых облаках, приснеженные вершины едва удавалось уловить взглядом. Горы всем своим царственным видом давали людям понять, насколько они малы и бессильны перед лицом матери-природы.

Ранняя весна еще не успела забрать все права у тяжелой и долгой зимы, которая в этом году была еще холоднее и страшнее, чем в предыдущие.

Река Колка, бравшая свой исток на вершинах Келебреттских Гор, набирала свою силу. Ее берега, как и каждый год, насыщались талыми водами, неся за собой тонкие ледяные пласты и гравий. Уже скоро ее берега должны взбунтоваться и затопить ближайшие луга. Ранней весной ходить через Эльские луга было не так опасно. Но наступит май, теплое солнце обогреет землю, растопит своими добрыми лучами ледники, бушующие потоки сорвутся с гор и луга превратятся в непроходимые топи. Вот тогда путь через Эльские луга будет закрыт для всех и каждого. Не засосет трясина — угодишь в лапы диких зверей.

Невзирая на опасности через поле медленно шел худощавый человек. Сюда редко заносило какого-нибудь путника, но это не остановило мальчишку из деревушки Найнлоу. Еле дыша от усталости и голода, он пробирался через заросли травы. Царапая себе руки и ноги, он раздвигал окровавленными пальцами следующие и следующие травяные стены. Нередко наступал босыми стопами в жала колючих кустарников, уже не чувствуя боли, которая исходила от изрезанных, покрытых засохшей и еще свежей кровью, ног. Чем

дальше, тем все гуще трава, тем чаще останавливаться на отдых и выбирать из ног занозы. Все страшнее и яростнее преследовал голод. И еще какой-то незримый враг, который вот-вот должен был показаться из-за следующих кустов. Но никого не было. Только маленький мальчик, густая трава, тихий восточный ветер и не по-весеннему жаркое солнце.

За три последние недели Немо пережил то, что некоторым не удавалось претерпеть за всю жизнь. Он видел кровь и смерть, ужас и ненависть, ему даже пришлось быть свидетелем смерти своих родителей. Именно три недели назад родной Найнлоу, что севернее от Эльских Лугов, был разорен и сожжен дотла.

До этого судного дня деревня жила в мире и спокойствие. Пахари работали на черноземах, охотники уходили на свой нелегкий промысел далеко на запад, в густые леса, окутавшие все Келебреттские Горы, коноводы проводили все время, тренирую молодую партию для восточных торгов. Все мирно жили, потому и не было защитников, способных отразить вражеский удар. Но враг не заставил себя ждать. Он пришел и обрушил всю свою неистовую злобу на беспомощную деревню.

Из немногочисленных жителей Найнлоу умели держать оружие в руках лишь охотники и местная стража, насчитывавшая десяток пеших. Но для Темных Воинов, — как запомнил напавших Немо — хорошо умевших сидеть в седле и еще лучше держать оружие, это сопротивление не преграда, защитники — смазка для мечей, не больше и не меньше. Нападавшие вмиг смели передовые отряды и начали свой бесноватый погром. Погибли все. И мужчины, и женщины, и старики, только одному удалось спастись. Теперь он скитался в поисках пищи и крова, как мог спасал свою жизнь.

Сын пахаря, никогда не видящий убийства, в один страшный день стал свидетелем сцены, когда кровожадная смерть снимает свою немалую жатву людских душ. Немо наблюдал смерть матери, видел ее обезглавленное тело, ее хрупкую женственную статью, истекающую кровью. Он видел, как убийца матери резанул отца по спине, видел, как падает родитель, видел страшную рану у него меж лопаток, слышал его последний вздох, последние слова: "Беги, Немо! Беги!". И Немо проклял себя, когда выполнил приказ умирающего отца. Он возненавидел сталь мечей, готов был сам убить всех и вся, но главное — хладнокровного убийцу! А вместо этого пустился наутек. Но что может сделать мальчик из семьи пахаря, который никогда в жизни не держал настоящее оружие, что может сделать он против настоящего Рыцаря? Ответ сам проситься на уста и при этом только один — Ничего! Но, даже понимая это, Немо не мог себе простить слабости, простить то, что показал врагу спину, бросился бежать, спасая себе жизнь. Вместо того, чтобы встать с противником лицом к лицу и умереть в честном бою — ну, почти что честном, умелый воин против мальчика — сына пахаря, какая здесь может быть честность?!

Немо хотел помочь, закрыть отцу рану, спасти ему жизнь или проводить в мир теней, но страх превозмог. Мальчик с испугом пустился в бег. Но и убежать не получилось, все тот же Темный Всадник заметил мальчишку, и не дал ему уйти. На быстром скаку догнал Немо и преградил путь. Властно стоял перед испуганным мальчишкой, играл поводьями, показывая грацию вороного коня.

Бежать некуда, Враг настигнет пешего беглеца без особых усилий.

— Тебе некуда бежать. — как сейчас помнил Немо слова Рыцаря, — Тебе никуда не скрыться, присягни на верность Темному (что за Темный Немо не понял ни тогда, ни после) и Повелитель дарует тебе жизнь! Стань на колени и присягни! — подняв высоко вверх руку и выпрямившись в седле, гордо закончил Всадник.

Немо не смог бы — не смог никогда в жизни — присягнуть тому, кто отнял жизнь его родителей, это было выше собственных сил гордого северянина. "Лучше смерть, чем кандалы и рабство!" — всегда говорили северяне. Немо был воспитан на этих словах, и поэтому не мог присягнуть хладнокровным убийцам, учинившим резню в Найнлоу, не мог стать таким же разбойником и негодяем, каковыми по праву считал Темных Рыцарей.

Но почему-то и умирать не хотелось. Надо бежать, чтобы потом вернуться и отомстить за смерть родителей, вернуться и отомстить! Но как бежать? Это невозможно!

Без слов Немо присел на одно колено. Смиренно опустил голову. Рыцарь с властной ухмылкой спешил. Гордо и нарочито стал читать текст клятвы:

— Клянись верой и правдой служить своему Повелителю!

— Клянусь, — вторил мальчик.

— Клянись и день, и ночь, не смыкая глаз, быть послом воли своего Повелителя!

— Клянусь, — голос предательски дрогнул...

Рыцарь продолжал говорить, Немо уже не различал слов. Они слились в один протяжный вой, барабанили в ушах, пульсировали в висках. Сердце забилося, как сумасшедшее. Северянин едва различимым движением потянулся правой рукой к земле, нащупал там переломленное охотничье древко стрелы.

Иногда воин замолкал, — тишина еще больше резала слух, вбивалась страхом в душу. Мальчик дрожащим голосом вставлял: «клянусь» и слова рыцаря лились с новой силой, все сильнее выбивая барабанную дробь в ушах.

— Клянусь, — в образовавшейся паузе еще раз промямлил Немо.

Клинок рыцарского меча едва коснулся плеча. Мальчик дернулся от испуга. Тело напряглось, превратилось в комок одеревенелых мышц. Клинок проделал дугу и опустился на правое плечо. Немо вновь вздрогнул. Предплечье в одно мгновение обожгла страшная боль, словно его метят каленым железом. Но вскоре жжение прекратилось, сменилось сладостной прохладой.

— Твоя клятва принята. Когда закончишь обучения, ее примет Повелитель, лично. Гордись оказанной тебе честью! — властно закончил воин и с тихим лязгом вогнал клинок в ножны.

Звук прозвучал в голове Немо, как неведомый сигнал. Он рывком поднялся на ноги и наугад ударил переломленной стрелой. Затупленный наконечник проделал немалый путь по лицу разбойника, разодрал ему кожу от самого глаза и дальше вниз по щеке к подбородку. Темный Воин осел на одно колено, ладонями прикрыл лицо. Сквозь пальцы вмиг стала сочиться алая кровь, тонкой струей сбегала с рук и каплями стекала к земле.

Северянин с несвойственной себе ловкостью взмыл на вороного коня. Из всех сил заколотил в бока, заставляя пуститься вскачь. Скакун рванулся вперед, в мгновение ока переходя в галоп.

Страх и адреналин застили глаза, тело казалось ватным. Темная пелена вытеснила малейшие воспоминания о том, что произошло дальше. Не в силах контролировать себя Немо продолжал бить мерина в бока, а скакун ни на минуту не сбавляя темпа, стрелой летел вперед. Боль, страх и ненависть царили в душе беглеца. Боязнь погони заставляла гнать скакуна на убой. Но погони не было. Всем была безразлична судьба мальчишки и украденного им скакуна. Все понимали: малолетнему беглецу не удастся выжить в диких и не обжитых землях Андариона. Рассказать о разбое, учиненном в Найнлоу, все также некому.

Но Немо выжил, хоть и загнал коня до смерти. Путь пришлось продолжать пешком.

...Солнце катилось к горизонту, ежесекундно давая все меньше света. Немо уже третий день пробирался сквозь травяные джунгли, сквозь палящее хоть и мартовское солнце. Даже в сложившейся ситуации у него из головы не выходило, как он сможет отомстить за смерть родителей и родной деревни. Крутились вопросы, на которые некому было ответить. Кто эти Темные Воины? Откуда взялись в родных краях? Что за клятву он дал? Как отомстить? И кому? Только это волновали сироту, не где добыть еду и воду, не где переночевать, а только жажда мести. Она играла свои нудные симфонии в душе северянина, и сердце мальчика невольно начинало колотиться, словно барабанные палочки во время ритуального танца шамана.

Мсть — вот ради чего Немо еще жив! Он жив, чтобы когда-нибудь вернуться и сполна отыграться на жизнях убийц, сполна окропить их кровью девственные поля Андариона!

... Весь день, уже третий день, Немо брел по лугам, густо усеянными высокими травами, лишь немногим ниже самого беглеца. Солнце садилось, быстро сгущались сумерки. Вскоре

светило померкло, спряталось за горизонтом. Небо окутал полный и непроглядный мрак. В эту ночь на небе не было ни Луны, ни единой звездочки, кромешная тьма опустилась над лугами.

Ночь не изменила решимости мальчика, он продолжал свой путь. Ноги уже отказывались идти дальше, все тело ломило, колючек стало настолько много, что избавить голые ступни от их уколов было просто невозможно. Руки полностью залила кровь от мелких, но от этого еще более противных царапин и ссадин, трава резала не хуже лезвия меча.

Ночью люди должны спать. И глаза, и тело уже сказали об этом северянину. Не слушая голос рассудка, он бездумной куклой продолжал свой путь. Несколько раз оступался и падал. Вставал и с прежней решимостью шел дальше.

Остановился лишь тогда, когда усталость превозмогла над волей. Утопав небольшое пространство травы, улегся калачиком, обхватил себя за ноги и закрыл глаза.

Из неоткуда возникла, режущая слух, тишина. Она возбуждала в голове мальчика страшные картины разорения Найнлоу, смерти, крови... в ушах колоколами звенели слова отца: "беги, Немо, беги", дикая скачка. Эпизоды хаотично менялись, перемешиваясь, сливались в одну картину боли и разочарования. С этими мыслями сирота уснул, не замечая, как воспоминания переходят в жуткий ночной кошмар...

... Немо проснулся в холодном поту. Страх и отчаяние укоренились в маленькой душе, с каждым днем становились все крепче. Бесконтрольная злоба и ненависть пробудилась в нем, вырывалась наружу бесконечным потоком. В беспомощности, с непонятной тянущей болью в груди, мальчик вскочил на ноги и побежал, пробиваясь через заросли. Замельтешили кустарники и травы. С новой силой брызнула из ног кровь, на руках ежесекундно выступали новые порезы. Многолетние травы резали, как лезвия, они ненасытно терзала руки, ноги, туловище, лицо, все! Все к чему только могли прикоснуться! Но мальчик не обращал на это никакого внимания, он мчал, как загоняемый охотниками зверь.

Режущая боль в груди стала проявляться. Это была не рана или порез, а нечто более грозное — чувство безысходности, отчаяния, ненависти и жажды мести. Все это словно змея улеглось вокруг молодого сердца, тянуло своими мертвецкими руками на сторону Тьмы, к тем самым Темным Всадникам, которых Немо ненавидел больше всего на свете.

А мальчишка-северянин продолжал свой стремительный бег, свое бегство от самого себя. Он уже перестал думать о боли, он забыл о голоде и усталости, он, наверное, сам бы уже давно спотыкнулся и носом пропахал бы фута с три, если бы только понимал, что делал. Тело само рвалось вперед, ноги сами несли туда же, мысли сплетались в клубок, из которых извлечь хоть что-то не смог бы ни один маг прошлого.

Вперед гнал еще и страх, неведомый, животный страх. Когда ты чувствуешь себя бессильным зайцем, а за тобой уже всюсю снарядила погоню волчья стая. Немо уже не бежал, он летел над землей, ноги уже не цепляли колючие отростки, руки уже не резали травяные мечники, мальчишка словно парил над землей.

Но вдруг в тело стала стучаться усталость. Совсем выбившись из сил, он остановился, перевел дух. Сердце билось, как неродное, дыхание участилось в сотню раз. Немо упал навзничь, предательски защемило в носу, и невольно слезы покатились с его глаз. В этот момент он вспомнил ласки погибшей матери, незаменимые поучения отца. Впервые из глаз Немо покатились слезы, но эта была минутная, секундная слабость. Он северянин! А в Андарионе воспитывают крепких, настоящих мужчин! Если бы отец увидел слезы на щеках сына, то Немо не избежал бы хорошей трепки. Перед глазами снова стал образ врага, убившего самое родное, что у него было — родителей.

Немо рывком вскочил на ноги, вновь забыв про режущую боль, попытался побежать. Но, когда это не получилось и боль превозмогла усердие и ярость, северянин раскинул в стороны руки, встал перед лугами и полями, словно молодая звезда...

Эта картина была удивительна и от этого еще более ужасна: маленький мальчик стоит один посреди зеленого океана полей и кричит не своим голосом нерушимые клятвы, клятвы

самому себе:

— Я отомщу за смерть отца, разрезая на части Убийцу, отомщу за смерть матери, выцарапав глаза Убийце и отрубив ему голову, я отомщу за себя, скормив его гниющее тело стервятникам! — выкрикивал в пустоту полей не менее пустые угрозы Немо.

Тем не менее, ярость не спеша уходила, оставляя жестокую реальность. Ему всего десять лет, он не умеет обращаться с оружием, и вообще сумеет ли он выйти из той передраги, в которую затянула его Судьба?

Немо стоял, опустив голову. Он думал, как быть дальше? Единственное, что он мог сделать — идти, идти вперед... на встречу жизни... или смерти.

... Весь день мальчик пробирался сквозь зеленые стены трав. Верным указателем служили возвышающиеся на западе Келебретские Горы. Под вечер он вышел к небольшому ручейку. В его прозрачной воде виднелись, обточенные течением, гладкие камни, с разу на раз можно было заметить косяк проплывающих рыб или скрывавшегося в расщелине краба. Немо оторвал от одиноко стоящего дубка неказистую тонкую ветку с едва заостренным концом. Сегодня она станет гарпуном. Началась долгая рыбалка. Нельзя сказать, что Немо был неловок, он наоборот славился своей ловкостью в родной деревне, но и рыба не хотела насаживаться на кол, она тоже дорожила своей жизнью. В конце концов, мальчик выловил пару небольших рыбешек, с трудом развел неподалеку от реки костер и начал готовить. Сегодня он пировал, за последнюю три дня это была первая еда, первое питье, которое ему удалось достать. Незаметно, для *блуждающего полями*, пришла ночь. На сытый желудок Немо сразу стал клевать носом. И ночь выдалась на диво спокойной, за последние три недели кошмары впервые не мучили детское сознание, — а он к ним уже успел привыкнуть. Немо спал спокойно и крепко, устроившись вблизи небольшого дерева.

Впервые за свой долгий путь-бегство Немо спал без снов...

Мальчик из Найнлоу проснулся, неплохо выспавшись. Солнце стояло высоко над головой, опуская на луга свои жаркие лучи. Немо был бодр и уверен в своей удаче, надежда возвращалась к нему. Отдых под тенью невысокого дуба, чистая прозрачная вода у самых ног, тихий и спокойный западный ветер. Природа дарила гармонию, наверное, — даже точно — впервые после побега. Страшные поля уже пройдены. Дальше идти проще, впереди сплошным покрывалом раскинулись степи. Ручей, словно магической линией разделил высокие зеленные луговые травы, от степной низкорослой шушеры.

Дальше места будут обжитые. Хотя люди и селились ближе к Южной Короне — небольшом, но довольно могущественном королевстве. Природа здесь была не так безжалостна, как на родине Немо, но другие опасности подстерегали мальчишку из Найнлоу — мародеры и разбойниками.

... Немо отдыхал недолго. Скучно позавтракав все той же рыбой, он пустился в путь. Шел, не останавливаясь, весь день и к сумеркам вышел к дороге, которая вела с востока на юго-запад. Не долго думая, он направился по юго-западному пути. Немо с радостью встретил сумерки, на юге было необычайно жаркое солнце, и путник чувствовал себя, как на сковородке. А прохлада вечера позволила передвигаться быстрее.

Немо шел довольно бодро, несмотря на окровавленные ноги. Изредка он останавливался, чтобы вытереть дорожную пыль с босых израненных ног, немного отдыхал и шел дальше. Впереди в шагах тридцати он заметил темное недвижимое пятно.

Не желая рисковать, Немо свернул с дороги. Уже привычно для себя он быстро переполз по придорожным кустарникам к неподвижной точке. Немного понаблюдав за ней. Распознав человека, пошел к лежавшему на дороге. Ударяясь о кустарную ветку и делая столько шума, что проснулся бы любой, он снова заполз в колючий кустарник. Но его находка была также недвижима, как и прежде. Немо подошел к человеку и толкнул ногой, бормоча какие-то фразы, направленные бессознательно лежавшему... ничего. Он пнул сильнее, опять ничего. Тогда Немо немного рассердился и ударил так сильно, что из его ноги хлынула струя багряной крови вперемешку с пылью. Человек перевалился на спину, и тут все стало ясным: он мертв. Огромная рана переполосовало все лицо, изрезанный почти в

лохмотья кафтанчик забрызган засохшая кровь. Этот человек умер с большими страданиями. Умирая, он прополз несколько метров, вырвав с корнями несколько ногтей. И только вдоволь потешившись представлением, убийца перерезал ему горло.

— Какой ужас твориться в этих местах, — тихим шепотом промолвил Немо. — У нас такого никогда не... — он затих, недоговорив, вспомнив о деревне, вспомнив, что теперь и там далеко не спокойно.

Еще месяц назад, он бы испугался мертвеца, не решился бы к нему даже подойти, но сейчас все изменилось. Ни о чем не задумываясь, он стал обыскивать труп, желая чем-нибудь поживиться. Сам становясь таким же мародером, которых здесь пруд пруди. Искал он не деньги или драгоценности, да и вряд ли убийцы оставили бы такое, а еду и воду. Еды Немо не нашел, но отыскал кожаную флягу, вода в ней была горькая и невкусная, обжигала горло, зато согревала все внутри. Находка оказалась до нельзя кстати, несмотря на дневной зной, к вечеру становилось довольно прохладно. Сорвав с мертвого легкую рубаху и замотав ею ноги, он вытолкал труп на обочину, чтобы никто больше не тревожил тело мертвеца. Обложил его наскоро найденными камнями, затем выложил из таких же камней стрелку на дороге. Потом можно будет вернуться и похоронить человека, как подобает.

Труды отняли драгоценные силы. Хотелось спать. Но найденный труп подсказывал, что в округе небезопасно и Немо продолжил путь.

Луна ярко освещала дорогу, и идти было не так сложно, как днем. Северянин надеялся в скором времени найти какое-нибудь поселение. Но его все не было и не было, время уходило и вместе с ним надежда. Дорога, по обеим сторонам которой простиралась степь, была пустынная и вымершая. Люди боялись разбойников и уходили все дальше на юг к Южной Короне, забрасывая свои дома. Целые поселки срывались с давно обжитых мест и искали счастья в других землях. Немо не находил никаких следов людей, только труп на дороге говорил о том, что тракт еще не забыт...

Сон надвигался на глаза, усталость и боль в ногах становились все невыносимее, все тело ныло от многочисленных порезов, лишь жажда жизни и мести давали силу, но и этого было мало. Рассудок затмевало какой-то темной пеленой, и вскоре Немо свалился наземь, сознание еще не покидало его. Несколько попыток встать оказались безрезультатными, силы иссякли. Немо прополз несколько метров и погрузился в темную непроглядную даль, поглотившую сознание.

До утра Немо пролежал посреди дороги. И тут к нему повернулась удача: с восточных ярмарок возвращался кузнец из небольшого приграничного городка Южной Короны. Телега с запряженными двумя гнедыми лошадьми брела по дороге, поскрипывая старыми колесами. Увидев тело обессиленного Немо, извозчик остановился, бросил поводья и аккуратно прыгнул на землю. Это был коренастый человек пожилого возраста, широкоплечий, с прямой осанкой, огромные костяшки пальцев демонстрировали его подвиги в кулачных боях. В телеге сидел еще один человек, стать которого уступала извозчику и в крепости, и в росте, это был его сын. Кузнец приблизился к Немо, осмотрел тело, проверил дыхание. Дышит. Значит, жив. Легко и аккуратно он подхватил мальчика. Натруженные мозолистые руки кузнеца взяли ослабевшего от голода и недомогания малыша почти также ласково, как руки матери. Вскоре Немо лежал в пустой после торгов повозке. За ним нехотя ухаживал второй путник, обрабатывая раны и выдирая приевшиеся занозы из рук и ног. Всю дорогу до городка Нимфеи — место, где жили подобранные Немо — сознание не возвращалось к северянину. Изредка, в бреду, он бросал несколько фраз об атаке, о смерти родителей, о мести, но они терялись в ослабленных устах, и из них выходили только всхлипы и стон.

Повозка двигалась медленно, будто нехотя. Постоянно натываясь на ямы и канавы пустынной дороги. Как не хотел кузнец из Нимфеи приускорить лошадей, все его попытки были тщетны. Опасность, идущая от дорожных разбойников, заставляла ехать настороже, да и сама дорога оставляла желать лучшего. Лошади не могли разогнать повозку быстрее, чем уже есть.

Один из людей в повозке причитал по поводу странной находки:

— Отец, зачем мы носимся с этим северянином? — говорил он — Все равно его не примут в нашем городе, толку от того, что мы его подобрали не будет, только люди будут шептаться у нас за спинами.

— Артрест, сын, тебя не должны волновать шепоты других. Мы живем своей жизнью, и никто не посмеет осуждать нас, — спокойно, пытаясь доходчиво объяснить непонятливому сыну, говорил Гефест. — К тому же не оставлять же его посреди дороги на растерзания стервятникам и воронью!

— Но отец, в городе так ненавидят северян, не хватало, чтобы невзлюбили и нас. — не унимался Артрест.

— Никто не узнает, откуда этот малыш, ведь так? — давая в вопросе указания, отрезал Гефест.

Разговор больше не продолжался. Позже Артрест осмелился снова начать беседу, но о Немо не проронил ни слова.

Весь день повозка двигалась не останавливаясь. Артрест ухаживал за Немо, не редко вытирая северянину его запотевшее лицо и накладывая новые компрессы. Гефест без устали гнал лошадей. Он боялся, что мальчишка не доживет до прибытия в город, но так не случилось. Немо был слишком крепким орешком, через многое ему пришлось пройти, чтобы теперь так просто умереть.

Когда кузнец устал, на поводьях его сменил сын. Ближе к вечеру впервые останавливались, чтобы дать отдых животным.

Когда солнце маячило у горизонта, порываясь скрыться за ним на ночлег, кузнец свернул с дороги, чтобы сократить путь и выиграть время. Теперь путь шел по бездорожью. Лошади все быстрее уставали под тяжестью повозки, хоть после торгов она и была пуста.

Под вечер на горизонте показались городские огни. Путники продолжали ехать по непроторенной дороге, сворачивая все левее и левее, чтобы выехать к воротам. Огни приближались, вскоре можно было разглядеть городской частокол, как змея обвивавший весь город. Частые набеги заставили горожан быть всегда на чеку. Когда повозка кузнеца была уже возле массивных ворот — казавшиеся вечером монолитной стеной, непроходимой преградой для любого — из них вышел стражник. Сразу признал Гефеста и, ни о чем не спрашивая — как это полагается — стал открывать ворота. Кузнеца здесь знали все. Гефест протолкнул сына в дверь без каких-либо претензий со стороны стражи.

— Артрест, поскорее приведи Малаха. — прикрикнул вслед сыну Гефест. Но лишние наставления ему были ни к чему, он знал, что, как только повозка подойдет к воротам города, предстоит бежать за знахарем.

— Зачем тебе лекарь, Гефест? — удивился стражник — Что-то случилось, ты не ранен?

— Нет, Радмир, со мной все в порядке, а вот с парнишкой, которого мы нашли на выезде из Кураста... — Гефест сделал глубокую паузу — Ладно открывай ворота, для парня дорога каждая минута, я все объясню на Сборах.

Молча, стражник открыл ворота. Снова повозка закрипела своими колесами, только теперь по оббитой камнями мостовой. Петляя по закоулкам, повозка подъехала к одному из городских домов. Это был ухоженный двухэтажный дом с пристроенной кузницей и небольшим двориком.

Артрест уже стоял возле дома, когда Гефест остановил лошадей. Вскоре подросел и знахарь. Вместе с кузнецом они осторожно перенесли Немо — так и не пришедшего в сознание — внутрь дома, уложили его на кровать в одной из комнат. Обычная для южан комната: высокий потолок; тяжелые балки, сбитые мастером своего дела не только в кузнечестве, но и в строительстве Гефестом; в центре дальней стены выбито овальное окно с прямым основанием; в дальнем углу пылился шкаф, в другом — увесистый сундук. В эту комнату уже, по-видимому, давно никто не заглядывал, а уборкой здесь и не пахло.

Малах попросил всех удалиться. Около часа он не выходил из комнаты. Когда же, наконец, знахарь вышел, измученный от ожидания Гефест, стал сбивчиво расспрашивать его о мальчике.

— Не переживай Гефест, — успокаивал взволнованного кузнеца Малах — с малышом все будет хорошо, ему пришлось не сладко, но он крепок и скоро сможет бегать по улицам со своими ровесниками. Кстати, где ты его нашел? Кто он?

— Это долгая история — немного растерявшись, вытянул из себя Гефест — Ты услышишь ее, только не сейчас.

— Не буду настаивать, иногда надо время... Вот возьми этот отвар, — Малах протянул кузнецу зеленоватое варево со специфическим запахом. — Давай его малышу три раза в день, это поддержит его силы и придаст новые. Мне надо навеститься в степь за более мощными травами.

— Когда ты вернешься?

— Завтра днем, сегодня идти поздно. Да и темно на улице, все равно ничего дальше своего носа не разгляжу. Выйду утром, к обеду буду. — с небольшой доброй улыбкой говорил Малах; Гефест же был мрачен, как столб поднимающегося над полем брани дыма. — Да не переживай ты, выкарабкается твой малыш. Он еще и не такое испытает в своей жизни, а ты здесь уже чуть ли не хоронить его собрался.

— Ты прав, друг, — встрепнулся кузнец. — Встретимся завтра. Заодно расскажу тебе, где я нашел это дитя. — тихо промямлил кузнец.

— Будь, по-твоему, до встречи! — хлопнул Гефеста по плечу Малах.

— До встречи! — торил Гефест.

Малах быстрыми шагами удалился из комнаты. Знахарь был уже не молод, но казалось, что по-прежнему чувствует себя юнцом. Приехал он в Нимфею около десяти лет назад. Никто, кроме Гефеста, не знал, откуда прибыл таинственный человек, но не прошло много времени и жители городка прониклись к нему немалым доверием. Причина была проста: его таланты знахаря и мудреца были безупречны. Казалось бы безнадежно больные — выздоравливали, нуждающиеся в верном слове — получали его. Да, Малах умел давать тонкие и ясные, а главное — безошибочные советы. Хотя нет... был один-единственный случай, когда мудрец совершил промашку, но о ней знал лишь Гефест...

Малах выскочил за дверь. За ним поспешил и кузнец, останавливаясь на пороге. Гефест стоял и провожал взглядом, скрывающегося в тени домов, знахаря. Какое-то странное чувство опасения не покидало его. Всю ночь он провел у постели Немо. Странно, как за столь короткий промежуток времени человек успел так привязаться к мальчику. Гефест и сам не мог объяснить того, что творилось у него в душе. Совсем не сентиментальный, он так боялся за жизнь того, кто сейчас мог принести ему так много бед и забот. Близился городской совет, на котором обязательно затронут тему найденного малыша. И, если станет известно, что он северянин, то туго придется не только Немо, но и Гефесту. Что за безжалостный мир нас окружает?!

Кузнец пытался отбросить смутные мысли. Но это плохо получалось. На смену одним размышлениям приходили другие, и с каждым разом они были все хуже и ужаснее. С этими мыслями Гефест провалился в глубокий сон. До первых петухов он больше не открывал глаз...

II. Городской совет

Март, 1476, Нимфея, Северная граница Южной Короны

Пропели утро петухи.

Гефест встал с кресла, в котором уснул этой ночью. Протер глаза и увидел, что Малах уже сидит возле постели малыша.

— Как ты так быстро управился? — пробасил спросонья кузнец, прошло несколько мгновений, прежде чем мысли сфокусировались после сна.

— Утро венчает мудрость, — неясно отмахнулся Малах.

— Но ты же сказал, что тебе нужны какие-то травы. Или ты собирал их ночью? — сонным голосом спросил Гефест.

— Нет, мой друг. Ночь помогла мне понять, кого ты привез в наш город. Я даже разговаривал со стражником Радмиром. Ты обманул его, сказав, что нашел мальчика по недалеко от Кураста. — глядя в упор в глаза кузнецу с некоей укоризной, заметил знахарь.

— Откуда... с чего ты взял? — осекся Гефест, уже догадываясь, что обмануть Малаха не удастся.

— Этот мальчик с севера, не так ли? — уже зная, что ответит кузнец, спросил Малах. Гефест открыл рот, пытаясь что-то сказать, но знахарь не дал ему обмолвиться и словом, — Я знаю, откуда этот парень. Но ты даже не догадываешься, кого тебе посчастливилось найти.

— Посчастливилось? — изумился Гефест.

— Прошу не перебивай, ты все скоро поймешь. Смотри. Видишь знак на плече малыша? Это клеймо Великого Повелителя. — боком поворачивая тело Немо, твердил Малах, а на предплечье северянина красовалось клеймо — змея переплетающая корону, а над головой ползучей твари сияет, словно нимб, кольцо.

— Но у северян нет повелителей, у них все равны... — дивился кузнец.

— Ты не прав. У северян их не было. Уже есть. А вскоре не будет и самих северян. В Андарионе появилось страшное зло. Не знаю, откуда оно пришло, и кто его ведет. Догадываюсь... но все это не точно. Ясно одно — зло разрастется и поглотит и север, и юг, и восток, и запад. Так вот, я приблизился к самому главному: этот парнишка станет именно тем Великим Повелителем, о котором я говорил. И повелевать он будет не народами и землями, а сердцами и душами.

— Ты хочешь сказать, что этот мальчик привел то зло, о котором ты говоришь? — еще больше изумился Гефест.

— Не знаю, привел, или наоборот уничтожит его. Могу заключить лишь следующее: тебе повезло повстречать его. И еще, первое, что он попросит у тебя, ты должен сделать во что бы то ни стало! — взволновано кидал слова знахарь. — Слышишь? Первое, что он попросит, ты должен непременно исполнить!

— Понял, понял. А как же Совет? Что будет, если они узнают, откуда парень? — перебросил разговор в другое русло кузнец.

— Гефест, друг, думаю, ты уже придумал историю. Сейчас мы ее доработаем общими усилиями, а на совете я скажу, что полностью тебе доверяю и считаю, что благодетель должна только поощряться. Можешь не переживать, Совет не пойдет против моего мнения. Они же знают, насколько мои слова сильны и крепки. — гордо выпрямил старческую, но не потерявшую стройность, спину знахарь.

— Спасибо тебе Малах, я знал, что тебе можно доверять. — искренне приклоняя голову, отчеканил Гефест.

— Да брось ты! Устраиваешь здесь спектакли, не хватало еще, чтобы ты передо мной голову склонял! Я тебе кто? Правитель или друг? — быстро подскочил к кузнецу Малах и взял его за плечо.

— Друг, — тихим шепотом ответил Гефест.

— Вот именно, друг! Я ведь тоже доверил тебе страшную тайну, касающуюся моего прошлого. Тогда я не знал, почему это делаю, но теперь все потихоньку становится на свои места. — Малах встал и махнул рукой, жестом показывая Гефесту, что тот должен выйти, — Малышу нужен покой, ты здесь пока не нужен, твое время еще придет.

Кузнец вышел за дверь, от волнения у него выступил холодный пот. Он уже не знал хорошо или плохо то, что он подобрал полуживого малыша, но также точно, как было присуще ему, решил, что никогда не даст северянина-повелителя в обиду.

Через полчаса дверь комнаты Немо открылась, в дверном проеме показался Малах. Без слов он ушел из дома. Скорее всего знахарь пошел за травами, которые ему были нужны для лечения северянина. Гефест не следил за тем, как уходил Малах, и даже не провел его до двери. Он вошел в покои малыша, сел в то самое кресло перед кроватью Немо, в котором провел прошлую ночь. До возвращения знахаря кузнец не вставал с места. Один раз лишь поднялся, чтобы напоить северянина тем зельем, которое дал ему Малах. Гефест все смотрел

на Немо и думал, что принесет ему этот малыш, что он попросит у него первым? Но сейчас это было не столь важным, сперва надо поставить малыша на ноги.

Малах застал Гефеста в странных раздумьях. Лицо кузнеца было угрюмо и сконцентрировано. Недвижимая поза и застывшая мысль на лице создавали впечатление, что в кресле сидит не человек, а каменное изваяние. Все это вмиг изменилось, когда Гефест заметил знахаря.

— Ты нашел травы?

— Трехлистник и черестокол в наших степях не редкость, конечно, я нашел их. — успокаивал, разволновавшегося кузнеца, Малах — Чего ты так переживаешь? Я же сказал с самого начала: малышу ничего не угрожает. Лучше б занялся своими делами, а то свалил всю работу на Артреста. Он бедный мечется из стороны в сторону, то в кузнице работает, то по дому, то во дворе.

— Пусть привыкает, настоящий мужчина должен уметь справляться со всеми трудностями. — отрезал Гефест, показывая, что эта проблема его не волнует.

— Как и ты? — парировал Малах.

— Как и я. — резко ответил Гефест.

— Смерть жены сделала тебя жестоким к собственному сыну? — укоризненно спросил старый знахарь.

— Ты знаешь, что это не так. — потупил взор широкоплечий южанин, — Айрэн, моя милая Айрэн, не проходит и дня, чтобы я не вспомнил ее. Она отдала свою жизнь, чтобы на свет появился Артрест. Для меня он — ее продолжение, и никто не сможет обвинить или упрекнуть меня в жестокости в воспитании сына. Просто мужчина должен уметь делать все, от готовки до фехтования.

— Ты снова ставишь в пример себя. Готовка, тактика, стратегия... — покачивая головой, заговорил знахарь, но был в тот же миг перебит кузнецом.

— Пусть и себя, если мой сын будет лучше меня или хотя бы как я, мое сердце будет плясать от радости! — резко фыркнул кузнец.

Разговор шел к соре, но знахарь умело отвертелся от лишних перепалок:

— Ты слишком самоуверен, не забывай кто ты, и какова в твоём роду сила, но и не забывай, какое проклятье на нем лежит, заботься о сыне, иначе быть беде...

На Гефеста эти слова возымели должный эффект. Он не стал больше спорить. Знахарь снова доказал, что его слова всегда верны, что его советы всегда правильны. А кузнецу ничего не оставалось, кроме как задумчиво опустить глаза, с грустью вонзить свой взор в деревянный пол.

— Ты когда вообще последний раз ел? Прошлым вечером, когда Артрест принес тебе похлебки? — спустя мгновение продолжил Малах, на лице его уже засияла улыбка, словно ссоры и не было никогда, и намеков на нее тоже. — Тебе бы за собой еще следовало последить, да и сыну помог бы.

— Да, ты прав, я не должен все скидывать на Артреста. Хоть он и растет сильным и ловким, отец ему по прежнему нужен. Да и поесть бы не мешало. — у Гефеста немного потянуло в животе, когда Малах вспомнил про еду, кузнец был любителем поесть, и ел не меньше, чем за троих. — Но я уйду, если ты мне обещаешь не покидать малыша, пока меня не будет.

— Я согласен, "Большой человек"! — таким прозвищем Малах в шутку называл огромного по размерам кузнеца. — Иди, я никуда не денусь.

— Хорошо. — покидая комнату, промямлил кузнец.

Гефест спустился в кухню. Голод все сильнее и сильнее проникал в его крепкое тело. Как говорить: все приходящее и уходящее, а голод вечен. И в этот миг настает момент, когда кузнец превращается в повара.

В один миг загремели ножи и половники, выстраиваясь в некое подобии танца, сами создавая для себя музыку; забулькала вода в кастрюле с мясом, запахло пряностями и приправами.

К любви хорошо поест у Гефеста был еще и талант самому недурно готовить. Жизнь заставила его научиться всему, смерть заставила учиться еще быстрее.

Сам Гефест родился на юге, но в раннем возрасте ему пришлось покинуть отчий дом и искать лучшей жизни на востоке. Там он и повстречал свою будущую жену. Был он солдатом удачи, вольным наемником. Но любовь заставила покинуть этот промысел и перейти на более спокойный заработок — Гефест стал кузнецом. Рядом со своей смуглой красавицей новоиспеченный кузнец чувствовал настоящее счастье. Он совсем не скучал по старой жизни, наполненной боями и приключениями. Весь его мир сосредоточился на Айрэн, она была для него центром всего, она была счастьем, смыслом жизни.

Но счастье длилась недолго. Айрэн после тяжелых родов родила кузнецу наследника, но за новую жизнь ей пришлось пожертвовать своей. Она умерла.

Гефест с маленьким сыном перебрался обратно на юг, приведя с собой еще одного искателя приключений — Малаха.

Сын вырос, стал во всем помогать отцу, и в кузне и в доме, и на торгах. Гефест не забывал давать сыну уроков военного ремесла и Артрест в учении немало преуспел. На турнирах делил с отцом первые места...

...Когда обед был готов, Гефест разыскал сына, нашел его в кузнице. Наследник работал, не покладая рук, выполняя заказ наместника на новые мечи и кольчуги для стражей.

Кузнец забрал Артреста на кухню, где уже ждали вкусные яства. За обедом кузнец объяснил сыну, почему он так переживает за Немо, рассказал о словах Малаха, просил понять его. Артрест не отвечал, воздух в комнате накаливался, казалось, влети сейчас в комнату комар, он сгорит заживо. Сын не понимал отца, но ничего не говорил, показывало свои грани воспитание.

А воздух уже накалился до предела, но эту атмосферу разрушил, вошедший, Малах, сказав всего несколько слов.

— Парень приходит в себя!

Гефест бросил ложку и помчался на второй этаж в комнату Немо, оставив позади себя сына и знахаря. Артрест яростно посмотрел вслед отцу, он и не пытался скрыть своего недовольства. Раздраженно бросил ложку в суп, брызги разлетелись в разные стороны, резко встал и вышел из дома, направился в кузню, где сможет сполна отыгаться за свою злобу на раскаленном железе. Теперь любовь отца не принадлежит ему всецело, ее приходится делить надвое и сталь ответит за это.

Кузнец подошел к кровати северянина, растрепанное одеяло, мятая подушка и никого. Боковым зрением он заметил небольшое движение в углу комнаты и быстро перевел туда свой взгляд. Мальчик забился в углу, спрятавшись за кресло. Его глаза были полны страха. Гефест попробовал подойти, но северянин начал говорить на каком-то неизвестном языке, стал судорожно размахивать руками и брыкаться ногами. Подойти к такому малышу, который мечется, словно загнанный тигр в небольшой клетке, это не так-то просто и Гефест не стал спешить, решил выждать, когда мальчик привыкнет к его присутствию и перестанет бояться.

В это время в комнату подрос и Малах.

Малыш не переставал говорить на неизвестном языке.

После того, как Малах напоил его своим чудодейственным зельем, силы Немо возвращались в десять раз быстрее, чем когда-то уходили. Всего за полчаса сознание вернулось к нему, а силы били ключом. Гефест попробовал узнать у Малаха, о чем говорит малыш, или выяснить хотя бы имя северного малыша. Но здесь всезнающий знахарь был бессилен: северный народ никогда не принимал у себя чужестранцев, да и сами они никогда не рассказывали о себе, держа все в секрете. Поэтому никто посторонний не знал ни языка северян, ни их традиций.

При виде Малаха, страх Немо уменьшился. Постепенно он перерастал в доверие. Мальчик понял, что это его спасители, и вышел из-за кресла. Гефест попробовал подойти к нему, но тот спрятался за высоким знахарем.

— Он еще боится тебя, Гефест, дай ему время, скоро он привыкнет к тебе. — тихо, чтобы еще больше не испугать Немо, вымолвил Малах.

Гефест сел на кровать, Малах сел напротив него в кресло, посадив Немо к себе на колени. Как заговорщики, кузнец и знахарь обсуждали, что им надо говорить о странной находке на городских сборах, которые должны были пройти через пять дней. Когда «заговорщики» все окончательно решили, как говорить, поставили все точки над «и», за окном уже наступила ночь. На улицах зажигали фонари. Гефест встал и, кругом обходя Немо, вышел за дверь. Эту ночь Малах ночевал в доме кузнеца, не отходя от северянина ни на шаг, не оставляя его ни на секунду.

Несколько дней Немо хвостиком держался Малаха, знахарь тут же стал учить мальчика языку Южной Короны, также Малах попытался выудить хотя бы пару слов на родном языке северянина, но тот не поддавался. Уж сильно не любили люди северной крови выдавать своих тайнств.

Шло время. Каждый занимался своими делами, кузнец и его сын работали в кузне, фехтовали во дворе, Малах принимал посетителей, желающих лечений или зелья прямо в доме кузнеца, повсеместно учил Немо грамоте и языку.

Вскоре мальчик стал привыкать и осваиваться. Чужаки его по-прежнему пугали, но в его маленьком сердце что-то менялось. Твердые убеждения, что весь мир против него и каждый желает его гибели понемногу улетучивались. Немо уже не боялся оставаться один без опеки Малаха. Привычка ходить попятам знахаря исчезала. Учитель с каждым днем все чаще и все на больший срок оставлял своего верного ученика наедине с самим собой и книгой. Вспоминались уроки матери. Мать Немо была умной и грамотной женщиной, в ней текла гордая кровь, но какие-то тайны и секреты заставляли ее жить инкогнито, делать вид, что она обычная деревенская женщина.

Сейчас чтение давалось Немо с непередаваемым трудом. Неизвестные закорючки, лишь едва походившие на знакомый алфавит, долго не поддавались для прочтения. О содержании страниц можно было судить разве что по цветастым картинкам. На одной странице красовались животные, на другой одежда, на третий женщина убаюкивающая младенца... на следующей... меч в руке окованного в латы рыцаря...

Немо закрыл книгу. В носу защипало, скупые слезы выступили на глазах. Отступившие некогда злость и обида ударили в грудь с новой силой. Мальчик часто заморгал, сбивая скапливающиеся слезы, они тонкой струйкой потекли по впалым щечкам. Немо целенаправленно вышел из комнаты, рукавом сметая улики слабости. Безошибочно вышел во двор и замер. Уверенность пропадала. Секундой раньше он был селен и непобедим, мчал за Темными рыцарями, а уже сейчас вновь превратился в хлюпающего носом мальчика, неспособного ни побеждать, ни даже защищаться.

Немо пустым взглядом смотрел как во дворе кузнец отрабатывает навыки владения мечом. Гефест орудовал тяжелым двуручником с легкостью, с который взрослый держит деревянный меч для тренировки детей. Затем он взял широкий двухсторонний топор, с прежней ловкостью отрабатывая удары и этим нелегким оружием.

Гефест славился своими талантами. О ловкости и силе кузнеца ходили легенды. Он не единожды побеждал на соревнованиях в столице Восточного Ханства. Его знал каждый, уважающий себя воин. Везде за Гефестом полз длинный хвост славы, причем не только по умению владеть оружием, но и по кузнечному мастерству. Металл, который выплавлял Гефест, славился повсюду и в Южной Короне, и в Восточном царстве, и в Андарионе, и среди келебреттских варваров, и у корсаров. Этот сплав давно охранялся семейным секретом и передавался из поколения в поколение. Гефест не испытывал недостатка в клиентах. Заказы приходили один за другим. В те редкие дни, когда работы не было, кузнец ковал для ярмарок. Торговал всего раз в год, когда на Востоке проходил ежегодный турнир. Его творения всегда разбирались с ажиотажем. А слухи, что именно благодаря особым мечам кузнец одерживает свои великолепные победы, создавали самую лучшую рекламу. Хотя главной целью визита в Восточное Ханство были не столько торги, сколько возможность

лишний раз доказать всем свое превосходство в фехтовании.

...Немо усталым взглядом тайком наблюдал за движениями кузнеца, выискивая в них закономерности. Мальчик оценивал на что способен его спаситель, цеплялся за нить, которая может приблизить его замыслы. Теперь он понимал, что именно кузнец сможет научить его мастерству настоящего воина. И когда Немо станет достаточно ловок и умен, он отомстит Темным воинам за смерть своих родителей. Немо таясь вернулся в свою комнату. Малаха еще не было. "Никто меня не заметил, — резюмировал Немо". Но он ошибался.

Артрест краем глаза видел, как северянин покидает комнату. Всей душой надеялся, что странная *находка* попросту сбежит, вернув жизнь в прежнее русло. Надежды не оправдались. *Находка* тенью шмыгнула обратно в комнату. "Чтоб его кручины сожрали! — подумалось Артресту, и он вернулся к половнику и кипящему в кастрюле вареву".

Ночи проходили одна за другой. Венчались днями, которые становились все длиннее. И снова ночь поглощала маленький город. Дневная суeta сменялась невыносимой ночной тишиной и покоем, гул людей — тихим играющим свистом ветра. Изредка доносился волчий вой из келебреттских гор, но также быстро пропадал во все той же тишине ночного города.

Время уходило. Приближался день сбора городского совета. Гефест и Малах успели сговориться настолько, что сами уже верили тому, что придумывали, сидя ночами у камина в доме кузнеца.

К полудню, когда солнце уже стояло в зените, Гефест отправился на центральную площадь — место сборов. Кузнец пришел один из первых, площадь была еще совсем пуста. Поначалу казалось, что никто и не собирается приходить, но спустя несколько минут из многочисленных арок, со всех сторон окруженных каменными зданиями, повалил народ. Вскоре вся центральная улица кишмя кишела людьми. Все ждали появления наместника.

Пришлые люди стали обсуждать волнующие их дела. Речь шла о том, что творились на границах, не оставили без внимания и то, что дороги с каждым днем становятся все опаснее, но ничего решить без вмешательства наместника не удавалось. Вместо этого поднялся такой гул, что Гефест при всем своем желании не смог бы услышать и собственного голоса.

Но «базар» длился не долго. Наместник не заставил себя ждать. В сопровождении немалой свиты и охраны он занял свое место в центре улицы, возле фонтана. Народ прибывал, шум на площади усиливался. Но одним движением руки, наместник успокоил разбушевавшуюся толпу, все замолчали. Легкое перешептывание пробежало по толпе и скрылось в глубине арок.

Наместник восседал на большом расписанном рунами на разных языках кресле, немного походившим на трон. На голове королевского подданного поблескивала тонкая и изящная золотая корона, сделанная Гефестом по личному заказу наместника, тонкий шелковый плащ немного колебался от степного ветра, который не могли сдержать ни городской частокол, ни дома на главной улице, ни что-либо еще.

Люди расступились, образуя большой полукруг. Наместник привстал и начал говорить.

— Мы снова собрались здесь! Много лет и веков также собирались наши предки, чтобы решить проблемы, волнующие горожан. О чем вы хотели говорить сегодня? — голос наместника был мелодичен, как песня жаворонка, и в то же время полон мудрости и опыта, стальные нотки звучали в нем особенно ярко.

— Северяне снова подняли цены на зерно! Их обозы идут на восток! А мы теряем прибыль! — послышался голос из толпы, потом начался небольшой гам, и все стихло, когда наместник поднял руку.

— У нас есть старые запасы зерна. — спокойно отвечал он. — Поэтому цены на хлеб на рынке не возрастут.

— А как же мельники, пекари и другие, у нас будут убытки! — выкрикнул уже другой голос из толпы.

— Первое время мы выплатим вам недостатки из городской казны, а потом вы все равно потеряете часть прибыли. — ответил городской глава. По толпе прокатился

недовольный ропот, но новых возгласов не последовало. Наместник продолжил. — Какие еще проблемы волнуют вас?

— Меня волнует, почему наместник бездействует. — резко выкрикнул из толпы один человек, расталкивая всех вокруг себя он вышел в небольшой полукруг перед наместником. — Ситуация на дорогах с каждым днем все страшнее и страшнее, ведь северяне подняли цены на зерно не только из-за неурожая, они боятся везти маленькие обозы, а ждать больших не всегда выгодно! Не легче ли им поехать в Восточное Ханство и распродаться там? Дороги на восток хорошо охраняются и на обозы никто не нападает!

— Ты закончил?! - мелодичность в голосе наместника куда-то подевалась, а стальные нотки зазвучали еще сильнее.

— Нет, наместник Фарнлес, сын Калфисто, если мы не будем охранять дороги, то скоро у вас не хватит казны, чтобы выплатить всем убытки. А от дорожных разбойников страдают не только цены! Неделю назад там убили моего брата Рафеша, который возвращался с восточных торгов. Если бы не Гефест, моему брату и сейчас было бы суждено лежать на обочине дороги. — голос рассказчика стал уныл и жалок. — Долго мы будем терпеть то, что творится на наших дорогах? Долго мы будем терпеть разбой в наших землях? Долго ли мы будем бояться выходить из-за городских стен? Я спрашиваю долго?!

— Гвилдор, твой язык остр, несмотря на возраст. — не теряя хладнокровия, продолжил наместник. — У нас не так много людей в гарнизоне, чтобы защищать и город, и дороги. Я писал прошение королю, напишу еще, но не уверен в скором и желаемом ответе. — тонкая льдинка грусти в голосе наместника охладила пыл Гвилдора. Секундой спустя Фарнлес добавил, — кстати, где Гефест?

— Я здесь, мой повелитель, — пробиваясь сквозь толпу, выцепил через сомкнутые зубы кузнец. Подобные слова ему давались нелегко, но сегодня (только сегодня) ему надо прикинуться глупеньким и ропотным.

— Расскажи, как ты нашел тело Рафеша. — обратился к Гефесту наместник, когда тот вышел на открытое место.

— Вообще-то я нашел сначала камни на дороге, выложенные стрелкой на обочину. Когда я проверил придорожные кусты, то увидел там мертвого Рафеша. Лицо его было прикрыто плащом, а вокруг самого Рафеша лежали камни, точно описывающие контуры его тела. — Гефест сделал короткую паузу — Видно кто-то хотел похоронить бедолагу, но я не знаю в традиции какого народа такой похоронный обряд.

— Ты сразу забрал тело Рафеша с собой? — задал еще один вопрос наместник.

— Нет, я сразу и не узнал его. Сообщил о теле стражам на следующий день после прибытия в город.

— Почему ты ждал целый день? — продолжал наместник.

— Я прибыл поздно ночью, утром следующего дня сообщил. Или я должен был бросить все и помчаться к караульным писать доношение?

— Нет, не должен. Ты прибыл сам? — разговор шел спокойно, с едва заметным официозом и нарочитыми нотками.

— Нет, конечно. С сыном.

— С тобой был еще кто-то?

Гефест немного помедлил. Этого требовало повествование. Напуская на себя маску доброго самаритянина, он заговорил.

— Со мной был обессиливший парнишка, годов десяти от роду, я нашел его на выезде из столицы Восточного Царства. — Гефест будто пытаясь восстановить забытое, сделал задумчивый вид и глубокую паузу. Некоторое время спустя продолжил. — Когда я приехал в город, первое что я сделал — послал за Малахом, чтобы тот осмотрел мальчика. Он слаб, редко встает, поэтому я не стал брать его на Совет. Я обо всем этом писал наместнику, или письмо до Вас не дошло?

— Письмо я получил. Историю твою знаю, но хотел, чтобы все услышать от тебя, откуда этот малыш и почему он сейчас не с тобой. — объяснил Фарнлес.

— Так как же быть с дорогами? — снова ворвался в разговор Гвилдор.

— Парень, тебе лет восемнадцать, не много ли ты на себя берешь? — слышался голос из толпы.

— Не много. — выкрикнул, поворачиваясь лицом к толпе, Гвилдор.

— Успокойтесь! — снова встал наместник. — Мы собрались не для того, чтобы уставать базар, вернемся к истории Гефеста. Что с ним случилось, как он попал к тебе? — настойчиво спросил наместник.

— Точно сказать не могу. Возможно на него напали разбойники, возможно какое-то животное. Никаких следов по близости я не нашел, равным счетом, как и стражи, которая якобы охраняет дороги... — Гефест перевел взгляд с наместника на Гвилдора. — Там такой же разбой на дорогах, как и у нас, может только мародеры встречаются реже, упали им на головы наковальня.

— Да сколько можно все об одном, да об одном, что твориться на границе? — сказал один из людей, стоявших впереди. — Говорят, варвары на западе разбушевались! Что скажет на это наместник и король?

— Волноваться пока не о чем, варвары свободный народ, они не станут вести открытую войну против Южной Короны, а те стычки, которые были у Келебреттских Гор, не о чем не говорят, они не впервой. — улыбнулся сквозь зубы наместник. — А война, война подождет.

— Хоть бы о малыше больше ничего не спросили. — подумал Гефест.

— Наш любимый кузнец — с небольшой иронией продолжал наместник — расскажет мне все за ужином, сегодня, а может завтра вечером. Жди гостей Гефест, к тебе придут мои люди, чтобы отвести в крепость.

Гефест поклонился и скрылся в толпе. Больше он ничего не слышал, для него городской совет был окончен. Но появилась новая угроза, о чем хочет говорить наместник?

Быстро проходя знакомые городские улицы, Гефест вышел к своему дому. Малах ждал на пороге. Вместе они прошли в дом, по традиции уселись у холодного камина. Гефест несколько раз покосившись на закопченные камни, разжег в камине огонь. В комнату зашел Артрест, и немедленно был послан за горячим чаем.

Сперва поленца в камине вяло потрескивали, не желали поддаваться, давали больше дыма, чем огня. Но их сопротивление быстро таяло перед хаотичной стихией. Языки пламени заплясали, сначала скромно и нехотя, но позже весело и радостно, поглощая дерево со всех сторон, окутывая его собой, пожирая, пируя.

Сын кузнеца вновь появился в комнате. Нес поднос, на котором стояли две большие кружки ароматного чая, купленного Артрестом на востоке по случаю недавних удачных торгов.

Друзья уселись поудобнее. Гефест попросил сына не покидать комнаты, когда тот спиной попятился к двери.

— Что случилось сын, ты выглядишь, будто на тебя недавно сто демонов напали. — с небольшой ухмылкой обратился Гефест.

— Я волновался. Как прошел совет? — сверкая глазами, ответил Артрест.

— Нет причин для волнений. Ничего особенного на сборах не произошло. — уже не так весело, как прежде, а скорее угрюмо сказал Гефест.

— В вашу историю про малыша поверили все? — поинтересовался у отца сын.

— Скорее да, чем нет. Все знают меня в этом городе, и у них нет причин не доверять мне. — уже менее озадачено, ответил Гефест.

— Я пойду, посмотрю за парнем, он сегодня так и не просыпался. Странно, ведь он совсем недавно уже бегал, как молодой жеребец. — натягивая улыбку, которая больше походила на гримасу, сказал Артрест, выходя из комнаты.

— Вот видишь, Малах, Артрест уже почти привык к мальчишке. Ухаживать сам за малышом пошел без просьб и команд. — обратился к знахарю Гефест.

— Кузнец и в Кейталасе кузнец, ты слеп, как крот, — вытянул Малах, делая серьезный

и мудрый вид — твой сын еще сыграет злую долю для мальчишки.

— Как ты можешь так говорить о моем сыне, — Гефест привстал из удобного кресла, но скоро рухнул в него опять, специально делая много шума — да ладно, думай, что хочешь. Да вот еще что, почему малышу плохо?

— С парнем сейчас и должно быть так, он слаб, несмотря на сильный дух и закалку тела, он еще слишком мал. Я выяснил, как его зовут — Немо.

— Немо... — задумчиво протянул Гефест, — Сегодня могут прийти люди наместника. Не догадываешься, что ему от меня надо? Неужели он и впрямь так заинтересовался Немо?... - вдруг немного вздрогнул Гефест.

— Не думаю. Скорее, хочет что-то решить с дорогами или с варварами... а, впрочем, мало ли что. — махнул рукой знахарь. — Решай проблемы по мере их поступления. Нечего без причины голову ломать.

В один миг оба собеседника умолкли, погружаясь, каждый в свои размышления.

В голове Малаха пробежали прекрасные зеленые луга, озера и реки с зеркально чистой водой, голубое небо, на котором не было ни единого облачка, легкий ветерок, наполняющий воздух бодрящей свежестью. Повсюду слышались голоса птиц и жужжание кропотливых пчел. Возле горизонта возвышались пики гор, заснеженные вершины поблескивали под светом палящего солнца. Таковым рисовала память прекрасный и таинственный восток, Родину. Затем его ведения проваливались все дальше вглубь восточных краев. Луга сменялись пустыней, где солнце палило еще безжалостней, пропадали реки и озера, больше не слышалось ни птиц, никого. Сплошная тишина, режущая слух. Поднялся страшный пустынный ветер. Песок на барханах зашевелился, и скоро все вокруг покрыла непроглядная песчаная пыль. Буря сгущалась, окутывала все вокруг, соединяла в шумную песчаную пелену землю и небо. Ветер стихал. Буря, лишенная источника бешено завывала, покидая пустыню. Глазам вновь вернулась способность видеть. Взгляд впился в непонятно откуда взявшийся дворец. Его купола скрывались далеко за облаками, уловить где они заканчивались казалось невозможным. Тишина, которая царила вокруг, пыталась вбить в голову, что этот дворец давно опустел, а может и вовсе мираж. Но это было не так. Ворота дворца открылись сами собой, и уже, не понимая ничего, Малах шагнул вовнутрь. Знахарь все глубже и глубже погружался в собственные мысли, но его воспоминания оборвал знакомый голос.

— Ты снова на востоке, друг? — послышался голос Гефеста.

— А ты, как всегда проницателен. — ответил Малах.

— Никак не можешь забыть то, как ты попал в город Неба? — продолжал кузнец.

— Такое не забывается. — со вздохом ответил знахарь.

— Ты жалеешь об этом? — моментально спросил кузнец.

— Конечно же, нет. Я получил там те знания, о которых обычные люди могут только мечтать. — Малах будто снова стал проваливаться в дивный сон, и снова Гефест вырвал его из уз мечтаний.

— Если бы ты мог вернуть время назад, поступил бы ты, как и раньше? Открыл бы секрет Божественной стали смертному? — Гефест немного приостановился, он сам знал секрет этого металла, ведь тот «смертный», о котором сказал кузнец, был его дальний родственник. — Ты бы проклял свое имя еще раз? Ведь тебя изгнали к людям именно из-за этого, не так ли?

— Нет, Гефест, не так, — голос Малаха, кажется, стал еще мудрее, слова вылетали, будто не из уст человека, а из уст полубога. — Божественная сталь... да, она сделала мое дело в моем изгнании, но первое и самое страшное, что я совершил — я обучил твоего деда искусству рыцаря света. Этого паладины мне простить не могли. Хотя теперь та тайна уже не столь скрытна, теперь уже паладины сами набирают себе учеников. История похожа на историю Промита, который дал людям огонь и понес за это наказание, хотя Боги огонь не стали возвращать себе...

Разговор снова зашел в тупик. Гефест не нашел, что сказать. Малах не нашел, что

добавить. Кузнец знал, что когда-то Малхазтофей, он же Малах, помог Востоку и Югу одолеть страшное зло, которое окутывало почти все земли Среднего Мира. Воин-паладин Малах открыл неведомые обычному человеку знания, отдал секрет Небесного металла в руки Мефласта — далекого предка Гефеста. И за это был изгнан в мир людей. Лишенный почти всех сил, он должен был века напролет помогать людям, до тех пор, пока полностью не искупит свою вину.

— Если бы не ты, Айзолин поглотил хаос. Ужас, страх, смерть и братоубийство. Вместо городов красовались бы руины. Рано или поздно мир бы умер... — вытаскивая из головы каждое слово, высказался Гефест.

На этом разговор окончился. Малах снова вернул себя в тот город, в который нашел будучи отчаянным запутавшимся мальчишкой. Тогда этот дворец показался простым миражом, но там из простого восточного парня он превратился в Великого Воина Света, как его долгое время называли на востоке. Но вскоре мир забыл своего героя, и, проклятый Небом, забытый людьми, Малах нашел отдых в маленьком южном городке.

Постепенно яркие воспоминания городского знахаря сменились не менее ярким сном. Гефест уснул не многим позже своего друга, только мысли у кузнеца были куда мрачнее, чем у Малаха. Так и продолжая сидеть в креслах возле камина, два друга спали, изредка посапывая.

III. Первая просьба

Март, 1476, Нимфея, Северная граница Южной Короны

Ночь навевала Гефесту странные сны. Он стоял на вершине непроходимых гор, под ногами хрустел белоснежный наст. Повсюду красовались своими толстыми, выдавшими виды стволами древние деревья, из последних сил цепляющиеся корнями в скалистую почву. Гефест, словно паря в воздухе опускался все ниже и ниже. Постепенно гора перешла в поле, снег там лежал еще большими сугробами, чем на горе. Казалось, что ни одна душа не может выжить в этой страшной мерзлоте. Взгляд кузнеца молнией перенесся в какой-то лагерь из трех небольших палаток. Темнота обволакивала все вокруг, но чудным образом Гефест все отчетливо видел, улавливая каждую деталь.

Лагерь спал. Незаметно для остальных один человек встал и, крадучись с саблей наизготовку забрел в одну из палаток. Мгновение спустя он вышел, по оружию было измазано теплой парующей на холоде кровью, слизкая жидкость стекала по острому лезвию к рукам убийцы. Гефест насторожился, но вдруг понял, что это сон. Ему стало интересно, что произойдет дальше, но продолжения не последовало. Вместо этого потянуло обратно к вершине горы невероятной силой. Все, что видел до этого Гефест в своем сне, пролетало быстрыми картинками. Когда он оказался на том же месте, где начался его сон, кузнец очнулся и выскочил из кресла, как ужаленный. Вместе с ним, будто сговорившись, вскочил и Малах. На их лицах виднелось удивление, на лбах маячили кристаллики холодного пота.

— Тебе снились Келебреттские горы? — глядя в глаза кузнецу, спросил Малах.

— Тебе тоже? — с небольшой растерянностью, ответил вопросом кузнец.

— Станный сон, не правда ли?

— Да уж куда страннее. — немного отходя, от сновидений выговорил Гефест.

— Станные вещи уже начали происходить после появления Немо. — задумчиво начал Малах.

— Ты что-то знаешь и не говоришь мне?

— Нет. Пока что я и сам знаю слишком мало, но попытаюсь выяснить. — лицо знахаря трижды поменялось прежде, чем он снова стал говорить. — В этом мальчишке есть какие-то силы. Ладно, пойду, гляну как он. Его надо как можно скорее научить языку, не может же он постоянно говорить жестами.

— Да, и меня ждут дела. А то с этими сборами все нервы себе передрал. Руки отказываются что-либо делать, всю неделю бездельничал. Артрест молодец, все тихо

выполняет без всяких поручений, — едва справляясь с удивлением после сна, буркнул Гефест.

Малах отправился к Немо. Тот еще спокойно спал, до рассвета оставалось несколько часов. Сумрак за окном быстро рассеивался, предвкусывая просвет, но солнца все еще не было видно. Немо проснулся с первыми лучами солнца. Малах сидел возле его кровати, снова погружаясь в воспоминания о минувших днях своей молодости. Целый день Немо провел в учениях, он изучал южный язык. Преподаватель в лице Малаха был куда как не плох, да и ученик старателен. Мальчик улавливал все на лету, быстро запоминал каждое слова, которые говорил ему учитель.

Гефест же вернулся к своим привычным делам, их у кузнеца было не мало. Пока знахарь обучал Немо, Гефест работал с железом. С утра и до полудня во дворе беспрерывно слышался звон металла, громким эхом он отражался от стен дома, разносился далеко окрест. Кузнец и его верный подмастерья работали, не покладая рук, в поте лица выковывая все новые доспехи и оружия. Гефест был главным поставщиком всякого рода амуниции в здешних краях, изредка по заказу делал и разные диковинные вещи из драгоценных металлов, примером этого могла служить корона наместника. Секретом кузнеца был не только огромный опыт в кузнечном мастерстве, еще был сплав — Естский — он передавался в роду Гефеста из поколения в поколение, его состав хранился в страшной тайне, знали о нем только внутри семьи. Нередко кузнеца просили продать секрет сплава, предлагали немалые деньги, но Гефест всем отвечал отказом. "Я могу сам выковать вам любую кольчугу или меч, какие вы только пожелаете, могу сделать броню тонкой и избавить ее от чрезмерного веса, или же, наоборот, выковать сталь брони настолько непробиваемой, что ни каждый сможет даже удержать тяжесть доспехов на своем теле, но продав технологию я останусь без твердого заработка" — отвечал надоедливый купцам и кузнецам Гефест. Предложений для него было немало, согласившись хотя б с одним из них, он мог спокойно жить не зная недостатка и усталости. Предложения звучали не только по поводу сплава. Гефест был отличный воин, однажды король Южной Короны, лично предлагал Гефесту обучать его солдат военному ремеслу. Когда же тот отказался, король сделал новое предложение, стать генералом, кузнец мог получить немалые привилегии, деньги, власть, но и здесь Гефест остался непреступен. Ему нравилась та жизнь, которую он вел, с утра и до вечера ковать доспехи, обучать сына владению оружием, ездить каждый год на восточные торги, все это было настолько родным и привычным, что никакие деньги, никакая власть не могли заставить его отказаться от любимой и простой жизни.

...Время подходило к обеду. Весь в саже, как трубочист, Гефест вышел из кузницы. Он умылся и пошел на кухню. Повинуясь отцовскому поручению, там хозяйничал Артрест. Вскоре подошли и Малах с Немо. Все уселись за обеденным столом, и пока повар выставлял кушанья, начался разговор.

— Как продвигается обучения малыша? — спросил у знахаря Гефест.

— Неп-похо. — не дав и открыть Малаху рот, заикаясь, ответил Немо.

— Да, я вижу, дела идут быстрее, чем я думал. — улыбаясь, сказал кузнец.

— У Немо талант, он без лишних слов понимает все, без долгих заучиваний запоминает слова. — взирая в глаза северянину, хвалил его Малах.

Артрест замельтешил, выставляя разные яства на стол. Скоро столешница уже ломился от всяческих блюд, заметно проседая под тяжестью. Артрест принес всем по кружке с пивом, не забывая и о Немо. Трапеза началась. Все ели с глубокой жадностью, каждого было ни то, что трудно, а просто невозможно оторвать от тарелки. Когда Немо попробовал налитого в его кружку пиво, то сначала скорчил небольшую гримасу. Под вкусно приготовленную пищу, слегка горьковатый вкус пива, показался Немо совсем не привлекательным, но, увидев с каким наслаждением попивает его Гефест, северянин пересилил себя и сделал еще пару глотков. Теперь для Немо они не были так неприятны, он даже стал припоминать этот вкус. Да, он уже пробовал однажды подобный напиток, когда шел по Южному Тракту, в фляге мертвого Рафеша было что-то похожее, только горче и в груди становилось теплее. Память

Немо на мгновение вернулась в те страшные дни, но мысленно он отмахнулся от воспоминаний и вернулся в кухню в доме кузнеца.

Все ели молча. Разговор начался, когда тарелки опустели. Трижды поблагодарили Артреста за столь непревзойденный обед, видно от отца сын унаследовал все, ну или практически все.

— Сын достоин отца. — облачиваясь на спинку стула и выпуская лишний воздух из легких, прошипел Малах.

— Спасибо сынок, угодил, такой свинины я не ел уже давно. — потягиваясь на стуле, и одновременно рыща в кармане трубку, сказал Гефест.

— Спа-сибо Арт-рт-тре-ест. — неумело выговорил и Немо.

Мгновенно Артрест убрал со стола пустые тарелки и показывающий дно чан с недавней приготовленной свининой. По окончании трудов принес еще пива. Раз начавшись разговор не умолкал. Южане любили побеседовать после вкусной и питательной еды, нередко на обед заходили в какую-нибудь таверну, желательно поближе к центру города, где людей, а значит и собеседников, было гораздо больше, чем на окраинах.

За все пребывание в доме кузнеца, для Немо это была первая, на его вкус нормальная пища. До этого его поили разными отварами и бульонами. А теперь свинина — для северянина это был настоящий пир!

— Мозно мен-ниа... гор-р-род? — запинаясь на каждом слове, выговорил Немо.

— Ты хочешь выйти в город? — поинтересовался кузнец, потом посмотрел на Малаха и продолжил. — Конечно, Немо, ты можешь идти! Ты здесь не в тюрьме! Малах пойдет с тобой, хорошо Малах? — обратился уже к знахарю Гефест.

— Немо с-сам. — ломая язык выговорил северянин.

— Сам? Не-ет, я не могу... одного... — теперь уже кузнец стал заикаться на каждом слове, отпускать мальчишку одного не шибко хотелось.

— Пусть идет. — встрял Малах. — Если хочет, пускай идет один. А нам с тобой, Гефест, все равно надо поговорить.

Гефест не нашел что сказать, похоже дар речи его оставил на несколько минут. Он даже был не в состоянии ответить, или хотя бы сказать пару напутственных слов северянину, он просто сидел и с округленными глазами смотрел, как за порогом исчезает силуэт Немо.

А Малах хотел обсудить предстоящий разговор с наместником. Ни Гефест, ни Малах точно не могли сказать, зачем вдруг Фарнлесу понадобился кузнец.

А Немо уже шагал по незнакомым улицам никогда не виданного города. Те города, которые он видел до этого, на его родине, были совсем не такими. Они состояли из густо расставленных шатров. По маленькому шатру у каждой семьи, самые большие у старейшин, — они всегда теснились в центре селения. Город обнесен невысоким частоколом, скорее от диких зверей, чем от людей. Таким и был город для Немо.

Здесь же, в Нимфее, все выглядело совсем иначе. Мощные улицы были хорошо обустроенные, по ним могли спокойно проехать сразу несколько повозок, самой широкой была центральная улица. Конечно, не обходилось и без закоулков, но Немо не рискнул пойти в них, выбирая улицы, где народу было побольше. Через каждые сто, двести метров располагалась таверна, в каждой из них стоял огромный гул. Время обеденное — самая лучшая для хозяев забегаловок часть дня. Народ был веселый и бодрый. Повсюду шныряли торговцы, прямо на улицах продавая свой товар, кричали, зазывали. Бегали полуобнаженные девушки, маня всего за небольшую плату вкусить прелести их грациозного тела.

Дома в городе были похожи друг на друга. Немо сначала переживал, что не найдет дом кузнеца, но потом любопытство взяло верх и северянин не оглядываясь брел на встречу неизвестному. Вдоль домов стояли торговцы. Часто над дверью висела какая-нибудь вывеска, но, не знавший южного языка, Немо не мог разобрать надписей, поэтому даже не обращал на них никакого внимания. Северянин шел в восточный район города. Постепенно стали пропадать с улиц торговцы, мощные дороги стали иногда показывать проемы и выбоины, количество вывесок заметно сократилось, прекрасные ухоженные дома, жутко

похожие друг на друга, небольшие дворики перед ними, стали уже не так красивы, как прежде, чувствовалось, что где-то здесь бродит опасность. Пропали с улиц и торговки телом, дочери похоти. Немо не было страшно, скорее интересно. Он медленно перебирал ногами, вертя головой по сторонам, вкушал прелести неизвестного и непознанного. Улицы совсем опустели, грязные засмоленные дома, немного напоминали северянину родные места. Широкая городская дорога сузилась, стала разветвляться на множество маленьких путей, они пробегали меж домов. Даже днем, когда южное солнце ярко освещало землю, в этих закоулках было темно и сыро. Немо хотел было пойти в один из таких переулков, но какое-то странное чувство его остановило. Мурашки пробежали по коже северянина, он вдруг вспомнил тот день, когда на Найнлоу обрушилась страшная сила темных рыцарей, струйка слез разделила его лицо на три части, из головы не выходил образ ненавистного человека, убившего его семью. По инерции, как замороженный, Немо продолжал идти. Слезы не переставали капать по его лицу, он уже забыл про свою страшную клятву, добросердечные люди немного сгладили пережитое. Но сейчас их не было рядом и память возвращала к минувшим дням. Обида и злость разгорались исполинским огнем с новой, еще более ужасной, силой.

Немо шел и шел, дома теперь стояли все реже, промежутки между ними участились, вдаль показались верхушки городского частокола. Немо их было еще сложно уловить взглядом заплаканных глаз, но когда слезы сошли, то новое чувство заиграло в груди Немо. Как он сюда забрел? Как вернуться обратно в дом кузнеца? Мальчишка не знал языка, чтобы спросить дороги, да и людей на улицах не было, все разбрелись по домам и никому не собирались открывать двери.

Немо стал понемногу входить в отчаяние, блуждая по незнакомым переулкам. Когда надежда почти иссякла, его подобрал отряд городских стражей. Командир попытался выяснить, откуда этот парнишка, и долго мучаясь с непонимающим ребенком, начинал выходить из себя. Но, когда Немо стал страстно повторять знакомое имя кузнеца, то стражи поняли, что найденная ими пропажа, разгуливающая восточными районам Нимфеи — это тот самый малыш, которого подобрал Гефест. Они отвели Немо к дому. Оставив малыша во дворе, отряд пошел дальше патрулировать городские улицы.

Время приближалось к закату, но сумерки пока не надвигались. Немо стоял скрывшись забором, не спеша заходить вовнутрь. В этот момент во двор своего дома вышел Гефест. Он нес с собой, выкованные им сегодня, мечи и боевую секиру. Кузнец стал проверять свое оружие, заодно упражняясь в боевой ловкости.

Немо наблюдал за Гефестом прикованным взглядом. Пытался запомнить, отложить в памяти каждое движение, каждую малейшую деталь. Орудия двумя мечами, кузнец словно кружился в танце. Вот он пятится назад вращая перед собой мечами, резкий выпад, прыжок в сторону, пирует, новый выпад (всего этого не запомнить!), снова боевая стойка, секундная пауза, словно выжидание и танец-схватка продолжался. Мощное тело широкоплечего кузнеца, казавшееся неуклюжим в обыденности, стало настолько ловким и гибким, что Немо даже не поверил чудесному перевоплощению. Мастерство Гефеста не знало равных. Если бы этот человек смог обучить его своему мастерству, то ни один Темный рыцарь не устоял бы против меча в руках Немо!

Тихо, даже немного крадучись, мальчик подошел к Гефесту. Кузнец сразу остановился, на его лице выступила небольшая испарина. Гефест небрежно вытер с лица пот с остатками зноя, не смытой после кузничной копоти. Его загорелые руки не отпускали намертво зажатые в них мечи. Брови на лице кузнеца были сдвинуты, но, увидев Немо, лицо резко изменилось, появилась небольшая, но искренняя улыбка.

— Как прогулка по городу? — одобряюще спросил Гефест.

— Мм... да. — не понимая слов кузнеца, протянул Немо.

— Все ясно! — улыбка Гефеста покрыла уже все лицо, — Малах хороший учитель, но всего за один день не узнать.

— Я тосзе хот-т-тсю. — также не поняв слов, сказал Немо, указывая на оружие

кузнеца.

— Хочу... хочешь что?! - Гефест стал серьезнее, улыбка заметно уменьшилась, а затем вовсе сошла на нет.

— Хотсю ум-м-мечь! — торжествующе, будто уже получая одобрение и согласие, проговорил Немо.

— Но... — Гефест остановился, устремив свой взгляд на только что вошедших людей наместника, он уже и позабыл о словах Фарнлеса на городском собрании "...кузнец расскажет мне все за ужином, сегодня, а может, завтра вечером... к тебе придут мои люди, чтобы отвести в крепость". Время пришло.

— Немо, иди домой тебе здесь не место. — продолжил Гефест, но один из людей остановил малыша, уже направившегося в дом.

— Наместник сказал, чтобы мы привели с тобой парня, которого ты нашел — обратился к кузнецу один из солдат, скорее командир, на его рукаве виднелся серебристый знак, трехгранная тиара — символ Южной Короны.

— А он там зачем? — нервно бросая злобный взгляд на воина, выкрикнул Гефест.

— Гефест, не злись, мы только выполняем приказы, и больше ничего. — спокойно, с непонятной стойкостью и прохладой в голосе продолжал тот самый человек, с серебристым знаком.

— Наместник хотел видеть меня, меня и увидит, малыш не причем. — взрываясь, продолжал Гефест.

— Мы не хотим вести вас силой. — бесстрастно сказал другой воин, повыше ростом, но уступающий в плечах начальнику со знаком отличия.

— Попробуй! — вспыхнул кузнец, сжимая в руках выкованные им мечи.

— Молчи Некор, тебе не совладать с этой ношей! — повышая голос, обратился к подчиненному командир отряда, — Гефест, прошу простить глупого солдата, он совсем недавно прибыл в город и не знает ни тебя, ни здешних обычаев. Если ты не приведешь малыша, то будет худо нам, не тебе. По старому знакомству еще раз прошу пойти с нами, не забыв малыша дома.

— Хорошо Норгим, я пойду, и малыш пойдет со мной. — в сердцах успокаиваясь, сказал Гефест.

Конвой отправился к цитадели наместника. Кузнец взял Немо под руку, и не отпускал его от себя дальше, чем на шаг. Дворец находился в западном конце города, дорога туда была широка и извилиста. Придорожные ночные дома, сменявшие друг друга ежесекундно, были совсем не похожи на те, что видел Немо днем, всепоглощающий мрак южных ночей, изменил их вид до неузнаваемости. Каждых двадцать шагов возле дороги висел фонарь, широко освещающая путь, но никак не дома.

Идти пришлось недолго. Вскоре отряд с кузнецом и Немо, подошел к большому зданию — цитадели города. Горожане называли ее крепость, но она на таковую была похожа с трудом, скорее городская ратуша, но преувеличивая ее достоинства Фарнлес назвал для себя ее цитаделью.

Тяжелые железные ворота со скрипом отворились. Люди зашли в открывшийся проход, скрываясь в темноте широкой арки туннеля. Через несколько шагов вдали показались огни факелов, они быстро приближались. Их встречали стражи. Препроводивший северянина и Гефеста в крепость отряд, повернул назад. Теперь удивительная парочка, маленького тощего мальчишки и коренастого огромного кузнеца, шли в сопровождении другого отряда, на рукавах каждого был знак наместника — четырехлистных клевер, впереди которого виднелись два скрестившихся меча. Норгим остался в отряде сопровождения. Этот воин считался лучшим во всей армии наместника, он был его личным телохранителем, покидавший лишь по весьма важным делам, значит таковым являлось дело подобранного Гефестом малыша.

...Темнота туннеля осталась за спинами спутников. Перед лицом показалась хорошо освещенная прелесть дворца. На высоком куполе потолка были выложены мозаикой схватки

облаченных в латы неизвестных рыцарей, с невиданными, огнедышащими существами. Купол поддерживали с четырех сторон прекрасно обработанные винтовые мраморные колонны.

Немо не успел разглядеть все эти, невиданные им раньше, прелести. Они миновали залу, вошли в другую. Новая была ничуть не хуже предыдущей, в углу комнаты поместился небольшой камин, огонь в нем не горел, но тепло еще исходило изнутри. Резные мраморные колонны скрывались за сводами потолка, приятная полутьма царила в зале, несколько картин украшали стены, высоко над головами людей было небольшое окно, но из него лилась лишь темнота ночи, только полумесяц светил своим мертвым светом. Воины шли быстро, и скоро за их спинами остались еще несколько похожих зал, прежде чем отряд вывел кузнеца и северянина в покои наместника. Фарнлес уже ждал прибытия гостей, он сидел возле камина, похожего на тот, что был во второй зале. Наместник восседал на высоком кресле, перед ним стоял небольшой письменный столик, на нем спокойно постаивал кувшин с красным вином. Возле камина помещались еще два кресла, одно побольше, предназначенное для Гефеста, и о второе поменьше — для Немо. После приветственных слов, новоприбывшие заняли свои места. Мальчик нерешительно мялся перед своим креслом, не решаясь присесть.

— Присаживайтесь, друзья, в ногах правды нет. — весело сообщил наместник.

— Ее нет и в другом месте. Ты хотел нас видеть. — огрызнулся в ответ Гефест, беря Немо за рукав и насильно усаживая. Кузнецу не терпелось перейти к делу без лишних тирад и по возможности скорее удалиться. — Что вы хотели наместник Фарнлес, сын Калфисто?

— Зачем лишние формальности, я пригласил тебя не как наместник, а как друг. — все же не спеша переходить к делу отвечивал Фарнлес.

— Хорошо Фарнлес. Скажу так: зачем я тебе?

— Ты знаешь о ситуациях на дорогах, — начал наместник нарочито — но ты не знаешь о других проблемах. Наше воинство давно потеряло свою силу, ветераны погибли или ушли на заслуженный отпуск. Новичков присылают из других городов, так уж вышло, что Нимфея не несет военной службы. Пришлые рекруты молоды-зелены, ничего не смыслят в военном ремесле.

— Пускай, причем здесь я? — понимая к чему клонит наместник, парировал кузнец.

— Ты лучший воин, какого я когда-либо видел. Я прошу тебя возглавить моих инструкторов, помочь им обучить новобранцев. — ответил Фарнлес.

— Да, дружеский разговор не удался. Все же ты пригласил меня как наместник. — смотря прямо в глаза Фарнлесу сказал Гефест. — Ты же знаешь, что я тебе отвечу.

— Знаю, ответишь отказом, как когда-то самому королю, — голос наместника ослаб, взгляд потупился, — Но подумай еще раз, от твоего решения многое, поверь мне, многое зависит. Обучи хотя бы часть моих солдат, чтобы те смогли передать свои знания остальным.

— Нет. — коротко ответил Гефест.

— Но почему так сразу? — теряя спокойствие, спрашивал Фарнлес. — Неужели тебя не волнует судьба нашей армии? Ведь на ней держится весь город! Возможно, тебе и не нужна защита солдат, а как же остальные горожане? Здесь почти никто не умеет держать оружие в руках, а варвары стали сильны, как никогда! Они угрожают покою города. Что случится, если они нападут? Едва их задержит наш частокол.

— Нет, все равно нет. Это мое последнее слово. — так же нерушимо, как и прежде ответил кузнец. — Если хочешь, научи их сам.

— Как ты представляешь меня в этой роли? — резко выпалил Фарнлес.

— А как ты меня? — дерзко отпарировал Гефест.

По залу расплзлась тишина. Никто не спешил ее разрушать. Помедлив Фарнлес предложил:

— Может если не ты, то твой сын? Артрест согласится на мое предложение?

— Артрест? — удивился, и даже немного растерялся, кузнец. — Он сильно молод для таких дел, ему всего восемнадцать.

— Молод? — холод и уверенность появились в глазах наместника, — Нет

восемнадцать для твоего сына — это уже не молодость. Он знает об оружии больше любого моего ветерана, а за его работу я щедро заплачу.

— Плата меня не волнует. Ты и сам это прекрасно знаешь. А за сына я решать не могу, тебе придется самому просить его об этом. — резко в своем репертуаре заметил Гефест, на людях он еще мог натянуть маску доброго парня, проникнутого с головы до ног уважением к наместнику, он и впрямь уважал его, но, задев наболевшую тему, Гефест не мог сдержаться от резких выпадов в ответ.

Разговор еще долго не прекращался, постепенно темы его менялись. Говорили о варварах, разбойниках, состоянии восточного района города, надвигавшегося кризиса с зерном, проблем с обеспечением города, различными королевскими указами, которые и вовсе не касались жизни города, и о многом другом, что кузнеца практически не волновало.

Немо не понимал разговор, изредка улавливая знакомые слова, которым Малах уже успел его обучить, но они терялись в огромном количестве неизвестных слов, сливавшихся в одно целое. Северянин больше следил за лицами, их выражениями, улавливал каждое малейшее движение мышц на лице, каждый взблеск радости или разочарование в глазах собеседников.

Немо смотрел на молодое лицо наместника, уже поддавшееся морщинам, не от старости — от забот. Яркие горевшие глаза, были глубоко посажены, прямой нос делился на кончике рубцом на две равные половины, губы были тонкие, четко выраженные, густые выющиеся волосы доставали до плеч. Во всем выражении глаз наместника царил глубокая мудрость и знания о чем-то далеком, незыблемом, какая-то сила была в них. Голос наместника мелодично отдавался от стен залы, изредка он переходил в тихий бас, но быстро возвращался в привычное русло, и снова речь лилась из уст Фарнлеса, как музыка.

Разговор Гефеста и наместника подходил к еще одной теме — теме найденного кузнецом малыша.

— Так, где ты, говоришь, нашел его? — послышался голос наместника, — на выезде из Кураста?

— Да, именно так. — не изменяя интонации и ничем не выдавая своего обмана, отвечал Гефест.

— Странно, я бы руку отдал на отсечение за то, что этот малыш пришел с севера. — с некоторой ухмылкой добавил наместник.

— С севера? — удивленно переспросил Гефест. — Но как бы он дошел до Кураста?

— Вот и я думаю, что делать северянину в восточной столице, — ухмыляясь, продолжал наместник. — Уж не где-то здесь поблизости ты нашел его?

— О чем ты, Фарнлес? — недовольно пробормотал кузнец, напуская вид, что раздражен недоверием.

— Мы одни в этой комнате, тебе нечего скрывать. Я все равно не выдам твоего секрета, не по-дружески получится. — осведомился наместник.

— Секрета не выдашь, но из города изгонишь, так, не по-дружески, а вот как наместник. — иронично парировал Гефест.

— Ты знаешь, что я так не поступлю. Впрочем ты уже догадался, что истину от меня не скроешь. Да и не зачем это. — спокойно отвечал Фарнлес. — Если б мне нужно было тебя изгнать, я сделал бы это уже давно. Но как можно бить в спину, прося в лицо?

— Ладно. — усаживаясь поудобнее в кресле и откидывая волнения в сторону, сказал Гефест, — Как догадался?

— Мы много взяли у Востока, в частности язык, а твой малыш не понимает ни слова, ты только посмотри, как бегают его глаза. Варваром он быть не может, уж слишком худошав, а вот рост в самый раз варварский! Еще одно в сторону рослых северян. Да ты и сам себя выдал, когда сказал на сборе, что ему десять лет от роду. Соврал, что четырнадцать, я бы смог еще уверовать, будто он один из низкорослых восточных парнишек, с болезненно бледным для них цветом лица, но нет. — ухмыльнулся наместник, понижая голос — Только будь осторожен, в нашем городе не один я такой умный. Если узнают остальные, мое

решение может изменяться.

— А какое твое решение, Фарнлес? — незамедлительно спросил кузнец-воин.

— Ты знаешь: поступай, как хочешь. Мне самому надоела вражда, которую чувствуют к северному люду. Их набеги прекратились давным-давно, еще при жизни моего деда. Больше века ведем добрую торговлю, а наши люди по-прежнему таят камень недоверия и ненависти к северянам. — разводя руки отвечивал наместник.

Разговор подошел к своему завершению. Гефест встал, отказавшись от сопровождения, и двинулся по хорошо знакомым комнатам, быстро переходя одну, другую, третью залу, снова пройдя через темный туннель, кузнец и мальчик вышли на улицу. Ночь окутала все своими щупальцами, темнота царила в городе, на небе не было ни единой звездочки, только тонкий свет полумесяца озарял путь. Когда же Гефест и Немо вышли на главную улицу, света стало больше. Городские фонари светили довольно далеко окрест и дорога была видна отчетливо, как днем. Минув еще несколько домов и поворотов, показался и обитель кузнеца. Спутники завернули во двор, и входная дверь распахнулась перед их лицами.

Малах томился в ожидании, ожидая на пороге возвращавшихся с аудиенции.

Усадив, только что пришедших, возле горячо растопленного камина, Малах скрылся в дверях кухни и скоро пришел, держа в руках две чашки горячего чая. Ночь, хоть и весенняя, все же была прохладна, теплый день и холодная ночь ярко отличали юг от востока. Снова беседа развязалась у заветного камина в доме кузнеца. Малах расспрашивал Гефеста о намерениях наместника, на этот раз разговор был спокоен, без лишних рассуждений и эмоций, как это бывало раньше. Когда дело дошло до слов наместник насчет Артреста, тот будто зная, что разговор зашел о нем появился в дверном проеме. Кузнец жестом попросил занять его свободное место возле камина рядом с собой. Малах не стал мешать в тяжелом для Гефеста разговоре с сыном, взял за руку Немо и вышел из комнаты. Кузнец же медленно начал рассказывать сыну о просьбе наместника во всех подробностях, начиная с рассказа о службе, как таковой. Артрест слушал внимательно, иногда останавливая повествование отца своими вопросами, и, когда получал на них ответ, просил Гефеста продолжать. Когда все было сказано, кузнец задал волновавший его вопрос.

— Ты примешь предложение наместника?

— Не знаю, — замешкался Артрест, — все слишком внезапно. Мне надо время, чтобы решить. — Артрест задумался. — А что думаешь ты по этому поводу?

— Это только твое решение, я не хочу диктовать тебе свою волю. — понижая голос, отвечал он сыну.

— Я соглашусь. Да! Я соглашусь. — в последний раз все обдумав, взорвался эмоциями Артрест.

Он любил отца. Не хотел покидать его, но и вечно жить под отцовским крылом не желал. Тем более новая «находка» была для Артреста совсем не в радость. А предложение наместника — отличный повод изменить свою жизнь, построить ее по-своему, иначе, чем отец.

— Будь по-твоему. — вставая с кресла, монотонным голос Гефест ознаменовал конец разговора.

Когда кузнец выходил из комнаты, он столкнулся в дверях с Малахом. Гефест попытался протиснуться в двери без слов, но знахарь его остановил, давая понять, что что-то его беспокоит. Гефест сделал попытку быстро отговориться от знахаря, но тот был упорен и не поддавался. Тогда кузнец просто вытолкнул Малаха на улицу, его глаза горели как две звезды на чистом небосклоне, в них угадывалось раздражение и безысходность, даже маленькая доля обреченности.

— Что тебе еще надо? — забывая о приличии, начал кузнец.

— Я понимаю твое разочарование, но не ты ли дал свободу действий сыну? Не ты ли его так воспитал? Не стоит вымещать зло на мне. — на одном дыхании выложил Малах. — Меня беспокоит нечто другое.

— Что же? — нервно выкрикнул кузнец.

— Немо.

— Немо? — переспросил Гефест.

— Да, именно он. Его душу переполняет ненависть. И еще... что-то загадочное. Он так мал, но столько силы в нем уже чувствуется. Даже в учении... — несколько запнувшись, говорил знахарь. Сглотнув, продолжил. — Мальчишка учит все, хватая даже самые малейшие крохи, но он делает это для чего-то не простого, темного.

— Ты о чем? — совсем не понимая надоедливости Малаха, снова спрашивал Гефест.

— Под его невинным телом скрывается пелена тьмы, которую даже я не могу преодолеть, чтобы узнать, что движет этим маленьким существом.

— Подожди, — вникая в слова знахаря и одним мигмом вспоминая недавний разговор с Немо во дворе дома, начал Гефест. — Ты помнишь, что говорил мне на счет первой просьбы Немо?

— Да. — коротко отозвался Малах.

— Так вот, ты сказал выполнить ее как можно лучше, а знаешь, что он попросил?

— Не тяни резину! — необычно для самого себя повысил голос Малах.

— Он захотел, чтобы я обучил его военному ремеслу.

— Да-а... — голос знахаря заметно охладел, взор потупился, легкая дрожь пробежала по спине. — я уже не знаю, что делать, но его просьбу ты все равно должен выполнить, так было сказано.

— Кем? — удивился кузнец.

— Не мной друг, не мной.

— Так кем же? — не унимался Гефест.

— Сейчас тебе этого знать нельзя, — голос Малаха доносился будто не изо рта, совсем не похожий на обычный его голос. — Прости... — умоляюще закончил знахарь.

Без лишних слов Малах вышел со двора и быстро скрылся в темноте беззвездной ночи. Совсем недолго силуэт его спины был виден растерянному кузнецу. "Совсем старик свихнулся, от мудрости до сумасшествия лежит не четкая грань, видно Малах ее переступил — подумал Гефест". Кузнец больше не решал в голове непосильных его разуму задач, он спокойно, по обыкновению после тяжелого дня, направился в свою комнату. Едва добравшись до кровати, погрузился в глубокий сон.

Под утро, когда до рассвета оставалось около часа, Гефест проснулся. Он долго ворочался, пытаясь нагнать сон, но ничего не выходило. Неожиданно, на грани сна и реальности кузнец почувствовал как по комнате легким маревом что-то скользнуло. В следующее мгновение перед ним показалась неведомое существо, его почти невозможно было увидеть, только небольшое преломление света раскрывало контуры чьего-то тела (на удивление в комнате было светло, как днем, но вот только солнце-то еще не взошло!). Гефест лежал в постели, не открывая глаз, но даже с закрытыми глазами он видел перед собой всю комнату, странную массу, перебегающую из угла в угол. Страх неожиданно подхватил кузнеца, он не мог пошевелиться в странном оцепенении. Исполинская, злая сила призраком видала в комнате. Мелкая дрожь пробежала по телу, надолго задерживаясь в руках и ногах. Необычайное чувство чего-то неизбежного глубоко засело в сердце кузнеца. Эта странная Сила, как рысь, одним движением подскочила к Гефесту совсем близко, стала перед глазами, застилая непроглядной пеленой все сознание кузнеца. Из последних сил Гефест попробовал сделать рывок, осадить призрака и не дать вершить над собой страшный суд, но тело не слушалось его. Раздалась невыносимая боль в глазах, перед которыми стоял дух, она резко перешла к вискам, передалась по всей голове и пробилась к разуму, к мозгу кузнеца. Все тело сжалось в один комок, мышцы напряглись, челюсти сжались, желваки на лице надулись. Неизвестное существо, стало перебирать все мысли кузнеца, словно листая страницы книги, разрывая мозг на части, выискивая что-то в закромах памяти. Потом в голове раздался чей-то голос, беззвучный и глухой, приказывающий и повелевающий. Гефест не мог разобрать слов неведомого языка чудовища, но отчетливо понимал их смысл, оно искало в воспоминаниях кузнеца Немо, а что еще более странно — и родного сына.

Кузнец упорствовал, не давал духу овладеть своим разумом, изо всех сил закрывая проход в глубину своих мыслей. Это удавалось с диким трудом, но удавалось. В один миг все пропало. Призрак растворился в воздухе, ушел туда, откуда явился, не оставив ни малейшего признака своего пребывания. Непроглядная дымка перед глазами кузнеца в тот же миг растворилась, боль утихла, тело вновь повиновалось.

Кузнец одним рывком выпрыгнул с кровати. Перед ним стоял растерянный Артрест. Гефест одним движением отбросил сына за дверь, стал поспешно осматривать комнату, она была пуста. Холодный пот выступил на лбу кузнеца, неяркий свет восходящего солнца пробивался в окно, возвещая рассвет. Страх и невыносимое чувство чьего-то присутствия не покидали Гефеста. Оправившись после отцовского толчка, в комнату снова вошел Артрест.

— Отец, что стряслось? — потирая спину после неудачного приземления, спросил Артрест взволновано.

— Ничего, — вытирая пот с лица, ответил Гефест, изо всех сил пытаясь скрыть в голосе непреодолимый страх. — просто ночной кошмар.

— Ничего себе, кошмар, отец с тобой все хорошо? — еще больше взволновавшись, спросил Артрест. — Это не из-за моего согласия служить наместнику?

— Да нет, что ты, просто кошмар, кошмар. — выталкивая сына за дверь, протянул Гефест, он переживал, что та тварь, которая только что была здесь вернется назад.

Когда кузнец снова остался один, его волнения увеличились во сто крат, но подвергать риску сына он не мог. "Неужели и впрямь кошмар? — задал сам себе вопрос кузнец. — Оно искало Немо, а ведь он беззащитен против такого врага... впрочем, как и я, и мой сын. — вклинилось в голову иная мысль. — Но нет, я должен обучить Его военному ремеслу, мой сын все равно ушел из моих учеников, теперь он сам учитель. — ночной страх понемногу развеивался — Да, решено, у меня будет новый ученик — Немо".

Гефест так никому и не рассказал о ночном происшествии. Призрак, дух, мираж, что бы это ни было, оно не возвращалось. Вскоре он и сам не смог бы поверить в то, что это был не ночной кошмар, а реальность. И так было лучше, для него и для всех.

С того дня кузнец стал ежедневно тренироваться с Немо. Малах не оставлял своих уроков с северянином в познании языков и мысли. Вечерами, сидя у камина, учителя часто делился друг с другом новыми успехами воспитанника. Немо был способным учеником. С одинаковым упорством поглощал любые знания, которыми его одаривали наставники.

Так проходили дни, за ними месяца и годы.

Гефест до полудня не выходил из кузни, грохот молота сопровождал тяжелый труд кузнеца, в это время Немо обучали грамоте. Позже северянин частенько стал заглядывать и в кузню, познавая все новые и новые умения в кузнецком мастерстве, не забывая и долгие уроки Малаха. За пол года Немо досконально выучил язык южан, далее преступил к познанию новых и новых. Изучил быт и традиции многих народов, прежде чем уроки Малаха были окончены. Нет, знахарь не передал всех своих знаний Немо, но их было достаточно для еще молодого парня. Новые ступени познания он должен был открыть для себя сам, познавая старинные фолианты, которыми полнилась библиотека Малаха.

Немо редко выходил в город, делал это только по большой необходимости, отдавая предпочтение кузни, занятиям с Гефестом и Малахом.

Немо становился все крепче, его разум и мысли закалялись. Он уже совсем не был похож на того мальчишку, которого когда-то подобрал на дороге Гефест. Теперь это был ратный юноша, молод, но умен, высок (хоть и худощав) и силен не по годам. Молот и наковальня закалили мышцы, постоянные занятия и упражнения с разными оружием, изучение тактики — выковали стальные нервы и непреклонную выдержку, вечера с книгами и занятия с Малахом — углубили и расширили познания, развили умение правильно мыслить. Все это воспитало в Немо самые лучшие качества настоящего воина и мыслителя, но его путь только начинался. Впереди была еще нелегкая дорога, полная опасностей и приключений, но жажда знать большее, а со временем и все не покидало Немо ни на миг.

Артрест же, пойдя на службу к наместнику, совсем отдалился от отца и бывших

проблем. Покинул отчий дом и с каждым днем навевался все реже. Иногда главный инструктор (именно эту должность занимал Артрест) забегал к отцу, перекидывался парой слов и снова скрывался в своих делах и заботах.

С тех пор, как Гефест нашел мальчика с Севера, прошло уже восемь лет, но люди так и не привыкли к тому, что в доме кузнеца живет чужак. Немо редко видели в городе, но он все же по вечерам любил побродить на улице, полюбоваться прекрасным видом цветущего города. Об этом знали немногие, Немо тщательно скрывал свою внешность за капюшоном, ненавидя глаз, смотрящих в спину, и, шепчущих что-то недоброе, ртов.

Время летело незаметно, все изменялось под его током, только одно было неизменно — не успокаивающаяся жажда мести, горевшая в душе Немо, жажда мстить тому, кого мог уже забыть, месть за содеянное неизвестно кем уже давным-давно. Северянин мог забыть многое, но никак не получалось забыть происшедшее однажды в деревушке Найнлоу. Лицо скорченное посмертной гримасой отца и душераздирающий крик матери. Эти видения нередко всплывали в памяти Немо долгими ночами, нередко не давали уснуть, забирали покой, когда он был так необходим. Только одно могло остановить эти кошмары — месть, кровавая и безжалостная месть...

Где-то там вдалеке пробивается свет —
Это свет от божественной стали,
И не так уж далек один страшный ответ,
Кто поляжет на поле брани.

Глава I. Молодая гадалка

Конец августа, 1484, Нимфея, Северная граница Южной Короны

Из-за горизонта выехал всадник на вороном коне. Черный плащ волнами трепещется на ветру, черный шлем скрывает лицо, от скача рябью покрывается крашеный темно-чернильный плюмаж из шерсти серка. На груди черного, как ночь, нагрудника золотыми, играющими на солнце рисунками высечен герб, разобрать что именно он изображает не получается, далеко.

Немногочисленные жители оторвались от работы, кто застыл с цапкой, кто с граблями в руках. Аниса несла с колодца воду, не опуская кожаные тюки, остановилась, наблюдает за всадником. Ремесленник Арики оторвался от затачивания рабочих ножей, с интересом глядит на приближающегося рыцаря. Ребятня бросила свои вечные игры, любопытствующими глазами уставились на воина. Немо еще раз по инерции ткнул мнимого врага деревяшкой-мечом, после повернул голову, повинувшись общему взгляду. Заметил всадника, взволновано и с нетерпением смотрел на него, он впервые видел рыцаря! В этих краях трудно встретить странника, они так редки в Андарионе, вдали от Города Шатров их повстречать почти невозможно. А тут не просто путник — рыцарь! Если остановиться на обед, можно будет подслушать, как его расспрашивают взрослые, узнать новости из мира.

Отблеск стали солнечным зайчиком ударил прямо в глаза. Немо невольно прищурился, одновременно скрыв глаза за рукавом льняной рубашонки. Тут же отдернул вуаль. Люди бежали кто куда. Побросав свои дела, мельтешили по деревне. Кто-то с грохотом закрыл дверь своего дома, захлопнул ставни окон. Немо непонимающе наблюдал за односельчанами. Чуть левее раздался детский плач, снова рева Анилла затянула свою извечную песню.

Чуть позже Немо перевел свой взгляд на рыцаря. Внутри все оборвалось. За Темным всадником исполинской мрачной волной приближалась целая армада таких же рыцарей, все наизготовку держали мечи и рассекали ими воздух над головой.

Растерянный мальчик мялся на одном месте, не зная, в какую сторону бежать,

переступал с ноги на ногу.

Рыцари приближались. Они уже так близко, что легко можно рассмотреть переливающийся в солнечных лучах резной герб на нагруднике — змея, извивающаяся вокруг золотой короны, над головой ее светиться, как настоящий, нимб.

Всадники галопом влетели в небольшую деревушку. Начался хаос. Слышались крики и стоны умирающих. Ремесленник Арики швырнул наточенным ножом в лицо рыцаря, воин едва заметно повернул голову и нож отбив сноп мелких искр упал на землю. Арики занес руку для нового броска, но свалился с перебитой грудью. Липкая кровь ударила Немо в лицо. Ноги предательски затряслись, мальчик упал на колени и с ужасом наблюдал за происходящим. Его словно никто не замечал. Всадники проезжали мимо, убивали, жгли деревню, а на него не обращали внимания.

Немо увидел мать, в ужасе выбежавшую из дома. На ее устах завис крик, она звала его. Мальчик, пересиливая страх, поднялся на ноги, хотел побежать к матери, но снова упал на колени. Безголовое тело матери лежало у порога родного дома. Страх смешался со злостью и ненавистью, диким криком выходил наружу.

Следом за матерью выбежал отец, упал, прижимаясь к телу жены. Что-то кричал, бранился, проклинал учинивших набег.

Мельком отец посмотрел на Немо, пробежал взглядом по деревне. Снова взглянул на сына. Поднялся на ноги и побежал к самому родному, что у него осталось.

Немо видел, как за отцом тенью последовал Рыцарь, убивший мать. Поравнялся и замахнулся мечом. Отец упал на землю, пыль пропитывалась багряной липкой жидкостью. Зейло из последних сил приподнялся над землей, провопил-простонал: "Беги, Немо!...беги...", упал лицом в пыль.

Мальчик рванулся с места, побежал неведомо куда. Ватные ноги тряслись и подкашивались. В горле застыл истошный крик, комок ужаса не позволял ему вырваться наружу.

Справа и слева падали мертвые тела, полыхали крыши, кто-то выбежал из охваченного пламенем дома, напоролся на меч. Немо, ковыляя, покинул переделы деревни, за спиной гудел шум погрома и... цокот копыт. Из ниоткуда появился всадник с пляшущем плюмажем из серка на шлеме, застыл, преграждая путь.

— Клянись! — торжественно вопил рыцарь — Клянись в вере Повелителю!

Порывы воздуха выбивались из легких хрипло, тяжело. Неровное дыхание болезненно отбивалось в груди. Ноги презрительно дрожали, сердце то громогласно стучало, то опасно замирало. Отчаяние поглотило его всецело, злоба и ненависть окутали мысли. Страх парализовал.

Мальчик сжал маленькие детские кулачки, закрыл глаза.

Немо резко открыл глаза, уже по обыкновению вытер с лица выступивший пот. Нервный комок холодил грудь, пробирался к шее. В горле пересохло. С трудом сглотнув, сирота прошептал в пустоту:

— Каждую ночь один и тот же кошмар, разнообразием сны не балуют.

Подходило к концу лето. Холодный ветер уже начинал напоминать о скором приходе осени, только солнце еще не спешило расставаться с летним теплом. Яркие лучи небесного светила едва озарили улицы. Но Нимфея еще спала, не успел подняться привычный утренний шум, только пение птиц за окном перебивало молчаливость сонного города.

Немо по привычке выглянул в распахнутое окно. На деревьях нежились под утренними лучами солнца воробьи, не уставая, ласточки металась туда-сюда, букашки в последние дни лета тоже встречали рассвет с необычайной радостью, стрекозы, широко размахивая крыльями, кружили по двору, пытаясь скрыться от опасности, все равно становясь пищей для ловких птиц. Более бесстрашные пчелы летели спокойнее с пасеки местного пчеловода, нехотя возвращаясь в свои улья, мошकारа с самого утра стала заедать лицо, кружа над головой, норовя попасть то в рот, то в ухо, то в глаз.

Немо заспанными глазами глядел во двор. Предстоял нелегкий день, не легче, но и не

сложнее, чем все дни перед восточной ярмаркой. До торгов оставалась еще почти вся осень, только под зиму туда съезжались торговцы с разных стран. С тех пор, как Артрест отказался быть кузнецом, выбрав юдоль солдата, на ярмарку Гефеста сопровождал Немо.

Северянин стоял у окна и восхищался прекрасной природой Юга, к которой он до сих пор не мог привыкнуть после лютых холодов и жалящих ветров на его родине — великих свободных землях Андариона.

Внезапно появилось неяркое чувство, пробежало мелкой дрожью по телу. Чувство, а точнее желание, выбежать в городские просторы, почувствовать ту суету, царившую в нем, шум улиц, крики торговцев. Это чувство было совсем непривычное для Немо, редко покидавшего стены дома, но оно настолько углубилось в сердце северянина, что он не смог с ним совладать. Как крылатая птица, Немо подхватился и, словно по ветру осенний желтоватый листок, понесся в городскую суету.

Он выбежал на улицу и быстрыми шагами пошел на главную площадь. Люди просыпались, стремительно покидали свои дома, выходили на главную улицу, кое-кто из ранних пташек раскладывал прилавок. Понемногу появлялись первые покупатели.

Немо быстро шел, словно следуя определенной цели, не обращая никакого внимания на зазывания торговцев. Странное чувство усиливалось с каждым новым мгновением, а потом вмиг все оборвалось. Немо стоял посреди центральной площади, вглядываясь в синь воды небольшого фонтанчика. Вокруг кружили люди, совсем не замечая его, но вдруг все словно прозрели, косые взгляды полетели в сторону Немо, легкое перешептывание пробежало по толпе, как под команду утихли крики торговцев, шум на площади поглотила полная промозглая тишина. Немо казалось, что тысячи глаз устремились на него, пробираясь в глубинки души, оценивая. Глубже и настойчивее всех смотрел чей-то невидимый взгляд. Немо попытался уловить, кому он принадлежит. Он вглядывался вглубь толпы, выискивая незнакомца, взор северянина метался с одного лица на другое, но взгляд неизвестного был далек. В странный танец ввела его чья-то сила, он кружился, не замечая ничего вокруг, не мог понять, что творится в его сознании.

— О чем задумался? — дергая Немо за рукав, послышался чей-то голос со спины, он был мелодичен, как песнь жаворонка, холоден, как легкий осенний ветерок, в нем не было злобы, ровно, как и добра, он просто был великолепен до невыносимости.

Все в сознании стихло одним махом, люди вокруг продолжали бесстрастно ходить, по-прежнему не замечая северянина, все взгляды вмиг исчезли, остался только тот, который не давал покоя. Немо вышел из оцепенения, мысли прояснились, все, что произошло с ним, оказалось не больше, чем игрой воображения, но странное чувство и маленькая дрожь все также жили своей собственной жизнью в душе северянина.

Немо оглянулся, перед ним сидела молодая девушка лет двадцати. Ее смуглая кожа, казалась еще прекраснее на свете южного солнца, длинные вьющиеся волосы спускались на грудь, контуры ее лица были отчетливы и точны, словно работа превосходного скульптора, полные губы пересохли на жгучем солнце, потрескались, прямой нос с маленькой едва заметной горбинкой точно подчеркивал правильное лицо девушки. Взгляд Немо устремился в большие, полные красотой, карие глаза, он уловил их взгляд. О боги! Это был тот самый взгляд, который он выискивал в толпе! Пьянящее чувство чего-то неизбежного пролетело в душе Немо. Сознание снова стало играть непонятные игры, но северянин смог успокоить себя, и снова его взгляд устремился в глаза незнакомки, и долго не мог Немо отвести от них своих глаз.

— Погадать тебе на руке? — снова дернула Немо за рукав, тонкая и изящная ручка незнакомки.

— Что? — ничего не понимая, промямлил Немо.

Он не получил ответа, девушка легко и грациозно, будто порхая в воздухе, сорвалась с фонтана, на котором сидела, и понеслась в толпу. Не долго думая, Немо рванул за ней, расталкивая на пути всех и вся. Еле выбравшись из толпы, северянин заметил скрывающийся за поворотом улицы в тонкой щели домов силуэт, поспешил туда. Когда он, наконец,

завернул в заветный поворот, его руку схватила все та же девушка, она повернула ее ладонью к себе и что-то резво стала разглядывать на руке. Широкая улыбка озаряла лицо гадалки, но стоило ей рассмотреть руку Немо, как неожиданно усмешка пропала с ее лица, оно стало неправдоподобно серьезно, что-то встрепенулось в душе северянина. Бросив руку Немо, девушка хотела снова убежать, но крепкие ладони парня, не дали ей этого сделать, они намертво вцепились в плечи девушки, но грубой силы в них не было, поэтому никакой боли он причинить не мог.

— Кто ты? — едва басистый голос Немо, многократно усилился от перебегающего по краю домов эха.

— Ты — Немо? — незнакомка сделал акцент на имя северянина.

— Откуда... — понимая, что его имя не такой уж секрет для горожан, Немо запнулся на полуслове и не стал продолжать свой вопрос. — Как тебя зовут?

— Анадель.

— Рад знакомству. — искренне продолжал северянин, он редко общался с незнакомцами, с незнакомками вообще ни разу не разговаривал, поэтому его речь была плохо сложена, сбита. — А что так испугало девушку в моей судьбе? Почему ты решила снова убежать, не раскрыв, предначертанного?

— Меня испугало не твое будущее, а мое. — тихо ответила девушка, ее взгляд опустился, глаза впились в каменную кладку, что-то не в малость взволновало эту таинственную девушку-гадалку.

— Твое будущее? — удивился Немо, — Но что оно делает на моей ладони?

На этот вопрос Анадель не ответила, только еще сильнее опустила голову, потом резко потянула Немо за руку, выводя на широкую улицу.

Целый день Немо не расставался с гадалкой. Гуляли по городу. Впервые за многие годы, проведенные им в Нимфее, он увидел красоту города при дневном свете, до этого он, как вампир, выходил только тогда, когда небо над головой затягивалось тонкой пеленой мрака. Немо забыл, что должен был работать в кузни, совсем вылетело из головы и то, что занятие с кузнецом в военном ремесле он тоже пропустил. Рядом с таинственной гадалкой северянин терял голову, время с ней летело незаметно, все вокруг поглощала ее красота. Все в мире больше не волновало его, кроме очаровательной и жизнерадостной девушки. Он мечтал только об одном — лишь бы этот день никогда не кончался, только бы завтра не разбило внезапно появившихся грез, только чтобы ночь не смыла прекрасный взгляд девушки, прикосновения ее нежных рук, все это было для Немо впервые. Оно увлекало его.

Северянин сперва и не заметил, как над городом спустился легкий сумрак, предвещающий закат. Вот солнце уже скрылось за крышами домов, последние минуты лучи света еще пробивались через преграды, но и они скрылись за частоколом. Пришло время расставания, то самое, чего так боялся Немо. Они расстались, северянин предложил встретиться завтра, но Анадель ничего не ответила, она оттолкнула его, но так нежно, что легкая дрожь от прикосновения чувствительных рук пробежала по коже Немо. Девушка резко рванулась в сторону и скрылась в темноте узкого переулочка, северянин не пытался ее догнать. Сердце ему безошибочно говорило: вскоре он ее вновь повстречает. А идти на пролом желания не было, что-то странно защипало в груди, он не мог выкинуть образ красавицы Анадель из своей головы, он не мог забыть ее чарующих глаз, ее тонких пальцев, нежно обвивающих сильную шею. Но сейчас она ушла, сейчас ее нет, значит, надо идти домой, а завтра, завтра снова разыскать ее и провести еще более восхитительный день.

Немо легко нашел ночью дорогу домой, там его уже ждал Гефест с ужином. но было видно, что кузнец совсем не рад задержке своего ученика. Еда была уже холодной, а тарелка кузнеца пуста, значит, Немо опоздал не только на тренировку, но и на ужин.

— Где ты был? — сурово по-отцовски спросил Гефест.

— Отец, я не хочу перед тобой оправдываться, я уже не мал, почему ты до сих пор относишься ко мне, как к ребенку? — тихо и мелодично, с большой расстановкой, но без

страсти и монотонно говорил Немо, с Гефестом, которого он уже называл «отцом». С Гефестом говорить было во стократ легче, чего нельзя сказать об общении с Анадель. Рядом с девушкой из головы разом вылетали все слова, замирало дыхание, не позволяя говорить.

— Ты и есть ребенок! — повысил голос кузнец.

— Я еще ребенок, а Артрест в эти же годы пошел на службу к наместнику, и он был уже мужчина! — также беспристрастно, с какой-то иронией продолжал Немо.

— Неомо, — успокаивался кузнец, он даже назвал полное имя Немо. — Прости, мне не стоило так сразу набрасываться на тебя.

— Так сразу? — повторил слова кузнеца Немо. — Отец, тебе вообще не стоило на меня набрасываться.

— Да, знаю я, — слова вяло выходили изо рта Гефеста, — Так где ты был? Пропадал весь день, не помогал мне в кузне, за восемь лет впервые пропустил занятия фехтованием. Даже к ужину не появился. А теперь еще сцены устраиваешь с маской спокойствия на лице.

— Прости. — понижая голос коротко ответил Немо.

— Надеюсь, ты не забыл о том, что в конце осени будут проходить соревнования в Восточном Царстве, наша семья всегда побеждала, хотя бы в одном из видов. — напомнил, как он делал каждый день в последние пару недель, Гефест.

Что касается Турнира и его состязаний, «видов», их было пять — стрельба из лука, бои на мече, соревнования с копьем, вольное состязание, тогда, когда каждый показывал на что горазд, и "непроходимая стена" — сложнейшее из всех видов. За многие годы ее не смог пройти ни один ловкач. Сама собой она представляла длинный туннель, темный узкий проход которого был наполнен разными смертельными ловушками, ни один за вот уже двести лет не выходил оттуда живым. Приз за победу в этом соревновании был куда лучше всех остальных — к денежным вознаграждениям — самая красивая девушка Востока, отобранная из претенденток со всего Ханства еще весной, задолго до состязаний. Смельчаков захотевших попытать себя в этом состязании было куда меньше, чем во всех остальных, да и участвовать в нем могли лишь те, кто победил в каком-нибудь из состязаний. В одни года, желающих попытать удачу, порой не находилось вовсе. Но было одно «но» — ни один победитель не мог стать чемпионом турнира, если не пройдет смертельной "непроходимой стены".

— Конечно, не забыл. Мы зайдем с тобой все первые места сразу! — ухмылялся Немо.

— Мы и Артрест, он едет с нами. — поправил Гефест.

— Значит, сильных противников у меня будет куда больше, чем я думал. Знаю, ты не отдавал приза своему сыну, всегда побеждая его в финалах, но в этом году будет все по-другому.

— Ты чертовски самоуверен парень, будет жаль уложить тебя на лопатки перед целой толпой! — ухмыльнулся Гефест, от беспокойства его не осталось и следа. — Так где ты все-таки был весь день? — сменил тему разговора кузнец. — Это на тебя не похоже.

— Он был не один! — послышался старый знакомый голос знахаря, его силуэт медленно паря в ночной темноте показался перед дверьми. — Посмотри, дружище, — обратился он к Гефесту. — Его глаза горят синим пламенем, неужто парень повзрослел?

— Не один? — и удивился, и обрадовался, и еще много чего другого, Гефест.

— Немо был с девушкой, не так ли? — переводя взгляд на парня, поинтересовался Малах.

— Не так ли... — попытался перековеркать знахаря Немо, — опять ты все знаешь, Учитель. — Немного приклоняя голову перед вошедшим, добавил северянин.

— Может, еще раз поужинаем? — предложил Малах, — Я голоден, как никогда, а стряпней друга-кузнеца уже давно не лакомился! Думаю, и Немо не против заморить червячка?

Гефест с ловкостью знатока шинковал морковь и лук, обжарил в почерневшем от времени казане, поставил воду кипятиться в камин. Появилась свободная минутка перекинуть несколько глотков свежего пива, сваренного знатным местным пивоваром.

Прогремел тост:

— За молодость и любовь! — все дружно ударили пенящимися кружками, Немо смущенно покрылся багрянцем.

Гефест залпом осушил кружку и вернулся к вареву.

Кушанье было готово. Дружно расположились вокруг стола и начали поглощать пищу. Поужинавший Гефест не уступал в желании подкрепиться своим друзьям. Волнение перебивало аппетит, поэтому к первому ужину кузнец так и не притронулся, зато теперь наверстывал упущенное.

С едой покончили бесцеремонно быстро. Времени всегда не хватало, поэтому привычка наскоро справляться с пищей укоренилась без шанса когда-либо забыться. Зато пиво привыкли тянуть долго, смаковать, разумеется, после первой выпитой в два-три глотка.

Насытившись, раскурили трубки. Немо не имевшей такой привычки широко развалился на стуле, сэрбая пиво. Развязалась непринужденная беседа. Старшие вспоминали свою молодость, свои первые влюбленности, Немо молча вслушивался в разговор. Говорили долго, без усталости и передышек, и, казалось, тема никогда себя не исчерпает.

Время текло быстро, спохватились, когда близилась полночь. Первым сдался Малах, широко зевнув напоследок, покинул гостеприимный дом. Следуя примеру мудреца, Немо и Гефест разошлись по своим комнатам, чтобы сполна насладиться сновидениями.

Северянин зашел в комнату, взглянул в распахнутое окно, из которого слышался ночной стрекот кузнечиков и шелест листьев, сладко потянулся наполняя легкие свежим с заметной прохладцей воздухом. В прятных пушистых грезах улегся в теплую кровать. Сон долго не шел к нему. Образ девушки не выходил из головы. Кто она? Откуда взялась? Что за таинственный взгляд? К погрязшему в этих мыслях Немо постучался сон, повинувшись незримому гостю, северянин отправился в мир сновидений.

Ночь на редкое удивление прошла без кошмаров.

Утро встретило пением птиц, восходом солнца и легким ветром в открытое окно. Свежий воздух веял в комнату, взбадривал лучше родниковой воды. Немо встал и подошел по обыкновению к окну. Возвращалось старое желание вырваться из пределов дома и оказаться на площади, почувствовать городскую суету, а главное — снова увидеть Анадель, ощутить ее ласковое прикосновение, услышать ее мелодичный голос. Немо знал, что он должен работать, ждали заказы и все новые мечи для ярмарки, нужно было оттачивать мастерство во владении мечом, луком, метательными ножами — и всего остального, что должно пригодиться на турнире и в пути. Немо все это прекрасно понимал, но желание, как и вчера, взяло верх над разумом, снова перед глазами замельтешили дворики домов, ведущих к центральной площади.

Люди привычно гудели и суетились. Глаза Немо бегали по толпе, выискивая взгляд гадалки, но не находили его. Северянин попробовал в сознании найти Анадель, но тоже безрезультатно, ее нигде не было. "Может она просто не хочет меня видеть?" задал сам себе вопрос Немо, но ответить на него не мог. Гадалка исчезла также таинственно, как и возникла. Ничего не оставалось, кроме как брести домой, закрыться до обеда в кузни и забыть обо всем.

Дела в кузни у него шли плохо, как никогда. Работа стояла на месте, все валилось из рук, северянин даже дважды уронил молот, он просто выскальзывал из рук и с огромным грохотом бился об пол.

— Иди готовь обед, толку от тебя в кузни сегодня ни на грош. — яростно рыкнул Гефест, когда Немо в очередной раз уронил молот.

После обеда пришло время занятий с Гефестом. Немо и кузнец вышли во двор, посреди него стояли две мишени для стрельбы из лука и метания ножей. По обыкновению мастер и его ученик стали напротив них, у каждого натянута тетива, стрелы вложены, урок начат. Гефест попал точно в центр, Немо же совсем не попал в мишень, стрела пролетела над очерком мишени и попала в стену дома. Это был результат-катастрофа для прирожденного северянина, которых с детства учили обращаться с луком, не говоря уже о том, что сейчас

его учитель — сам Гефеста. И снова натянута тетива, снова вложена стрела, выстрел в молоко, за ним еще один и еще. Кузнец что-то недовольно бухтел себе под нос, изредка выкрикивая обидные фразы в адрес Немо.

Окончательно уверовав, что с луком сегодня дела не будет, Гефест решил перейти к ближнему оружию. Облачились в доспехи, кузнец одел старую кольчугу свисающую почти до колен, Немо — выкованные им же самим легкие полулаты. Взялись за мечи, вырубленные из дерева, но в весе мало уступающим стальным. Гефест и Немо стояли друг против друга с оружием на перевес. Первым атаковал кузнец, сильный удар нацеленный прямо в шлем Немо был ловко отбит, но уже второй удар чертил круг к своей цели. Отбить просто не хватило времени, северянин скользнул в бок и назад и меч просвистел над самым ухом. Последовали два быстрых выпада в ответ на удары кузнеца, отбить их было не сложно. Контратака Гефеста сбила северянина с толку, и очередной удар в шлем Немо не отбил. Последовал удар в плечо, снова северянин даже не занес меч, чтоб отразить удар, последний удар Гефеста повалил Немо наземь. Кузнец разозлился не на шутку, от негодования он даже кинул в Немо свой деревянный меч, тот со звонким стуком отскочил от доспехов.

— Что случилось?! Не отбить самые простые удары! Не попасть в мишень! Когда даже я не мог еще два дня назад состязаться с тобой в стрельбе! — жилки на шее Гефеста напряглись, казалось еще чуть-чуть, и они лопнут. — Ты витаешь в облаках! Через неполных два месяца Травансальские состязания, а ты даже меч в руках держать не можешь! Вставай, что ты разлегся на полу, как дохлая кошка?!

— Прости, отец, я... я...

— Иди в дом, и не попадайся мне сегодня на глаза, тренировки продолжим завтра! — рыкнул Гефест, и Немо поспешил удалиться с глаз кузнеца, даже не снимая доспехов, он пошел к себе в комнату.

Немо снял латы и сел на кровать, негодование отца ничуть не отразилось на нем, все это для северянина не имело значение, ни кузня, ни тренировки, ни даже восточное состязания, хотя уже больше года он готовился к ним в поте лица. Теперь ничего не волновало Немо, ничего и никто, кроме той таинственной незнакомки, которую он вчера повстречал на городской площади. Ее взгляд не покидал мысли северянина, ее голос до сих пор звучал в ушах, тонкие музыкальные нотки создавали в сознании Немо мелодичную, заставляли сердце биться как никогда быстро. Глаза горели яркими красками, перед ними постоянно всплывал образ девушки. Неизвестно сколько времени пролежал бы так, в мечтах, Немо, если бы в комнату не зашел Малах.

— Я вижу тебя ничуть не беспокоят тревоги отца? — тихо спросил Малах.

— Почему они должны тревожить меня? — огрызнулся Немо.

— Он переживает, пойми его, скоро состязания. А ты... — Малах остановился, когда злобный, налитый ненависти взгляд Немо уставился на знахаря, как только их взоры встретились, Немо успокоился, мимолетный порыв злобы стих. — Расскажи лучше о ней. — добавил знахарь.

— О ней? — спросил сам у себя Немо — Что я могу сказать о ней? Она прекрасна. Ничего определенного сказать не могу, я ведь ее совсем не знаю, да и узнаю ли?

— Время — лучший поводья! — парировал Малах.

Знахарь еще долго разговаривал с северянином на разные темы, но сегодняшние неудачи Немо на тренировке, прочем, и о его таинственной девушке старый учитель речи не заводил. Мудрый Малах не хотел снова поднимать этот неприятный для Немо разговор, видя как он от этого бешенеет на глазах, стоит только полслова сказать о тренировке, а, при воспоминании о девушке неудавшийся романтик погружается в мир грез, значит и об этом говорить с северным парнем тоже не стоит.

В комнату вошел Гефест и пригласил всех к столу, однако и Немо, и Малах отказались от предложения. Вскоре знахарь ушел, а северянин приготовился ко сну, один только кузнец сидел в одиночестве на кухне и давился едой, которую сам же и приготовил. Все мысли Гефеста были направлены в сторону Немо, что-то странное происходило с названным

сыном, что-то менялось в образе северянина. С каждым днем все ярче проявлялась старая злоба, не на кого-то конкретно — на весь мир. Оставленный самому себе и мыслям Гефест сидел на кухне, вслушиваясь в тихие шорохи на улице.

Ночь полностью вошла в свои права, но на удивление было довольно светло, звезды горели как никогда ярко, на небе не было ни единой тучки, полная луна хорошо освещала городские дороги, проникая своими лучами чуть ли не во все переулки. Кромешная тишина резала уши, ни малейшего движения не было на улице, спал весь город, даже ночные мотыльки и кузнечики спрятались куда-то, боялись издать даже малейший звук.

Немо спал как всегда беспокойно. Его сны снова вернули его в тот страшный день, когда темные рыцари атаковали родную деревню северянина. Мир и покой царили на Родине. Мгновение и вдали послышалось ржание коней. Донеслись боевые кличи. Еще мгновение. Отчетливо виднеются приближающиеся всадники. Еще один миг. Люди с вилами, топорами, а некоторые и с мечами преградили конным дорогу — бесполезно. Отряды рыцарей вмиг смыли ряды защитников. Мгновение и люди лежат с разрубленными головами, затоптанные лошадьми, истекающие багряной кровью. Суeta разразилась в лагере северян. Посмертные крики. Звон мечей. Свист стрел. Крики. Еще раз крики. Ржание коней. Смерть. Смерть... смерть!!!

Посреди боя появляется человек со шрамом на лице. Не успел Немо обратить на него внимание, как он уже стоит лицом к лицу. За спиной лежит мертвые отец и мать. Ярость. Злоба. Страх. Ненависть. Все вместе разрывает душу Немо на мириады малейших частиц. Черный рыцарь заносит меч. От удара не спастись, не укрыться. Приближается верная смерть, роковой конец всему...

Немо проснулся, пот лился ручьем, по привычке рука стирает со лба обильно выступившую влагу. Северянин спрыгивает с кровати, выглядывает в окно. До рассвета еще далеко, но возвращаться к снам не осталось никакого желания. Немо оделся и вышел на улицу. Ночная прохлада обволакивало все тело, но холодно не было. Ночной кошмар понемногу рассеивался, и чувство чего-то прекрасного по близости охватило Немо, протяни руку и схватишь птицу удачи! Потихоньку это чувство переросло в уже знакомое ощущение, будто тысячи глаз смотрят на тебя, но улицы были пусты. Из всех взглядов снова появился тот один, принадлежащий гадалке, она здесь! Где-то совсем рядом! Скорей! Скорей к ней!

Немо хотел было сорваться с места и побежать вперед, но его остановил нежный женский голос. "Опять со спины — подумал Немо", но это не имело никакого значения, главное — она здесь, совсем близко.

— Мешают ночные кошмары? — спросила Анадель.

— Мешают, — эхом повторил Немо. — А ты чего не спишь?

— Я... жду тебя. — улыбнулась девушка.

— Ждешь?! А почему вчера не пришла на площадь? — пошел в наступление Немо.

— А почему ты меня не нашел? — грозно ответила гадалка.

— Тебя там не было, я это чувствовал. — виновато оправдывался Немо.

— Но я не говорила, что буду ждать тебя там, я вообще ничего не говорила о нашей встрече. — неожиданно ехидно парировала Анадель.

— Хорошо, а как ты нашла меня? — перевел разговор в другое русло Немо.

— Я и сама не знаю, странное чувство, неведомое мне раньше, — тихо, почти шепотом говорила девушка. — сразу добралось до самой глубины души, заставило меня куда-то идти, и вот я здесь.

— Интересно... — задумался северянин, — У меня то же самое, только оно еще было и вчера и весь день не покидало меня, я надеялся увидится с тобой и вчера.

— Я тоже хотела встречи, но... — Анадель осеклась.

— Ладно, не будем стоять посреди улицы, предлагаю встретить рассвет за воротами. — поднимая глаза в небо сказал северянин; сумрак на улице рассеивался, запели первые птички.

Двое людей немного торопясь направились к городским воротам. Пройти их оказалось

весьма просто, патруль возглавлял старый знакомый — Радмир. Без лишних слов стражник пропустил Немо и Анадель, но предупредил, что за частоколом может быть опасно. Парень с девушкой не обратили никакого внимания на предостережения Радмира. Они миновали городские пределы, по левую руку серпантинном петляла дорога, впереди раскинулись долгие необъятные глазу степи. Трава уже поддавалась осенней желтизне, но лето изо всех сил пыталось удержать, налить зеленью все те малые травинки, которые то же не желали прихода осени. Зеленые степные краски ярко сочетались с желтыми, голубыми просветами колокольчиков, красными лепестками мака. Сумрак быстро серел, рассеивался, огненный диск уже начал показывать свои края. Анадель и Немо молча сидели на траве и наблюдали за прекрасной картиной восхода, вдаль за спинами виднелся городской частокол, но все мирские проблемы сейчас растворились для людей, которых поглотила красота природы. Солнце поднималось все выше и выше, все дальше раскидывая свои лучи, на горизонте воцарила прекрасная игра красок. Все больше власти получает огненно-желтое солнце, пуская в разные стороны краски алых лучей, они, сочетаясь с цветом неба, дают жизнь новым оттенкам, небольшие облака кружат вокруг солнца и получают от него живительные потоки новых гамм, новых цветов.

Немо и Анадель жадно поглощали красоту природу, впитывали ее своими сердцами.

Солнце поднималось все выше. Когда же оно было достаточно высокого, вмиг все краски исчезли, развеялись голубовато-белой дымкой, ушли на покой до нового рассвета.

Продолжали сидеть в молчании, первой перебила тишину девушка.

— Прекрасные картины дает нам жизнь, может и смерть несет такие краски?! - философски заметила она.

— Да! — нервно протянул Немо, ему взору сразу предстала смерть родителей. — Желтые краски страха все больше и больше обволакивают тело и душу, белые краски смерти и алые струйки крови, после жестокого удара в спину — вот, что несет нам смерть, и это уже не так прекрасно, как может показаться юному воображению.

— Откуда столько злобы и ненависти? — сначала даже немного испугалась Анадель. — Что тревожит тебя так, что и в этот прекрасный момент ты думаешь о чем-то плохом, зловещем? — откинув испуги, встревожено проговорила девушка.

— Это долгая история, извини, я вспылел. — низким, обиженным и просящим голосом говорил Немо, как маленький мальчик, который сделал что-то плохое и просит прощения у равнодушной матушки.

— Пожалуйста, расскажи, что произошло с тобой? Я не хочу, чтобы у нас с тобой были секреты.

— Я не могу. По крайней мере, сейчас. — отрезал Немо.

Разговор по неволе зашел в тупик. Вновь сидели молча, смотрели вглубь степей, где над горизонтом уже показалось полное, налитое золотом солнце.

В один миг их взгляды встретились, пробежала неведомая волна чувств. В сознании Немо искрой пролетело желание, желание соединиться с влажными блестящими губами девушки в огненном поцелуе, прижать к своей груди ее хрупкое тело, ощутить всю прелесть прикосновения молодой гадалки, услышать ее завораживающий шепот. Это чувство не покидало Немо, разгоралось все с большей силой. Сердце дрогнуло, северянин пошатнулся от легкого головокружения. Тело само потянулось к Анадель, и их уста слились в жарком поцелуе. Еще секунда и рука Немо пробежала по обнаженным ногам девушки, поднялась выше, на несколько мгновений задержалась там, и вскоре пошла все выше и выше к чарующей груди девушки. Их уста так и не разъединились после поцелуя. Немо не успел опомниться, как его руки стали развязывать тугие завязки кафтанчика, обнажая ее упругую пирамидальную грудь. Невольно ладонь поползла под подол платья, девушка схватила руку северянина, не давая сделать это, но тут же отпустила, расслабилась, давая Немо полную власть над собой. Северянин обнажил девушку. В ответ Анадель медленно и возбуждающе начала раздевать его. Она не спешила, в спешке не рождается ничего, кроме ошибок.

Двое влюбленных лежали на чистом степном просторе абсолютно нагими, вокруг них

была неаккуратна разбросана одежда. Губы парня и девушки сплелись в страстном поцелуе...

Тела двух влюбленных двигались ритмичными движениями полными наслаждения и любви. Их сердца бились в унисон, бились все чаще и чаще. В воздухе зависла аура одурманивающей любви.

Натруженные руки северянина как-то непривычно нежно гладили обнаженные бедра молодой красавицы, плавно заскользили по талии, останавливались у миниатюрной манящей груди. Ладони Немо не переставая ласкали девушку, находили самые страстные и чувственные точки обнаженного тела.

Нежные руки девушки заскользили по спине Немо. В порыве страсти аккуратные ногти впились в плоть чуть ниже лопаток. Божественная пытка, еще больше разжигала желание северянина. Он все сильнее и сильнее стал прижиматься к Анадель, все быстрее и быстрее становились ритмичные движения.

Девушка расслабилась. Ее руки медленно скатились со спины северянина и поползли маленькими змейками к его ягодицам.

Ритм учащался... еще и еще... и в один миг все стихло в блаженном экстазе...

* * *

Солнце стояло в зените. Полдень был по-летнему жарок. Воздух был настолько душный, что трудно было дышать. На камнях грелись ящерицы, по траве бегали трудолюбивые муравьи. Мужчина и женщина лежали в центре всего мира, ощущение полного блаженства царило вокруг них. По траве пробежал тихий ветерок, зашелестела трава, в остальном была полная тишина и гармония. Природа шептала свои истории, заволакивала в свои пределы молодые сердца.

В полном умиротворении лежали двое людей, еще несколько дней назад совсем не знакомые, а теперь связанные узами любви с головы до пят. Им не хотелось терять эти прекрасные мгновения, и они полной грудью дышали воздухом любви и наслаждения, все это не должно закончиться никогда, этот день должен идти целую вечность, это чувство никогда не оставит их сердец...

Но время неумолимо, приходило время возвращения к привычным мирским делам...

Глава II. Пора в путь!

Конец сентября, 1484, Нимфея, Северная граница Южной Короны

... Немо вернулся домой к обеду. Уже в который день, северянин проводил утро не с Гефестом и кузнечным молотом, а с прекрасной девушкой; уже в который раз он встречал рассвет в степи с красавицей Анадель. Названный отец понемногу привык к тому, что сын заглядывает в кузню все реже и реже. "Главное, — думал он. — чтобы девушка не мешала в подготовке к состязаниям". Кузнец и его талантливый подмастерья, которого уже многие могли назвать мастером своего дела, хорошо приготовились к торгам, их гнедые кони и так с трудом могли бы утянуть все то снаряжение, что выковали братья по цеху. Новых заказов не брали, на их выполнение никак не хватит времени. Именно поэтому Гефест ничуть не огорчился временной легкомысленности своего ученика. Тренировки же проходили весьма удачно, Анадель не мешала подготовке северянина к состязаниям, редкая задумчивость Немо — как говорил Гефест — "Витание с возлюбленной в облаках" — быстро проходила после легкого отцовского подзатыльника.

Первое время влюбленные встречались в степи, реже в городе. Они весело проводили время, радовались и наслаждались жизнью, каждой проведенной вместе секунде. Подмастерье и гадалка встречались не так редко, но и не так часто, как хотелось бы. Сперва раз в три дня, потом через день. Позже и этого стало мало влюбленным сердцам, и тогда их встречи стали ежедневными.

Немо тянуло к девушке, словно под действием магии. Она являлась к нему даже во снах, ни на минуту не покидала головы северянина. Когда ее нет — мысли, тоска, когда рядом — радость и бездумье. Немо наслаждался самим присутствием Анадель. Порой казалось он вспорхнет исполинской птицей, взмоет ввысь. Невозможно описать то великолепное чувство возвышенности, которое окутывало его своими сетями. Анадель разделяла чувства, она была самым счастливым человеком на земле.

Но приходило время расставания, пусть и не долгого — всего на одну ночь, но эта ночь казалась годом, столетием, вечность! Время сна тянулось невероятно медленно, наполняло сны непроходимой пеленой тоски; тоски из-за того, что рядом нет любимой, нет любимого. Тоскливая луна сменялась веселым солнцем, снова предстояла встреча в степи, снова полетят мгновения невероятного счастья. Но все же опять придется расстаться...

... И в один прекрасный день (а они для Немо сейчас все были прекрасны, если он только видит перед собой Анадель) юный подмастерья набрался сил и предложил девушке остаться у него. "Заодно с Гефестом познакомишься" — подталкивал он возлюбленную к решению, но Анадель не надо было долго упрашивать, она быстро согласилась.

Молодая гадалка произвела немалое впечатление на Гефеста. Без колебаний приняли решение о переезде. Неугомонный отец предложил возлюбленным сыграть свадьбу, но с бракосочетанием решили повременить.

Дни полетели еще веселее. Девушка, как истинная домохозяйка следила за домом, за его полной — но не фанатичной, как это бывает у сильно уж любящих порядок и ненавидящих пыль — чистотой, готовила и убирала. Немо и Гефест тренировались, готовились к Восточному Турниру. Так они и жили, втроем.

От Артреста новости приходили редко, чаще можно было услышать о его новых продвижениях по службе (до тех пор пока он не стал вторым по рангу человеком в Нимфее), можно было услышать, что он надолго уехал в какое-то очень необходимое для Южной Короны странствие: "утихомирить разбойников на тракте", "карательная экспедиция в Келебреттские Горы", "поиск утраченного артефакта". Артрест редко удостаивал скромный обитель своего отца визитами, стал на удивление редко захаживать и Малах, каждый жил «своей» жизнью, своими проблемами, радостями и огорчениями.

... Маленькая семья из трех человек жила в гармонии и счастье. Немо не мог нарадоваться: теперь Анадель была всегда рядом! Понимающий Гефест, не долго думая, отдал сыну свою любимую двуспальную кровать, — односпальный лежак перекочевал к кузнецу — теперь Анадель делила с северянином и свое ложе.

Влюбленные почти не расставались, девушка стала тенью Немо, она старалась не отходить от северянина ни на шаг, даже в кузню захаживала. В такие дни из старательных рук Немо выходили самые диковинные вещи, от которых даже бывалый Гефест приходил в восторг. Северянин в кузне отдавал предпочтение не оружию и доспехам, а искусно выделанным украшениям, инкрустировал их драгоценными камнями, которые завозились с Келебреттских Гор. Северянин всерьез задумывался над тем, чтобы заняться ювелирным мастерством.

Гефест не выдержал и снова заговорил о свадьбе: "Сколько можно ходить из угла в угол, вилять перед друг другом? Невооруженным взглядом видно, как вы хотите скрестить свои сердца узами брака!" — ласково соединяя руки своих чад, говорил он, — "Я только не пойму, сколько вы можете тянуть с этим разговором?". Несмотря ни на что, с женитьбой вновь решили повременить. Немо хотел дожидаться возвращения с Восточного Турнира и Торгов.

— Монет в кошельках подбавиться, тогда и сыграем свадебку, да такую, что каждый позавидует!

... Дни сменялись ночью, ночь рассеивалась под силой солнца, возвещая новый день, и снова в свой черед возвращалась ночь, обычный круговорот. Время текло столь же незаметно, как просеивается песок, сквозь широко расставленные пальцы.

Немо и Анадель вернулись с прогулки, которые они день через день, но все же

устраивали, зашли на кухню, стол уже был накрыт. Гефест постарался, он все же был искусный повар, он смог бы даже преподать пару уроков Анадель, гадалка все же могла для кузнеца преподать их заметно больше.

За столом сидели Малах, Гефест и даже Артрест нашел время, чтобы отобедать с отцом. Ждали только Немо и его будущую супругу.

Для северянина было немаленькое удивление увидеть собравшихся дружным скопом всех его друзей. Недолго сидя перед полными тарелками, все дружно затрещали ложками, трапеза началась. В тот же миг затянулся и разговор.

— Артрест, что твориться в городе, почему все торговцы так обеспокоены? — спросил Немо.

— Хлеб и зерно, зерно и хлеб, цены не перестают расти, купцы несут убытки и всеми способами пытаются добиться от наместника всяческих льгот. — бесстрастно отвечал Артрест, за восемь лет на службе он не открыл для себя того, чего искал, хотя и был уже на посту начальника стражи — главного после наместника человека во всем городе.

— Говорят, на границе разбойников развелось, как грязи после дождя, — вмешался Гефест. — Целые деревни уходят с давно насиженных мест, в страхе перед ними, а потом и сами начинают жить грабежом, а кое-где и убийством. — кузнец обращался не к кому-то лично, а сразу ко всем.

— А что этим бедолагам остается? Никто не охраняет их деревни, они предоставлены самим себе. И за что они будут жить, если вдруг нападут разбойники, сожгут весь урожай, да еще всю скотину перебьют?! - забыв о приличиях, говорил с набитым ртом Немо, проглатывая кусками пищу, чтобы стало легче говорить. — Ничего не остается, как хватать свои пожитки и искать лучшей жизни. А разве ее найдешь?! Вот и идут грабить, чтоб прокормить семью, надо начинать с защиты деревень, тогда и разбойников станет меньше.

— Не лезь в дела, в которых ничего не смыслишь! — огрызнулся Артрест.

— А что тут смыслить?! - не унимался Немо — Поставить у каждой деревни королевских ландскнехтов, напасть никто из разбойников не сможет — побоятся. Разойдутся себе по домам и снова будут выращивать пшеницу да тыкву. Готов поспорить, что все эти разбойники — простые деревенские мужики.

— Да Немо, хорош твой план. — с иронией отвечал Артрест. — Нанять наемников, поднять налоги? Ты думаешь наемники буут лучше грабителей? Или может опустошить городские гарнизоны, раскидать войска по деревням? А на города пусть кочевники нападают? Поди, сам первый в степь убежишь.

Немо вспрыгнул со стула и бросил злобный взгляд в сторону Артреста, но тот даже не обратил на северянина никакого внимания, по-прежнему уминал мясо, выдержка у начальника стражи была на уровне. Анадель, ничего не сказав, потянулась к плечу северянина, чтобы успокоить разбушевавшегося возлюбленного. Немо аж передернуло, когда он почувствовал нежное прикосновение девушки.

— Не надо. — тихо шепнула Анадель, медленно опуская северянина на прежнее место.

Немо уселся, но переставать перепалку и не собирался. Он чувствовал свою правоту и должен был ее доказать.

— А что ты?! Сидишь себе за городскими стенами и горя не знаешь, а все пускай страдают, голодают, бросают в страхе свои дома, а вы ждете, когда кочевники появятся за городским частоколом! Скажи, когда последний раз нападали враги? Неужто, ты этого и не помнишь? — Немо не на шутку разгорячился.

— Мальчишка, у тебя прорезался голос? — ухмылялся Артрест, видя, что Немо мечется, как разъяренный тигр в клетке. — Ты забыл, кто спас тебя на дороге восемь лет назад? Если бы не я и Гефест — кормить бы тебе стервятников!

— Не бери на себя того, чего не делал! Ты бы оставил меня умирать на этой дороге, но не мог противиться словам отца. — огрызнулся Немо, и легкая улыбка показалось на его лице, когда он заметил, как от этих слов напряглись жилки на шее Артреста.

— Успокойтесь! Успокойтесь оба! — встал со стула Гефест, ударив перед этим о край

стола с такой силой, что чуть не перевернул все тарелки и кружки. — Что вы грызетесь, как маленькие дети? Не можете поделить игрушку?! Вы — одна семья! Вы — братья!

— Он мне не брат, северный пес! — теряя контроль, выкрикнул начальник городской стражи. — А ты Гефест, мне не отец!

Артрест встал из-за стола и быстрым шагом направился к выходу, перед этим толкнув Немо в плечо, северянин не отреагировал. "Пусть мечется! Пусть почувствует, что такое одиночество и страдания!" — злобно подумал Немо, но тут же отбросил злорадные мысли.

— Жалкие псы, мы встретимся в Травансале! — раздался злобный голос Артреста, скрывающегося за проемом дверей.

Гефест стоял, как вкопанный, не в силах пошевелиться. Слова родного сына ранили его до глубины души. Что твориться с Артрестом? Он никогда не был таким. Ошеломленный кузнец не двигался, его лицо было мрачным, как камень, словно древнее изваяние великого скульптора. Сразу выдались морщины, показались глубокие провалы глаз, взор был лишен жизни, на Гефеста было страшно смотреть. Глаза налились страхом и злобой, злобой на самого себя. Как он мог допустить такое? Неужели он потерял сына?! Из минутного оцепенения Гефеста вывели раздавшиеся, как раскат грома, слова Малаха.

— История повторяется. — хватая Немо за руку и выводя из кухни, сказал он, следом за северянином и знахарем поспешила Анадель.

Кузнец еще несколько минут стеклянными глазами смотрел на дверь, через которую недавно вышел Артрест. Гефест присел на стул, сегодня он был отдан своим рассуждениям, страшным рассуждением, он понял слова знахаря... "история повторится"... эта фраза вертелась в его голове.

— Ужин не удался — раздался в пустой комнате голос кузнеца.

Малах и Немо поднялись наверх (Анадель ушла в свою комнату, чтобы не мешать разговору знахаря и северянина, гадалка знала, что значит беседа с Малахом, поэтому не вмешивалась), расположились в комнате северянина. Сразу было понятно, что предстоит нелегкая беседа. А по виду Малаха она не предвещала ничего хорошего. На удивление разговор пошел совсем в другом русле. Знахарь расспрашивал Немо насчет Анадель, о предстоящем отъезде на Восток, о тренировках, но ни словом не заикнулся о том, что произошло недавно на кухне, да и Немо не хотел возвращаться к тому инциденту, чувствую в нем и свою вину.

Тем временем ночь набирала свою силу, на улице уже стали тушить фонари. Малах ушел, оставив наедине с мыслями и Немо, и Гефеста, и Анадель, которая только сейчас узнала, что ее возлюбленный не сын Гефесту, что он родом из Андариона, только сейчас поняла, как мало она знает о будущем супруге.

Город утопал в ночной тишине, спал мертвецким сном. На небе не было ни единой звезды, полотном его занавесили тучи, даже яркая полная луна затерялся где-то за облаками.

Немо спал. Непривычно спокойно. После знакомства с Анадель кошмарные сны стали приходить все реже и реже, сознание уже давно не переносило северянина на его родину, он уже давно не видел бойни в Найнлоу. Теперь во снах Немо гулял по чистым, словно небо, полям, старый запах смерти сменился чудным ароматом многих и многих трав и цветов, чистые луга, яркое манящее солнце, легкий летний ветерок. В этих снах с ним была его возлюбленная. Прекрасная молодая девушка манила его к себе рукой, он шел к ней, под ногами поскрипывала мокрая от росы трава, в спину подталкивал ветерок, отовсюду доносились радостные голоса птиц, ничто и никто не могли осквернить эти места. Полное блаженство и миролюбие царило здесь, не было ни зла, ни смерти, ни ненависти.

"Может когда-нибудь страна моих снов откроет мне свои ворота, заберет меня от людских проблем и невзгод, закрыв страшную реальность надежным замком, оставит меня рядом с Анадель, навечно! — подумал проснувшись Немо".

Северянин встал с прекрасным настроением, солнце уже всю светило в открытое окно, только вот птиц слышно не было, осень давала о себе знать. На дворе был последний день сентября, до травансальского турнира оставалось чуть больше месяца. Дорога до города

занимала добрых три недели, оставались последние дни перед отъездом, последние дни, которые Немо хотел провести с Анадель. Но Гефест запретил полностью отказываться от тренировок: "Подумай почти месяц пути, по такой дороге ты растрясешь все свои умения" — пытаясь шутить, говорил он. Немо делал так, как просил его отец, хотя знал свои силы и был в них уверен. Тренируясь во дворе в многоборье, он уже не раз оставлял Гефеста лежать на полу, не раз он сбивал стрелы кузнеца на лету, не позволяя им долететь до мишени, делал это по двум причинам: во-первых, показывал свое мастерство, во-вторых, беззлобно мстил кузнецу за насмешки (Гефест любил вспоминать, как Немо не мог попасть в мишень, на второй день после встречи с Анадель).

Солнце играло утренними лучами. Анадель эту ночь не ночевала в доме кузнеца, заранее договорившись встретиться у городских ворот, — как в старые добрые времена. Встретились, как и планировали. Стражники уже знали эту парочку в лицо и без слов пропускали их каждый раз. Сегодня Немо и Анадель пошли на север, идя в точности по тому пути, по которому вез обессилевшего северянина Гефест. Трава уже давно поддалась желтизне, исчезли кузнечики, стали скрываться в норах мыши, все букашки попрятались. Грозовые тучи стали над головами антрацитовыми стражами, закрывая собой солнце, превращая солнечное утро в пасмурный полдень. Скоро должен начаться дождь, уже первые капли стали брызгать с неба. Ветра на удивление не было, наверное, выжидал перед началом бури.

Пасмурная погода ничуть не беспокоила влюбленных, они медленно шли, держась за руки, вдоль устеленного золотом поля. Изредка все же вырывался прохладный ветерок, дул прямо в лицо и заставлял щуриться, тут же утихая. Вдали виднелись пики Келебреттских Гор, опоясывающих весь запад, севернее — огонь. Огонь?! Степь горит! Скоро подберется к городу, и что тогда? Надо быстро бежать в Нимфею, предупредить о пожаре!

Огонь быстро расползлся окрест, сухая пожелтевшая трава горела как нельзя хорошо, пламя переходило с одной травинки на другую, молниеносно приближаясь к городу. Деревянный частокол не устоит от огня, надо было быстро что-то предпринять. Скоро весь город был на ушах, звенели колокола, трубили из военных рогов. На пожарище выбегали горожане, некоторые сперва оторопели и смотрели, как одурманенные, на приближение огня, другие не мешкая принимались за пожаротушение.

Суeta разразилась окрест, одно ведро воды следовало за другим, их передавали из рук в руки, и быстрым темпом шло тушение пожара, но этого было мало, уже высохшая осенняя трава загоралась вновь и вновь, словно заколдованное. Пламя смертельной стеной надвигалось на город. Огонь усиливался, накатывался на городские стены исполинской силой, которую едва можно было приструнить теми малыми силами, что были у горожан. Дело было безнадежным... Поднялся ветер, словно ведомый чей-то рукой, все ярче раздувал пламя, бил в лицо, заставлял слезиться глаза. Гарь и копоть не давали свободно дышать, пепел скрипел на зубах, застил глаза. Темные тучи надвигались все сильнее, но свет от огня был куда ярче солнца в любой из летних дней. В степи стояла невыносимая жара, но, привыкшему к кузнечьему горну, Немо огонь был не почем. Он лез очертя голову в самое сердце пожара, сражался с непобедимым врагом, заливал его водой, затапывал ногами и тяжелыми покрывалами. Нашлись смельчаки и вроде Немо, но, получив пару ожогов, скрывались обратно от адского пекла и исчезали за спинами людей. Вся Нимфея отчаянно боролась, но что мог сделать человек против стихии? Огонь уже пошел вглубь города. Синим пламенем горели дубовые бревна частокола, воспламенились несколько домов, стоящих близко к нему. Спасения уже не было, вскоре город превратится в груды пепла...

Грянул гром. В следующее мгновение огромный ливень низвергнулся с небес. Страшный пар поднялся над степью от сгорающих капель дождя, ветер раздувал пламя, огонь хотел перебраться на все новые и новые дома, но вода была неутомима. Сначала мелкой капелью, а потом непроглядным ливнем обрушилась на землю сила дождевых облаков. Вода заливала пожар, облако тумана поднялось высоко над городом, гари, сажи и копоти стало куда больше, чем раньше, но это только радовало горожан. Стихия побеждала

стихию! Пожар затих, только маленькие местечка, куда смог попасть огонь, но не проникла вода, люди завершили начатое.

Город спасен. Сгорел всего один дом, немного потрепал пожар и частокол, но не столь сильно, как казалось на первый взгляд. Большинство людей отделались легким испугом, остальная часть получила неопасные ожоги, и лишь один смельчак, который действовал по примеру Немо, был в тяжелом состоянии. Его достали прямо из пожара, когда тот упал без сознания прямо в огонь, но и тут все обошлось, его жизни ничего не угрожало.

Степь сгорела на долгие мили вглубь Севера, и если бы не дождь, пошла бы еще дальше на Юг, черная полоса обугленной травы простиралась далеко за горизонт, выжжено было все, не осталось ни единой уцелевшей травинки, вмиг умерла вся степь. Чья это работа? Неужели степь загорелась сама? В это можно было бы поверить, если б нещадно светило солнце, но не в разгар же осени так бушевать огню?! На эти вопросы не мог ответить никто. Да такие вопросы пока и не сильно волновали горожан, в каждом лице виднелась улыбка, слегка взволнованная, но полная искреннего счастья. Повсюду слышались радостные крики, чистая случайность уберегла Нимфею от катастрофы.

На вечер был назначен великий пир, в больших сборах прошел весь день. Гефест не стал противиться отмене тренировок, даже сам с большим удовольствием присоединился к приготовлению пиршества.

Когда все было готово, на центральную улицу потянулись целые ряды людей, кто нес с собой длинный стол, кто стулья, кто яства, в общем, кто что. За несколько минут площадь кишмя кишела людьми, не хуже, чем на городских сборах, сейчас, пожалуй, людей было даже больше. Вся площадь была обставлена столами и скамейками, кое-кто даже поставил пару шатров и навесов, чтобы укрыться от бесконечной капли. Тучи не спеша уходили, а вместе с ними и спасительный дождь.

Пир не утихал всю ночь, лилось вино и пиво, угощали все и каждого, веселые крики не умолкали, хвалили отличившихся и умалчивали про стоящих позади, радовались без исключения все, столы валились от изобилия пищи, дневные смятение и страх исчезли без следа, все благодарили Небо за посланное спасенье. Дождь прекратился только к полуночи, снялись шатры и навесы, охмелевшие люди стали играть в разные игры, радости не убавлялось аж до рассвета. На утро, изнеможенные от пережитого прошлым днем и уставшие от ночного гулянья, люди медленно разбредались по домам, площадь заметно опустела, столы возвращались на свои прежние места, кушанья уже давно были съедены, вино и пиво — выпиты. Пир был окончен...

Все утро, до самого полудня Немо и Анадель провалялись в постели, они не спали ни ночью, ни днем, но сон не застилал глаза, как это порой бывает после бессонных часов. Радость ночного веселья сменилась дневными заботами и...

В полдень в комнату Немо зашел Гефест, его лицо было мрачным и безжизненным, что-то тревожило его. Анадель быстро ушла, решив, что ее присутствие здесь не желательно. Она почтительно попрощалась поклоном с кузнецом, и легким поцелуем с возлюбленным, после чего пошла в свою комнату.

Теперь Немо остался наедине с Гефестом.

— Не нравится мне все это! — насупившись, сказал Гефест.

— Что?! — удивленно спросил Немо.

— Этот пожар, человеческих это рук дело, но вот кому это нужно? Это другой вопрос... — слегка помедлил кузнец. — Нам надо выезжать, причем немедленно. — решительно закончил он.

— Но зачем такая спешка? Времени до турнира еще немало, а мы и так собирались через неделю трогать.

— Нет, мы выезжаем завтра. — отрезал Гефест. — Пожар был не спроста, у меня странное предчувствие, что на дороге будет опасно, одним нам не пройти.

— Но что измениться, если мы отправимся сейчас? — не унимался Немо. — Опасность никуда не уйдет, если она, конечно, вообще есть, три дня раньше, три дня позже, это нас не

спасет.

— Опасность есть, и спешка нас не спасла бы, но с Севера двинулся большой обоз, и держит путь к Восточной столице. Если поторопимся, успеем догнать его в Белтморе, если не повезет, то настигнем в Элдиборе. В любом случае будет безопаснее ехать за их спинами, чем тащиться в одиночку, опасаясь каждого куста.

— А что, если они не возьмут нас под свое крыло. — уже соглашаясь Немо делал последние попытки переубедить отца — Что если у них...

— Что! Если! Хватит! — огрызнулся Гефест — Это уже решено, хочешь, поезжай со мной, нет — сиди дома.

Немо не стал накалять обстановку, да и разумно было поступить так, как решил Гефест, только вот не хотелось наскоро прощаться с Анадель, и так ее не увидит всю оставшуюся осень, пока будут идти Восточные торги, но уже ничего не оставалось...

День прошел быстро, Немо закрутился в бесконечных сборах, мысли о расставании с Анадель не покидали его, но северянин пытался их заглушить в делах, это получалось с трудом. Немо бережно складывал в кожаные холсты многочисленные мечи, отдельно от них укладывал наконечники для копий и стрел, метательные ножи и металлические пояса для доспехов, все аккуратно раскладывал по своим местам, туго перевязывал толстыми веревками, которые плел сам, как арканы. В это время Гефест трудился в кузне, заканчивая начатые, но не доделанные работы, в основном это были доспехи.

Немо вышел на торговую площадь, чтобы запастись провиантом для долгой дороги, припасов надо было брать немало, хотя на тракте не часто, не редко, но попадались трактиры и забегаловки. На пути также стояли два городка — Белтмор и Элдибор. Они были густо населены и в них всегда могли найти приют непрошеные гости, также там радушно встречали любых путников, а Гефеста там знали почти все. В этих городках южане и хотели пополнить запасы, но до двух, одиноко стоящих, городов еще надо добраться.

Торговцы только-только стали появляться на улицах, хотя время уже давно перевалило за полдень, но уставшие после бессонной ночи купцы не спешили выбираться на торги. Они, как очумелые, стояли вдоль стен на торговой площади. Криков и возгласов почти не было слышно, что совсем не привычно для бывалых здесь горожан. Кто-то из купцов широко зевал, другой протирал полусонные глаза, третий уже подремывал у прилавка, остальные же твердо стояли на ногах и привычно для себя кричали кто что! Отменные пряники! Свежий хлеб! Шелк! Шелк! Но чаще всего слышалось излюбленные слова любого торговца — "Не проходите мимо!".

Немо подошел к одному из неумолкающих торговцев, немного приценился, но был приятно удивлен, когда купец сам отдал свой товар за полцены.

— Я видел, как ты вчера отчаянно боролся с огнем, лез в самое пекло, на такое способен далеко не каждый! — говорил он — Если бы таких было побольше, то мы справились бы с пожаром и без дождя, я сам полез за тобой, но получив пару ожогов не стерпел и убежал от огня прочь. — купец отодвинул рукав на своей рубаше, на темной коже виднелись несколько красных пятен от свежих ожогов. — А как ты продержался там так долго? Казалось пламя вот-вот сожрет тебя, но тебе было все не почем, будто и вовсе не пламя бушевало вокруг, а дул небольшой ветерок!

— Я привык к таким ожогам, и они мне были не так страшны, я кузнец, а наши горны жгут безбожно! — Немо было приятно получать такого рода похвалу, да еще от незнакомых людей, на лице северянина даже показался маленький румянец смущения.

— Пусть скатертью тебе будет дорога! — кричал вслед уходившему Немо торговец; северянин немного подзадержался останавливаясь и отдавая искренний поклон на добрые слова торговца.

— Я не знаю твоему имени, почтенный! — крикнул из далека Немо.

— Гвилдор, — услышался ответ — а ты, наверное, приемный сын Гефеста — Немо?

— Да, уважаемый Гвилдор, до скорой встречи!

— Удачи тебе в пути кузнец, сын кузнеца! — эхом раздался голос торговца.

Все было собрано, оставалось совсем немного: пригнать лошадей и повозку с городской конюшни, погрузить все и отправляться, но было еще кое-что, пожалуй, самое трудное для Немо — проститься с Анадель.

Тем временем над городом спустилась ночь. Она не дала Немо ожидаемого успокоения, он ворочался с боку на бок, неимоверная тоска перед расставанием застилала все сознание. Хотелось спать, в глазах щемило от усталости, они закрывались сами собой, но погрузиться в сон никак не удавалось. Мысли крутились в голове, одна сменяла другую, но по-прежнему покоя не давала самая мучительная из них — мысль о предстоящей разлуке.

Ветер дул в распахнутое окно, настала первая ночь октября, время клонились к полуночи. Немо не спал, он все думал и думал, думал о прекрасной девушке, которая лежала с ним рядом, но он не мог придумать, как сказать ей, что он уезжает. Молодой кузнец не знал, что девушка уже все прекрасно поняла без слов.

Ночной холод дал о себе знать, северянин встал и крепко запер окно, южный степной проказник ветер играл за оконным стеклом с полуоголенными деревьями. Северянин вернулся в нагретое ложе, неловкими движениями разбудил девушку.

— Не спиться? — ласково окликнула бессонного Немо Анадель, и нежно прикоснулась губами к его плечу.

— Нет, не спиться... — с усилием ответил северянин, только теперь он почувствовал, как все же он сильно любит Анадель, как хочет, чтобы она всегда была рядом. Только сейчас, перед скорой разлукой, он понял, насколько важна для него эта девушка, северянин даже думал о том, чтобы взять гадалку с собой, но также знал, что это лишь его мечты, что Анадель не согласится покидать Нимфею, что-то — Немо не знал, что именно — связывает девушку с этим городом. Северянин не раз пытался узнать — что? Но девушка всегда отмалчивалась, или переводила разговор в другое русло, Немо не упорствовал: "Анадель сама скажет, когда надо, если посчитает нужным".

— Что-то тревожит тебя? — лежа руку на грудь Немо, поинтересовалась Анадель.

— Да, я должен тебе сказать...

— Я знаю, не надо лишних слов, ты уезжаешь на Восток раньше времени. — понимающе сказала Анадель, в ее голосе чувствовалась скрытая тоска.

— Откуда?... — попытался что-то спросить Немо, но было уже поздно, Анадель стала прям таки одаривать северянина своими пламенными поцелуями, и его тело невольно поддалось на ласки возлюбленной.

— Не надо лишних слов. — повторила тихим шепотом девушка, и это было последнее, что услышал Немо перед очередной нежной ласки Анадель.

Влюбленные отдавались друг другу, и этой ночью больше не сомкнули глаз...

Утром им пришлось расстаться, Анадель отказалась оставаться в доме кузнеца, пока не вернется Немо и Гефест. Почему? Кто знает. Хотя и кузнец, и его подмастерья очень бы хотели, чтобы она осталась на хозяйстве. Не хотелось осознавать, что дом останется пустовать, пусть и не на долго, всего на несколько месяцев, но все же хочется, чтобы по возвращению родное жилище хранило тепло, тепло чей-то руки. Несмотря ни на что Анадель отказалась...

Немо расстался со своей любимой на городской площади, куда она попросила ее провести. Анадель так и не сказала северянину, где ее отчий дом, но Немо, как всегда не упорствовал: "Анадель скажет сама, когда посчитает нужным".

Прощание не было слишком долгим, никто не думал, что расставание затянется на целую вечность, никто, за исключением гадалки. Совсем недавно Анадель нарушила законы своих предков, которые гласили, что "имеющий дар к предвидению не должен знать своего будущего", "кто узнает будущее, не должен менять его под страхом лютого проклятия". Девушка нарушила эти заветы, она узнала страшную тайную грядущего, она узнала, что восток принесет смерть ее возлюбленному, если она отправится туда с ним, как хотела, поэтому она и осталась, тем самым меняя свою судьбу. Теперь Анадель ждало проклятье, но она не думала о себе, она не думала ни о ком, кроме Немо. Возможно, сегодня последний

день, когда она видит его, когда она наслаждается его взглядом, быть может, завтра, быть может, через месяц, проклятье найдет виновного и заберет его душу.

А, ни о чем не подозревающий, северянин прощался со своей возлюбленной. Невыносимой болью щемило в его груди, навалилась жгучая тоска, тоска расставания. Немо все же считал, что вскоре он снова сможет насладиться прекрасной и беззаботной жизнью рядом с Анадель.

Но судьба уготовила другое...

Что именно — никто не знал.

Анадель еще долго смотрела вслед уходящего северянина, по ее щекам стали медленно катиться слезы. Девушка навсегда прощалась со своим возлюбленным, она так недавно нашла его, что не заметила, как пришло время разлуки.

Плач! плач, Анадель! Здесь уже ничего не поможет, так что почему бы и не поплакать?

... Немо вернулся к дому кузнеца, Гефест уже пригнал лошадей и повозку, двух старых гнедых лошадок, которые в свое время везли в Нимфею обессиленного северного мальчишку.

Были сделаны последние приготовления, погружено оружие для продажи и несколько арбалетов для возможной атаки на повозку, возле них лежали два полных комплекта амуниции, доспехи, шлемы, боевые перчатки и два меча специально сделанных кузнецом для дороги. Гефест и Немо хорошо подготовились к возможному нападению, и северянин только удивлялся, "сколько раз ездили, ни разу не помню, чтобы готовились к бою" — думал про себя Немо, не осмеливаясь говорить это в слух, чтобы не обидеть предчувствия Гефеста. Только потом он узнал, что они кузнеца не подвели.

Застегнуты последние ремни на поклажах, закреплен груз... время трогать!

— Пора в путь! — весело, словно отправляясь на прогулку, сказал Гефест; Немо только немного насупился, ему хотелось сполна насладиться последними днями с Анадель, но судьба распорядилась иначе.

"Зачем раньше покидать Нимфею? Почему меня лишили последних дней с Анадель? Почему судьба так жестока? Хотя нет, судьба не так уж и жестока! У меня есть любимая, та, которую я люблю, и которая любит меня — это самое большое счастье, которое только может быть на свете!" - думал Немо, пока Гефест выводил повозку из города. — *А большее от Судьбы мне ничего и не надо!*

А что все-таки это был за странный пожар? Еще и после странной ссоры с Артрестом. И что на меня тогда нашло? Да и он был совсем не такой, как обычно. Я знаю, он недолюбливал меня, но никогда раньше он не проявлял это столь открыто. Бедный Гефест, пригрел меня, спас от смерти, а теперь я плачу ему столь болезненной монетой.

Нет, все это не спроста! Пожар, ссора, скорый отъезд... может Гефест чего-то недоговаривает? Но лучше об этом пока не спрашивать, а лучше вообще забыть! "Пожар человеческих рук дело" — вспомнил Немо слова Гефеста — А может это дело рук Артреста? Может это он поджог степь? Он покинул Нимфею за день до происшествия, значит, у него было время потрудиться над пожаром! Но нет, Артрест не мог так сделать с тем городом, которому служит верой и правдой! Если он зол на меня, это не значит, что он зол на всю Нимфею. И что мне за мысли вообще в голову лезут?..."

Повозка выехала за городской частокол и заколесила по обожженной недавним пожаром дороге, странствия Немо начались...

Глава III. Северный обоз

Октябрь, 1484, Восточный Тракт

По извивающейся змейкой дороге, ехала повозка, изредка тихо поскрипывая смазанными колесами. На поводьях сидел статный человек средних лет, внутри повозки лежал, тихо посапывая, худощавый парень, он еле уместился между мечами, обмотанными

холстами из кожи. Повозка была целым арсеналом на колесах. Амуниции в ней насчитывалось добрых три десятка мечей, столько же прямоугольных щитов, оббитых железными пластинами, по десятку кольчуг, нагрудников и цельных доспехов, сколько было наконечников для стрел и копий вообще трудно было сосчитать, сами древки ни кузнец, ни его подмастерье не вытачивали, оставляя эту работу плотникам. В закромах были еще четыре походных арбалета и несколько пучков болтов для них, чтобы уберечься от грабителей и разбойников.

Дорога была не из лучших, вязкая после длительного дождя, почерневшая от сажи после недавнего пожара. За повозкой оставался небольшой столп дыма и пыли.

Гефест торопился, но и не гнал лошадей попусту, им надо было успеть перехватить крупный обоз, который шел с севера, лучше всего это было сделать на долгих стоянках в городах Белт-мор или Элдибор.

Дорога сильно извивалась, давая немалый крюк с юго-запада, медленно поворачивая прямоком на восток, выходя на хорошо объезженный Восточный Тракт. Местность здесь была неплохо обжитой, на дороге частенько встречались деревни с постоянными домами, поэтому под открытым небом ночевать практически не приходилось, иногда ночевать не приходилось вообще, Гефест не давал отдыха ни себе, ни Немо, ни гнедым. Он все гнал и гнал повозку, приближая день встречи с обозом, редкие привалы делались только для того, чтобы дать лошадям отдых. Немо и Гефест сменяли друг друга на поводьях и передвигались довольно быстро. Кузнец надеялся догнать северян в первом крупном городе, до него еще оставалось не менее восьми дней пути.

Келебреттские горы, раскинулись далеко на западе, они то приближались, то отдалялись. "Чертова кривая дорога" — сказал Немо, усаживаясь за вожжи. Был его черед везти повозку. Дорога была не сильно утомительной, но постоянное молчание уже порядком поднадоело, даже для неразговорчивого Немо. Северянин пытался переброситься с Гефестом хотя бы парочкой слов, но тот неуклонно молчал, беседа не выходила.

Немо ехал, оглядываясь по сторонам, недоброе предчувствие кузнеца передалось и ему, но повсюду была только степь, выжженная черная гладь. Вдруг северянин резко дернул поводья, гнедые остановились, из повозки донеслась брань Гефеста, на него разом свалились два нагрудника.

— Что у тебя там еще?! - недовольно пробормотал Гефест, откидывая в бок один нагрудник, потом другой.

— На обочине что-то есть, я видел блеск, надо бы проверить. — ответил Немо.

— Что ты, как ворона, на все блестящее так и лезешь? — продолжал бурчать недовольный кузнец.

— Ворона, не ворона, все равно проверить стоит. — обронил, понижая голос, Немо.

— Ты что, ждешь пока я слезу и посмотрю? Поди и глянь что там! — Немо медлил, кузнец прикрикнул. — Давай лети на блики ворон!

Северянин недовольный от тона беседы все же слез с повозки, быстрыми шагами пошел вглубь степи. Вскоре Немо вернулся, держа в руке две какие-то сильно обгорелые, но не потерявшие цвета, железные пластинки конусообразной формы.

— Не знаешь, что Это? — Немо показал свою странную находку кузнецу; Гефест нахмурился. Когда он получше разглядел протянутые северянином железяки, недовольство кузнеца вмиг исчезло, теперь на лице угадывались удивление и опаска, но и они вскоре сменились какой-то твердой уверенностью, Гефест понял, откуда Это здесь. — Не тяни, говори, что все это значит?!

— Ты не догадался? — как-то по особенному хитро спросил кузнец. — Эти обгоревшие жестянки, когда-то были дорожными факелами, такие использует половина Востока и Юга. Эта находка ничего определенного не говорит, но... по-видимому я не ошибся. Пожар — дело человеческих рук, но знать бы еще кому понадобилась эта затея с огнем?! - брови у кузнеца сдвинулись еще пуще прежнего. — Надо спешить, времени мало, если не догоним северный обоз, можем попасть в неплохую передрагу! Трогай!

Тихо скрипнули колеса, повозка снова двинулась в путь. Гефест перестал нежиться на твердой поклаже внутри повозки, теперь он сидел рядом с Немо у поводьев, оглядываясь вокруг. Странное чувство не покидало кузнеца-торговца и по неволе передавалось и его помощнику. Но ничего не происходило, окрест все также простиралась выжженная степь и никаких следов человеческого присутствия, и тем более засад. "Кто может напасть на открытом месте, все видно как на ладони, почему Гефест попусту тревогу трубит?" — молча думал Немо, не понимая опасений кузнеца.

— Хорошо, если все обойдется, — будто читая мысли северянина, вдруг начал говорить Гефест, — а если нет? Лучше быть на чеку!

Предчувствия обманули Гефеста, ни атак, ни засад, ничего в таком духе не было, не было даже малейших намеков на близость человека. Степь опустела, и на долгие мили все живое вымерло.

На пятый день пути дорога резко сворачивала на восток, повозка въехала на Восточный Тракт. Степи вокруг растворялись, начались показываться свои округлые пики небольшие холма, окружающие Тракт с двух сторон, на них были одиноко разбросаны толстые и могучие дубы. Деревни здесь встречались нередко, народ там был гостеприимный и добрый, но кузнец не захотел сворачивать ни к одной из таких деревень, у него было твердое намерение ехать всю ночь. "Может, уже завтра и заглянем в деревенский трактир, выпьем по кружке другой пива, зря с собой не взяли" — бормотал Гефест, опасение так и не оставило его, но защите деревень он предпочел скорость.

Повозка уже долгое время не останавливалась, потихоньку на небо надвигались сумерки. Гефест предложил сделать привал, уж сильно бурлило в животе, да и лошади устали от пускай не долгого, но трудного для них пути (дорога от Нимфеи до Восточного Тракта называлась среди людей Черный Путь, и это было не даром, таких отвратительных дорог, как эта, было трудно найти где-нибудь еще во всем Айзолине). Немо pokrивился, его не сильно прельщало еще одну ночь провести без сна, либо лежать под открытым небом и по привычке отыскивать на звездном одеяле Звезду Андариона — небесный спутник северной страны.

— Отец, может, дадим лошадям и себе отдых? — специально изображая неимоверную усталость, говорил Немо. — Еще одна такая ночь и мне кошмары будут не страшны, я уже совсем забуду, что такое сон! А на турнире мы с тобой займем почетные последние места, совсем вымотавшись в дороге!

— Если не будем спешить, то не догоним обоз!

— Не догоним... не догоним в Белтморе, успеем в Элдиборе. Или ты хочешь, чтобы наши лошади свалились на пол пути? Они выбились из сил по дороге из Нимфеи к Восточному Тракту. — здравомыслящий Немо был прав, дорога и впрямь сильно вымотала гнедых лошадей. — Заодно овса прикупим, про него мы то совсем позабыли, только на неделю взяли! — не переставал убеждать кузнеца Немо.

— Убедил, чертяка языкастый! — махнул рукой Гефест — Я и сам от доброго пивка не откажусь!

— Смотри не переусердствуй, завтра все равно поутру погоним! — радостно воскликнул северянин.

Друзья, даже больше, чем просто друзья, напарники, сын и отец, спасенный и спаситель, Немо и Гефест отправились в сторону ближайшей деревни. Она лежала на отшибе, между двумя холмами. Немо и Гефест не долго задерживались со встречными селянами, быстро разузнав у местных, где находится таверна, направились напрямик туда. Друзья ехала по неширокой улице, с двух сторон ее окружали приземистые дома из дубовых бревен, во дворах, не переставая, лаяли собаки. И вот, наконец, спутники подъехали к таверне, над ней висела почерневшая от времени вывеска "Темный Э..." дальше было не разобрать в сумерках. Таверна стояла на центральной улице (если эту улицу можно назвать центральной, в деревне была только одна дорога, одна улица), это было небольшое, но и немаленькое двухэтажное здание из тех же дубовых бревен, что были и у большей части

здешних домов, только по толщине бревна трактира превосходили остальные почти в два раза. Немо остановил повозку у самих дверей, Гефест слез и направился в таверну.

— Пойду договорюсь, жди здесь. Скоро буду, — хрипловато проговорил кузнец.

Немо остался сидеть, но Гефест не заставил себя ждать, через минуту он уже вышел, вид у него был куда радостнее, чем прежде.

— Заводи повозку во двор! — отозвался он. — Знаешь, кто был здесь два дня назад? Тот самый обоз! Успеваем! — радостно, словно ребенок, которому незнакомец дал конфетку, осведомил Гефест.

Вскоре два путника уже сидели внутри возле теплого камина. Они ждали, когда им принесут еды и пива. Немо и Гефест уже успели осмотреть комнату, в которой им предстоит провести сегодняшнюю ночь. Номера здесь были небольшие, но уютные. Две кровати стояли рядом, их разделял небольшой комод для постельного белья. На стене висели две масляные картины, что было немалой роскошью для деревенского постоялого дома. Небольшое окно было занавешено коричневыми цветастыми шторами из тонкого материала — тоже необычно для средней деревушки. Жилые помещения находились на втором этаже. На первом же этаже была гостиная и столовая, именно здесь, в столовой, и сидели сейчас спутники из Нимфеи. Людей было много, как говорится, "яблоку негде упасть". Немо и Гефесту даже пришлось немного подождать, пока освободятся места, чтобы трапезничать не стоя. Им повезло, стол освободился довольно быстро, заняли место у камина, по праву — самое лучшее!

Друзья изрядно проголодались и с нетерпением ждали, когда принесут горячее. Вскоре прибежал мальчишка с подносом, на котором стояли две здоровенные кружки пива и две тарелки, от которых веяло приятным ароматом. Ловкий мальчишка одним движением расставил все яства перед друзьями и быстро скрылся. Обслуживание было на уровне.

— Когда подадут мясо?! - крикнул вдогонку убежавшему мальчишке Гефест.

— Сию минуту, господин! — послышался ответный крик мальчика уже с другого конца залы.

— Отец! Не наседай на парня, не видишь, у него и так дел невпроворот. Ты еще и похлебку есть не стал, а уже второго требуешь! — усмехнулся с небольшой укоризной Немо.

— Да я чего? Я просто... — как маленький мальчик стал игриво оправдываться Гефест, это было смешно видеть, когда здоровенный плечистый мужик, ведет себя так! Немо не удержался. Послышался веселый хохот, рассмеялся и Гефест. — Ладно, успокойся! Может, по трубке возьмем? — опять впадая в детство, говорил кузнец. — Я уже давно... ну, ты понимаешь.

— Да-да, я понимаю! — Немо рассмеялся пуще прежнего — Возьмем, возьмем, "Малыш"! — подшутил над названным отцом северянин.

Горячее было съедено, за ним последовало и второе. Наевшись досыта, друзья не спеша цедили пиво и потягивали трубки, невольно развязалась беседа.

— Что будем делать после турнира, до торгов останется еще добрых три недели! — приторным голосом сказал Немо.

— Что делать, что делать, там видно будет, чего сейчас голову забивать?! - отговаривался Гефест. — Смотри, а то свадьбу играть придется, ты ведь не на шутку собрался лезть в "непроходимую стену", пройдешь — рука девушки твоя, нет — другая девушка твоя — смерть.

— Я пойду в «Стену» не для руки девушки, ты забыл про Анадель! — прикрикнул Немо, ему не понравилось, что Гефест изгаляется над его решением.

— Не будь дураком! — Гефест положил руку на плечо северянина, и тихо добавил. — Ты мне сын, точнее как сын, лезть туда — неминуемая смерть, зачем тебе это?!

— Отец, я решил! Ничто и никто не сможет переубедить меня! — отрезал Немо.

— Извиняюсь, что врываюсь в вашу беседу! — над Немо уставился статный мужчина, сидевший за столом напротив. Двумя ловкими движениями он подскочил к южанам. — Не хочу показаться бестактным, но я услышал ваш разговор, вы едите на турнир в Травансаль?!

— Да, — коротко ответил Гефест.

— Я остановился в комнате напротив вашей, держу путь с запада и тоже на Восток, на турнир. Я, как и ваш почтенный сын, милейший, — обратился незнакомец к кузнецу — хочу проверить себя на "непроходимой стене", как говорите Вы, у нас же, на Западе это испытание называют "Смертельный туннель". Я еду один, а мне стало известно о кучке разбойников в Восточных лесах. Не хотелось бы попасть к ним на острие меча, а втроем мы сами зарубаем непрошенных гостей!

— Вы навязчив, незнакомец! — ответил Гефест — Ваш меч нам ни к чему!

— Извините, я не представился, Квал-Тарр, сын Квал-Драра, воин из Келебреттских Гор.

— Варвар! — невежественно протянул кузнец.

— Простите, видно я ошибся в выборе спутников! — обиженно, даже с каплей признания, рявкнул варвар, и собирался уж было уходить, как его остановила рука Немо.

— Прости и ты, Квал-Тарр, мы сами повели себя немного невежественно... — вмешался Немо.

— Немного... — протянул слова северянина горец.

— Я уже извинился, — будто не заметил негодования варвара Немо — мы принимаем твоё предложение, вместе идти и веселее и безопаснее. Лишние руки, если что случится, нам не помешают. И еще, мы сами забыли представиться, я Немо, сын... — северянин немного замаялся — сын Гефеста, а это мой отец — Гефест, сын Мефласта. Мы направляемся с Юга, куда, ты уже знаешь. Прими мое предложение и присядь к нам.

Квал-Тарр немного помялся на месте, обида еще играла у него в голове, но и одному встречать опасность не хотелось, надо было соглашаться, именно это и сделал варвар.

— Благодарю тебя Немо, сын Гефеста, и тебя Гефест, сын Мефласта — сквозь зубы и обиду, но в тоже время пытаюсь быть учтивым, сказал Квал-Тарр.

— Какие вести с Запада? — будто уже с давно знакомым другом, начал беседу Немо. Гефест молчал, он вообще не одобрил поступок сына, но говорить ничего не стал, только нахмурил брови, сделал ледяной взгляд, и, чтобы этого никто не заметил, опустил глаза в кружку с пивом.

— Плохи дела на моей родине. — с глубоким выдохом проговорил Квал-Тарр. — Непокойно! Извините, но ничего большего сказать не могу, не в моих силах!

— Ладно, сменим тему, я понял, ты тоже хочешь пройти через "Смертельный туннель", значит, у меня появился противник, достойный противник, — добавил Немо.

— Я вижу, и ты противник не из последнего десятка — окидывая взглядом Немо, сказал Квал-Тарр; он не видел в северянине реального противника, а сказал последнее лишь из-за учтивости к собеседнику, но это у него получилось совсем неумело, лицемерить не в стиле горца.

— Нам пора! — допив пиво, огрызнулся Гефест. — Завтра рано вставать, надо хорошо выспаться перед долгой дорогой. Ты не забыл о наших планах?! - укоризненно обратился кузнец к сыну. — Северный обоз нас ждать не будет!

— Северный обоз? — удивился Квал-Тарр. — Северяне — народ еще поскрытней нашего будет, вряд ли они возьмут с собой незнакомцев.

— Об этом завтра, отец прав, сейчас надо отдохнуть, утро вечера мудренее! — закончил разговор Немо.

Новые знакомые разошлись по комнатам, резиденция варвара находилась как раз напротив номера Немо и Гефеста. Как только двери в комнату друзей закрылись, Гефест накинулся на Немо.

— О чем ты думал, предлагая ему ехать с нами?! - возмущался кузнец, но делал это он как нельзя тихо, чтобы не было слышно за дверьми. — Совсем из ума выжил? Не хватало, чтобы нам в спины он еще ударил, нашел помощника!

— Да не переживай ты так! — успокаивал отца Немо. — Я ему доверяю!

— Доверяй, доверяй, не слышал, что варвары на дорогах чудят? — не унимался

Гефест. — Небось, подосланный твой Квал-Тарр! Ходит по тавернам и выискивает с кого бы наживу взять!

— Да откуда он знает, что у нас есть что-то?

— Ха!... Про турнир услышал, думаешь, не услышал про торги?! Сразу гад понял, что не пустые едем, а как он ошетинился, когда про северный обоз услышал! Небось, не ожидал, что мы похитрее его будем, сами на пролом не поедем.

— Да вечно ты во всем опасность видишь, впрямь, человек сам не хочет на пролом валиться, вот и ищет с кем бы побезопаснее было! — беспечно отвечал Немо.

— Ладно, ложись спать, поутру вставать. Знал: не надо было заезжать в эту лачугу. Теперь еще проблем набрались! Ложись спать! — совсем теряя самообладание, крикнул последние слова кузнец.

Гефест и Немо улеглись по своим кроватям, небрежно покидав одежду на небольшой комод. Северянин моментально уснул, Гефест же напротив, ворочался, не мог найти себе места, ему не нравилась затея сына насчет нового попутчика. Кузнецу удалось уснуть только тогда, когда время уже давно перевалило за полночь.

Все было тихо, легкий ветерок бил в ставни, ни малейшего шороха. Ночь прошла спокойно. Наутро Немо встал свежим и бодрым, наскоро накинул на себя одежду и побежал вниз заказывать завтрак. Гефест в полудреме переворачивался с боку на бок, пытаясь нагнать сон, не выходило. Северянин разбудил на славу, вылив на отца добрый кувшин воды. Теперь мягкая теплая постель кузнеца стала липкой и мокрой.

— Вставай! Завтрак несут! — раздался веселый голос Немо, который умывался в углу, оставшейся в кувшине водой — Ну давай, давай, лежебока! Утонешь же! — рассмеялся северянин, Гефест только недовольно бормоча, привстал с постели.

— Ну, где твой обещанный завтрак? — недовольно отозвался Гефест, протирая слипшиеся глаза — Распоясался ты, Немо, давно видно ремня не получал!

— Да будет тебе! — ухмыльнулся Немо, Гефест никогда не применял силу, сыновей он воспитывал по-другому, словами и уроками.

В дверь постучали.

— Вот и завтрак подоспел! — обрадовался Гефест.

— Открыто! — послышался голос Немо, в дверь вошел недавний знакомый, за спиной висел длинный двуручный меч и щит.

— Доброго утра, почтенные! — поприветствовал Квал-Тарр.

— И тебе доброго утра! — отозвался Немо, Гефест промолчал, но вид у него стал мрачнее тьмы.

— Пришел еще подарочек на наши головы! — подумал кузнец, но говорить вслух не стал.

— Я буду ждать вас во дворе, не смею больше задерживать! — тактично протараторил варвар и двумя быстрыми шагами перелетел через всю комнату к двери, там он сшибся с мальчишкой, принесшим еду, едва не сбив его с ног, но мальчик ловко увернулся и ни одно блюдо на подносе не шелохнулось, только пиво немного вспенилось.

— Свежее! — снова подумал Гефест, но опять промолчал.

— Мы долго не задержимся! — прикрикнул в спину Квал-Тарру Немо.

— Невыносимые варвары, даже с утра покоя не дают — грубо как мог, сказал Гефест, выругавшись после этого всеми бранными словами, что знал.

Утренняя трапеза скоро закончился. Собрав все вещи, Немо вышел во двор, чтобы выгнать повозку. Гефест немного подзадержался с хозяином трактира, расплатился за ночлег и еду, заодно расспросил о варваре, получив только хорошие отзывы, немного поуспокоился.

Квал-Тарр был уже полностью готов и ждал спутников во дворе. Когда показались друзья, он немного удивился. Варвар не думал, что Немо и Гефест едут с повозкой, первую часть вчерашнего разговора северянина и кузнеца он все-таки пропустил, несмотря на опасения Гефеста.

— Вы готовы? — спросил варвар, Немо утвердительно кивнул. — Тогда в путь!

Солнце только-только начало вставать, вмиг рассеивая ночной сумрак, лучи света беспощадно пронзали мглу. Осеннее солнце уже не грело, птицы не затевали свои веселые песни, всё готовилось к зиме. С запада дул легкий ветерок, совсем небольшой по сравнению со степными ветрами Нимфеи. Северянин, южанин и западный варвар ехали по деревенской улице, выезжая на Восточный Тракт. Снова повозка помчалась по торной дороге, снова полетели часы, но теперь у Немо и Гефеста появился спутник — мужественный воин Квал-Тарр. Варвар скакал на небольшой приземистой лошадке, крепкой и кряжистой, но уступающей в росте южным скакунам. Забавно смотрелся на этом конике огромный плечистый Квал-Тарр.

Все спутники ехали в гордом молчании, ни единого слова не выговорил ни один из людей, варвар хотел начать разговор, но, уловив боковым зрением нахмуренный вид Гефеста, решил, что этого делать не стоит. Прошел день. Ночь, сегодня провели под открытым небом. Расположились на небольшом пригорке поодаль от дороги. Все спали, тихо посапывал кузнец, одному варвару не спалось, он окидывал взглядом местность, покрытую мраком, что-то его сильно тревожило. Под утро встал Гефест, недобрый взглядом посмотрел на варвара.

— Почему не спишь? — нервно рявкнул он.

— Не спится. Что-то странное творится с миром, посмотри, мастер Гефест, Звезда Андариона потускнела! — задумчиво, выходя из мира мыслей, говорил Квал-Тарр.

— Ты что, варвар, пива за ужином перепил (Гефест не забыл прикупить в деревне неплохой бочонок пива) или что? — окидывая быстрым взором звездное небо, ворчал кузнец; сумерки заметно поредели, звезд уже почти не было видно, приближался рассвет. — Солнце встает, какие могут быть звезды, вы все варвары такие тугие на ум? — прикрикнул кузнец.

— Хватит сор! — предупреждая грядущую перепалку, отозвался Немо. — Отец, ты, как маленький ребенок! Успокойся!

— Не будем пререкаться, надо спешить, иначе мы никогда не догоним северный обоз! — вставил Квал-Тарр.

Все быстро собрались и снова отправились в путь.

Был третий день пути, после встречи с Квал-Тарром в трактире. Друзья катили по Восточному Тракту, его дорога постепенно расширялась, много различных маленький и больших дорожек сходились к Тракту. Понемногу холмы справа от дороги разошлись, потекла быстрая река Мелек-Харев — один из самых полноводных притоков Калки, — берег реки плотно прилегал к Тракту. Варвар спешил и набрал полную флягу воды, она была чистой и на удивление вкусной. На реке можно было часто встретить рыбацкие поселки или водяные мельницы, с огромными колесами. Деревень стало не в пример больше, приближался Белтмор. За рекой можно было заметить острые пики Файнренских кряжей, вечно затянутые неплотным туманом, с далека больше походившие на длинные башни исполинской крепости. Где-то за грядой, на земле Андариона, в камень врезалась огромная неприступная крепость — Замок Бури, давно павший в Великой Войне последний оплот Найенренов — слуг Темного Хазгила.

Кампания из одной повозки и одного конного ехал весь день без остановок, даже отдыха лошадям не давали, все мысли кузнеца были уже направлены на разговор с северянами. Что им говорить?

В спину путникам били закатные лучи солнца, над головами надвигались грозные тучи, прямо в лицо бил колючий холодный ветер, справа вода в реке вздыбилась, слева — недвижимой стеной стояли холмы, в них прочно впились дубы, теребя своими голыми ветками по ветру. Еле приоткрыв глаза, Немо заметил впереди приближающиеся ворота Белтмора. "Мы на месте!" послышался его торжествующий голос. Никто не ответил. До конечной точки назначения — столицы Восточного Ханства — надо было проехать еще куда больше, но все надеялись, что эту часть пути они будут не одни, а в сопровождении северного обоза.

Некоторое время спустя повозка уже была возле ворот. Здесь Восточный Тракт резко врезался в торговую область — город Белтмор, почти та же картина ждала спутников и в Элдиборе. Стражи не было, ворота всегда были открыты, сюда стекались многие и многие торговцы. Город-страна, свободный и одинокий среди крупных держав Юга и Востока, младшим братом города был Элдибор, такой же неподвластный интересам окружающих государств. Белтмор был молод, его основали только пять лет назад, но хорошее расположение, как раз на торговых путях, потянуло сюда людей с ближайших стран. После этого расцвели и прилежащие деревни. Наемная армия города расчистила дороги на запад и юг от разбойников, к востоку ситуация изменялась не наилучшим образом, там раскинулись Восточные Леса, и ловить, хорошо ориентирующих в лесных чащобах грабителей, было практически невозможно. На сам город набегов не боялись, он был богат, а, значит, мог позволить себе неплохую армию. Плохо обученным разбойникам атаковать Белтмор значило идти на верную гибель, с Восточным Ханством и с Южной Короной были подписаны торговые и военные договоры, от которых выигрывали обе стороны.

В городе не было ни наместника, ни короля, им правил выборный совет, состоявший из богатых купцов и военных начальников. Белтмор никому не платил дань, и жил собственной жизнью.

Гефест зашел в местный трактир, разузнать о северном обозе. Хозяин за символическую плату быстрыми репликами объяснил, что "обоз уже ушел", "вы опоздали самую малость", "на рассвете этого дня выехал за Восточные ворота", "едет в Элдибор. А куда еще?". Кузнец, получив исчерпывающую информацию, вернулся к спутникам.

— Мы опоздали, они ушли на рассвете! — грустно выдавил он.

— Ничего, догоним в Элдиборе! — подбадривал Немо.

— И что тогда? — слышался голос варвара.

— Что тогда? — перевернул его Гефест, он до сих пор недолго любил Квал-Тарра, видя в нем подсадную утку. — Договоримся и поедем с ними!

— Вы уверены что можно договориться с северянами? — продолжал свое варвар.

— Можно! — отрезал Гефест. — Остановимся в этом трактире, слезь с лошади, заводи повозку! — кузнец выказывал не обычную для себя нервозность.

— Гефест, что за муха тебя укусила?! - недовольно поинтересовался Немо.

— Извиняюсь! — тем же тоном ответил кузнец, снова заходя в двери трактира.

Постоялый дом почти ничем не отличался от того деревенского, в котором нимфеане познакомились с Квал-Тарром, тоже самое двухэтажное здание, те же дубовые стены в один обхват, такой же камин в гостиной-столовой, правда комнат было побольше, народу — не счесть и убранство более скромное.

Немо оставил повозку в дальнем углу внушительных размеров конюшни, быстро разобрал развьючил лошадей, поставил в стойла и снабдил овсом. Варвар наблюдал, не вмешиваясь, у горцев не принято помогать в подобных делах-мелочах, если не просят помощи. Дождавшись северянина, вместе направились в здание таверны.

Гефест, нервно ерзая на стуле, хлебал пиво. Место нашлось лишь в самом дальнем глухом помещении, поэтому вошедшие Немо и Квал-Тарр долго ждали, пока на них обратит внимание молодая девушка-служанка. Заказ на удивление принесли быстро. Кроме Гефеста к пиву никто не притронулся. Наскоро проглотав мелко рубленные куски мяса в соусе, отправились в опочивальню.

Комнатка-коробка с составленными одна к другой кроватями. Роскошью и не пахло, но это лучше, чем ночевать под открытым небом. Постаревшие не по годам черновато-серые стены отсырели от осенних дождей, по углам покрылись подтеками. Прорезь окна была сделана непомерно высоко, была наглухо запечатана ставнями. В комнате пахло сыростью, воздух был затхлый и тяжелый. Большим плюсом перечеркивающим все неудобства были крепкие дубовые кровати, мягкие перина и теплые постели.

Без раздумий и разговоров улеглись спать. На сытый желудок сон накатился быстро.

С первыми криками петухов поднялся Немо, разбудил остальных. Дорога звала, каждая

минута была на счету, поэтому разлеживаться в теплых постелях никто не стал.

Даже не позавтракав, наскоро поглотаив с поклаж какие-то куски съестного, друзья пустились в путь. Скоро они выехали за пределы города, природа почти не изменилась, только река все дальше и дальше отходила от Тракта, снова на ее место встали холмы и дубы. К полудню погода в край изменилась, антрацитовые тучи дали о себе знать. Грянул дождь, поспешно переходя в ливень. Дул сильный западный ветер, направляя в лица друзей сплошную стену колющих, словно тысяча маленьких иголочек, капель. Приходилось сильно щуриться, чтобы совсем не потерять дорогу из виду. Колеса повозки вязли в дорожной грязи, лошади иногда не могли справиться одни, и Гефесту приходилось слазить вниз и подталкивать повозку. Стихия не на шутку разбушевалась и стихла только к вечеру. Эту ночь спутники снова провели в таверне, опять похожей на предыдущие, как две капли воды.

Прошло еще два дня, прежде чем друзья встретили долгожданный обоз, он столпился в воротах Эрдибора, будто сам поджидая Немо, Гефеста и Квал-Тарра. Друзьям (если их всех можно было назвать друзьями, Гефест до сих пор таил камень недоверия к варвару, но показывал это теперь не так явно, как прежде, хотя у них нашлось множество тем для разговоров и оба не замолкали все два дня после бури) было не трудно догадаться, что это тот самый обоз, который им нужен. Выдавали прекрасные длинноногие северные скакуны. Спутники подъехал к одной из северных повозок, Гефест заговорил:

— Как мне найти главу обоза? — спросил он на наречии Белтмора, оно не многим отличалось от южного языка, поэтому кузнец говорил уверенно.

— Тебе какое дело? — послышался недобрый голос в ответ.

— Я хотел бы... мы хотели... ну... это... — у Гефеста словно отняли дар речи, он не мог связать ни слова, но потом переборол себя и сказал — Мы хотели присоединиться к вашему обозу, за плату, разумеется! — Гефест потряс в руке увесистый кожаный кошель.

— Нам не надо твоих денег, мы все равно не берем случайных попутчиков. — невозмутимо отвечал незнакомец.

— Но... — начал было Гефест, но его прервал голос обозника.

— Нет, и точка!

В разговор вмешался Немо, было видно, что кузнец ни о чем договориться не сможет. Северянин не забыл родного языка за долгие восемь лет, проведенные в Нимфее, и точно знал, что «своим» его сородичи никогда не отказывают, разумеется в мере разумного. Из уст Немо зазвучал северный говор, варвар стоял в недоумении, он свято верил, что едет с южанами, и точно знал о том, что северный язык — Великая Тайна этого народа.

Прошло не меньше десяти минут, прежде чем разговор Немо с северянином был окончен.

— Я поговорю насчет вас с главой обоза! — голос незнакомца заметно изменился, стал более звонким, куда-то пропала та басистость, что была в начале, голос был добр и приветлив; незнакомец специально говорил на южном языке, забывая даже о Белтморском наречии, для того, чтобы Гефест и Квал-Тарр поняли его. — Мы будем рады принять у себя соотечественника, пускай даже с такой невероятной «свитой», варваром и южанином! Странный Союз! — Прикрикнул северянин — Будем ждать вас в трактире "Ясные дни" в восточной части города, там мы сможем все достаточно хорошо обсудить!

Последняя повозка северян скрылась за городскими воротами, быстро свернув в какой-то закоулок. Западные ворота Элдибора были открыты, въезд свободен, а вот на Восточных было все не так просто. Там стояла стража, дабы не допустить набега разбойников, но мирным путникам дорогу не заслоняли.

Трактир "Ясные дни" был переполнен и друзьям пришлось остановиться в соседнем — "Чистые воды Мелек". Однотипность трактиров поражала. Обосновавшись в уютной комнате, после чего отправились в "Ясные дни". Несколько поворотов и они были на месте. В Элдиборе бывали частенько, поэтому город был довольно знаком, простая архитектура города, отсутствие многочисленных закоулков в этом сильно помогали.

В трактире их уже ждали. Едва завидев вошедших, недавний знакомый крикнул им и

поманил на себя рукой. Повинуясь безмолвному указу, подошли. Северяне расположились дружной гурьбой за тремя — нет, четырьмя — сдвинутыми столами. За ними восседало почти два десятка воинов, они даже сейчас не снимали с поясов мечей, и с десятков торговцев, одетых в роскошные, но по-видимому не сильно дорогие одежды. Кафтаны не были расшиты золотом, хотя и были сделаны из тонкого шелка не менее тонкой работы, на руках купцов не было ни колец, ни других украшений, что, в принципе, не было принято для более-менее удачливого торговца. Либо у северян не все так гладко складывалось с продажами, либо нелюбовь к роскоши берегла их кошельки.

Перед друзьями сидел весь тот «большой», по словам Гефеста, обоз. Один из воинов встал и жестом показал друзьям, чтобы те садились, потом добавил:

— Присаживайтесь, любезные! Я Алтермо, сын Халбармо, вы хотели меня видеть? — почтительно говорил вставший воин; это был крепкий высокий человек, почти на голову выше всех остальных сидящих рядом северян, сильные и резкие черты лица подчеркивали острый подбородок, большие голубые глаза (у северян это была редкость), орлиный нос и тонкие губы, все его лицо было усеяно маленькими шрамами, но сильно отличался от всех остальных шрам на лбу. "Не он" — заключил Немо. Сирота сравнивал человека стоявшего перед ним с тем, кому в свои десять лет он успел оставить отметку на лице, на щеке, ударом наконечника стрелы во время резни у Найнлоу.

— Если вы — глава обоза, идущего на Восток, то да! Мы хотели спросить, нельзя ли нам присоединиться к вашему обозу? — не менее почтительно ответил Немо.

— Я вижу, вы люди дела, но... Вы присаживайтесь, присаживайтесь! — друзья, наконец, сели за свободные места, специально оставленные для них. — Но мы не можем просто так брать попутчиков, у нас так не ведется, хоть с вами и едет один из наших соплеменников. — глаза Алтермо направились точно в глаза Немо, пробежало минутное молчание. Кто кого переглядит? В этой невидимой схватке победил Немо, глава обоза резко оторвал взгляд; Гефест и Квал-Тарр бегали глазами то на Немо, то на Алтермо, потом остановились на друге. Воин продолжил — Мне надо узнать как можно больше о вас и о цели вашего похода. Вечер только начался, надеюсь его вы проведете с нами. — Алтермо провел взглядом по всем сидящим, его глаза снова ненадолго остановились на Немо, но глава обоза снова не выдержал прямого взгляда восемнадцатилетнего парня.

— Прошу прощения, Храбрейший — немного привстал с места варвар — Мы в делах даже забыли представиться! Я Квал-Тарр, сын Квал-Драра — варвар западного склона Келебретских Гор, со мной кузнецы из Нимфеи — Гефест, сын Мефласта, и его... и Немо, сын... — варвар немного замаялся, видно было, что он в замешательстве, кто этот молодой юноша? Точно уж не сын этого кузнеца, а кто тогда?

— Сын Гефеста. — закончил слова Квал-Тарра Немо — Вам, мои соотечественники, наверное, известно о нападении на Найнлоу, восемь лет назад! Я единственный кому удалось спастись, меня приютил этот человек, — Немо взглядом показал на Гефеста. — и теперь я его по праву называю отцом!

— Найнлоу? Увы, я не слышал о таком селении. Расскажи свою историю, нечасто встретишь северян, живущих вдали от Родины.

— На мою деревню напали Темные рыцари. После недолгой резни все погибли, а деревня превратилась в пепелище. Мои родители погибли, друзья и знакомые тоже. Мне чудом удалось спастись. — Немо говорил скупой и сухо, каждое слово отбивалось в его памяти нежеланными воспоминаниями, которые он безуспешно пытался приглушить долгие годы.

— Не будем об этом. Тема не из приятных. Сейчас такие случаи у нас уже не редкость. — сделал глубокий вдох и выдох Алтермо. — Мы немного отклонились от главной цели: зачем вам на Восток? И для чего вам понадобилось наше крыло?

Трое друзей переглянулись. Предстоял долгий разговор и не менее долгий вечер, вечер вопросов и ответов, уловок и зацепок, и после всего согласия или не... Согласие!

Несколько секунд понадобилось Немо, чтобы полностью подготовить ответ Алтермо, и

он начал.

— Травансаль, нам надо именно туда. Вы многое, наверное, слышали о турнире, который проходит там каждые пять лет. Мы участники. После состязаний мы держим путь на торги в Кураст. Возможно там и повстречаемся.

— Возможно... — протянул последние слова Немо Алтермо — А какой груз, если не секрет, вы везете?!

— Это не секрет, оружие. — тихим голосом отвечал Гефест.

— Оружие?! - удивился глава обоза. — Оружие... оружие...

Алтермо бормотал, повторяя и повторяя слово «оружие». Какие мысли крутились в его голове? Он что-то решал для себя, кузнец уже пожалел о том, что сказал это слово «оружие», но северянин вмиг сосредоточился и поднял сильный взгляд на кузнеца.

— Гефест, да, как же я мог забыть! Оружие! Оружие, которое делаешь ты славиться далеко на Юг и Восток, да и у нас его ценят не меньше! Хорошо! Да, хорошо! — северянин говорил почти нечленораздельно друзьям стоило немалого труда разобрать отрывистую речь Алтермо.

— Хорошо?! - перебил мечущего на стуле Алтермо Квал-Тарр — Так значит, вы разрешаете нам присоединиться к вашему обозу?!

— Да! Да, но при одном условии!

— Каком?! - небрежно выкинул единственное слово Немо.

— При одном условии... — повторил Алтермо, секунду помедлил, но теперь его никто не посмел перебить, в воздухе витал таинственный дух, атмосфера за столом северян накалилась. — После турнира... как я понял... вы окажитесь на Восточных торгах... продавать оружие... продайте нам... мы не можем заплатить теперь, мм, сейчас... — северянин захлебывался в эмоциях, его говор стало уже не разобрать, улавливались только некоторые слова, язык по неволе стал переплетаться с родным — северным, нормально понимать Алтермо мог только Немо — Так вот... мы сами хотели закупить оружие, почему бы вам не продать Ваше нам? Мы распродадимся сами, и сможем заплатить вам, выгодная сделка не прогадаете!

— Немо! — посмотрел на сына Гефест, это значило, что отвечать будет он.

— Значит, если мы с отцом, мастером Гефестом, продадим вам свое оружие по прибытию на торги, то вы согласитесь сопровождать нас на Восток? — пытаюсь не упустить ни малейшей детали говорил Немо.

— Да! Именно так! — голос Алтермо торжествующе прикрикнул.

— Какова ваша цена? — вмешался Гефест.

— Цена, за цену не переживайте, о ней мы сможем договориться завтра. — Алтермо наконец-таки овладел собой.

— Завтра? Такие дела на потом не откладываются! — немного возмутился Квал-Тарр, это вообще был не его разговор, и, поняв это, он тут же утих и решил больше не вмешиваться.

— Не стоит решать такие вопросы в таверне! — невозмутимо отчеканил Алтермо. — Народ, сами понимаете, ненароком чужие уши не услышали, а они нам зачем? О чем, о чем, но о цене мы договоримся!

Кузнец недовольно привстал, но его остановила мужественная рука сына.

— Отлично! Завтра, так завтра! Нам некуда спешить ведь так отец, Квал-Тарр?! - Немо кинул на друзей грозный взгляд, этот жест мог значить только одно: ответ друзей должен быть однозначен и звучать «да», по крайней мере сегодня.

— Пива!!! Сегодня я угощаю, — обратился к новым попутчикам (как он уже для себя решил) Алтермо.

От угощения никто не отказывался, но ярее всех был Гефест. Пиво было отменным, такого кузнец уже не пил давненько, и сегодня явно собирался перебрать...

Глава IV. Холмское ущелье

Октябрь, 1484, Восточный Тракт

Полумесяц стоял высоко над головами трех спутников. Они шли вяло и медленно, не то от усталости, не то от хмеля. Один из друзей и вовсе еле стоял на ногах, с рассеченного лба у него струилась кровь, норовя попасть в глаза. Немо, Гефест и Квал-Тарр возвращались с таверны "Ясные дни". Время уже зашло далеко за полночь. Тройка друзей завернула, выходя на узкую улочку. Под ногами недовольно скрипел гравий, которому даже ночью не давали отдохнуть надоедливые путники. Город спал, а вместе с ним уснули и все фонари, молодой месяц не в силах был осветить землю, слишком блеклыми и безжизненными были его лучи. Элдибор утопал в ночной темени, пробираться приходилось в полном мраке, едва ли не на ощупь. Но после выпитого вина и пива темнота не пугала, друзья смело, держась друг за друга, шагали вперед, даже бодро, — привыкнув — будто над головами светило солнце. Выбрались на широкую мощеную улицу (вымощены были лишь важные дороги, остальные представляли собой грунт, песок или гравий, Элдибор был молод, обустроить все улицы просто не удавалось, к тому же город продолжал стремительно расти, над его строительством работали многие и многие мастера). Шагов эдак через сто (хотя если учитывать амплитуду раскачивания и короткость шаркающих шажков — гораздо больше) остановились возле внушительных размеров двухэтажного здания. На первом этаже тускло светил желтоватый свет из нескольких открытых окон.

— Вот И дом! — икая, выговорил Гефест.

Немо и Квал-Тарр на силу втащили огромного кузнеца в комнату. Чтобы добраться до нее им пришлось подняться по узкой винтовой лестнице (этим "Чистые воды Мелек" сильно отличались от своих таверн-собратьев), варвар чуть трижды не покатился вниз по ступенькам.

— Кто это строил?! - послышался его недовольный голос — Еще И Гефест набрался, а весит, как пять меня!

— Да будет тебе! Хотя б один поместился, — не терял чувство юмора Немо.

Последняя преграда пройдена. Вот он — долгожданный отдых, теплые кровати, а главное — тишина. Вечер выдался очень уж насыщенный: Гефест изрядно напился бесплатного пива, хмель ударила в голову... Да и сильно ударила! Кузнец завязал драку с каким-то черноплащником, тонким, как палка, и высоким, как дуб. Начали с кулаков, но этого показалось мало. Гефест выхватил меч, на что ему ответил метательным ножом. Если бы Квал-Тарр вовремя не оттолкнул Гефеста от летящей прямиком в голову стали, лежать бы кузнецу в таверне с довеском меж глаз. Нож пролетел совсем близко к кузнецу, даже слегка оцарапал лоб. На этом потасовка закончилась. Сперва вскочили, оцетинившись клинками, северяне с Немо во главе. Затем поднялись сотоварищи черноплащника, — с пьяного взгляда не меньше трех десятков — как две капли воды похожие друг на друга. Оценив силы, разошлись мирно. Наутро Гефест даже не вспомнил, что послужило причиной драки.

Утро в Элдиборе было солнечным, но холодным. Веяло осенней прохладой, ветер играл на мощеной дороге с пожелтевшими листьями, птицы вялым клином летели к местам зимовки, небо испещряли пунцовые дождевые облака, готовые в любую минуту обрушиться на землю капелью. Мир вокруг казался серым и мрачным, скучным и безжизненным. Природа все явственнее примеряла коричнево-сери-желтый наряд, готовясь полностью сменить поредевшие зеленые и цветастые одежды мягкой золотой.

Этот день друзья должны были провести в городе, но сначала надо договориться с Алтермо, едва он согласится везти друзей после вчерашней стычки. Но друзьям более, чем повезло, глава обоза (который так и не выходил из "Ясных дней") о вчерашнем даже и не вспомнил.

Разговор с обозником быстро вошел в русло деловых переговоров. Но они длились недолго. Цена полностью устраивала и Немо, и Гефеста. Учитывая опт сделки и бесплатное сопровождение под дланью обоза, кузнецы даже не стали спорить с щедрым (или более справедливым?) Алтермо. Согласились.

Время подходило к полудню, «дела» были сделаны, оставалось отдохнуть перед долгой дорогой. Квал-Тарр предложил засесть в "Ясных днях", но Гефест категорически отказался:

— Лучше уж у нас в "Чистых водах Мелек"!

Так и поступили.

Застольный зал в "Чистых вод Мелек" не многим уступал более популярной таверне "Ясные дни". Почти столько же посетителей восседали за столами и упивались в усмерть вином и пивом перед долгими тяжелыми странствиями. Такой же мальчишка бегал выполняя заказы. Тот же шум и гам окутывал помещение. Единственное различие заключалось в размерах залы.

День прошел быстро. Сегодня в Элдиборе было небольшое празднество по поводу наступления сезона (под сезоном в этом городе подразумевали начала торговых ярмарок, удобное положение города приносило всем его жителям в эти дни максимальный доход). Все веселились и плясали, общему настроению предались и трое спутников. Пили вино, горланили песни и щупали молоденьких девчат, которые были совсем не против этого, но по привычке багровели и смущались.

Вдоволь нагулявшись, друзья покинули праздничную залу таверны и побрели в свою комнату. Вскоре им принесли еду. Изменив привычкам, ужинали сегодня не спеша. Словно устав от вечной гонки, мерно месили кашу с кусками мяса, нехотя погружали в рот, тщательно пережевывали. Даже от вечернего пива отказались (полкружки перед едой не в счет). Покурив трубки, перекинувшись парой фраз, улеглись на кровати, предвкушая долгожданный сон.

Утром следующего дня Немо, Гефест и Квал-Тарр после быстрых сборов и приготовлений, прибыли к восточным воротам Элдибора. Там их уже ждали северяне, спешить им было некуда, но пунктуальность была в крови.

Обоз выехал на все тот же Восточный Тракт, начался тринадцатый день пути. Ехали быстро, никому не хотелось попасть в засаду, а здесь разбойники встречались, ой, как нередко! В бесконечной дороге день пролетел незаметно, мрачный сумрак спускался на землю. Ночь тянула свои руки к неширокой тропе, которую уже совсем стало трудно различать. С хвоста обоза передался приказ, сворачивать с дороги, где мелкой змейкой вилась одинокая тропинка. Повозки одна за другой въехали на проселочную дорогу. Она привела их к небольшой деревне. Сначала показал свои остро вырубленные пики деревенский частокол, затем завиднелись и ворота. Чтобы не испугать деревенских стражей, Алтермо направился к деревне один. Его высокий статный конь остановился на расстоянии вытянутой руки от ворот. Северянин, не слезая с лошади, постучал рукоятью меча в закрытый смотровой проем.

— Есть кто живой в этой забытой деревне? — громким басом прокатился над частоколом голос обозника.

— Кто там еще пожаловал? — незамедлительно послышался заспанный голос охранника.

— Примите обоз с севера! — как-то гордо выкинул Алтермо.

— Еще чего! Катитесь от сюда своей дорогой! Нам и без вас проблем вдосталь. — нехотя и грозно казался голос за воротами.

— Откройте! Мы же не воровать сюда пришли! — теряя терпение, продолжал глава обоза.

— Кто вас знает, дорожных крысы, авось и воры пожаловали! — отвечал страж ворот.

— Мы заплатим, плата вас не обидит! — скрывая за вежливостью обиду и злость процедил сквозь зубы Алтермо, северяне вообще не могли выносить такого рода оскорбления, и за такие слова в Андарионе можно было лишиться жизни.

— Сколько?! - голос стража приободрился

Щелкнул затвор, и приоткрылось небольшое оконное отверстие в воротах. Алтермо всунул туда небольшой кошелек со звенящими монетами, ворота открылись. Перед северянином предстал охранник, невысокий коренастый мужчина средних лет, седина уже

коснулась его волос, но в остальном возраст не замечался. К стражу поспешно приближался еще один мужчина, выше ростом с более вытянутой осанкой.

— Опять деньги с людей сдираешь, старый пройдоха? — раздался новый крепкий голос. — Верни! Верни немедленно, раскати Вальда крышу твоего дома!

Страж потянулся за пояс, за столь короткое время он уже успел засунуть кошелёк за пазуху, недовольным жестом он вернул деньги Алтермо.

— Просим простить за негостеприимность! — продолжал новопришедший. — Времена тугие, заработка нет, урожай не родит, да еще разбойники повсюду околачиваются, вот и приходится деньги брать, чтоб семью прокормить. Вы не сердчайте! Я Эндор — глава стражи.

— Алтермо — глава обоза, едем с Севера на Восточные торги! — заранее заготовленной репликой представился Алтермо.

— Отлично! Вы можете разместиться в таверне, здесь неподалеку, не ошибетесь, она у нас всего-то одна. — скороговоркой высказывался Эндор. — Люди поместятся, путников у нас мало, а вот с повозками будет хуже, для них мест нет... Но вы можете разместить их за деревней, перед полями! — после короткой паузы добавил начальник стражи.

— Это безопасно? — осведомился Алтермо.

— Вполне! Деревня за частоколом, со всех сторон горы, пробраться с верху нельзя, перед вами единственный въезд, а он охраняется, можете быть спокойны! — вклинился в разговор стражник-крохобор.

— Я так и сделаю, но повозки без присмотра не оставляю, там будут дежурить мои люди! — делая акцент на слово «мои» и, кидая в лицо стражнику взгляд недоверия, окончил разговор Алтермо. Он махнул рукой в сторону обоза, показывая, что те могут заезжать. Поток лошадей и повозок двинулся в ворота...

Повозки оставили за деревней, как и было предложено, выставили охрану — десять человек из гвардии Алтермо, ночью их должен был сменить новый десяток, друзья в дозор не попали ("не своих" на такие дела не принимали). Пока Алтермо шнырял по расставленным повозкам друзья уже мирно заходили в таверну.

Здание трактира резко отличалось от других подорожных постоялых домов, которые трем друзьям довелось видеть. Черные засмоленные стены, криво, но намертво, посаженные бревна, делали трактир полузаброшенным на вид, но внутри все было не так. Хорошо обустроенная зала, мало чем уступала по красоте и размерам своим другим трактирным собратям. Здесь не было привычного камина, зато на стенах висели многочисленные картины (наверное, творчество одного из хозяев, но этот мастер явно не был обделен талантом), также холл украшали маленькие светильники тонкой работы — остатки былого расцвета этой деревушки.

Друзья не засиживались в зале, наскоро поужинав, разошлись по комнатам, оставив пиво и недолгое гулянье северянам. Комнаты были отдельные, в каждой из них стояла одинокая кровать и столь же одинокая тумба. Комнаты были предусмотрены только для ночевки, только для того, чтобы путники спали не под открытым небом, а в четырех стенах. Все же лучше, чем на сырой земле!

Только Немо дополз до кровати, как моментально провалился в глубокий сон. В эту ночь к нему снова явились кошмары, они пришли уже под утро. Немо снова проснулся в холодном поту, вытер излюбленным движением взмокший лоб, прошелся по комнате (если это можно так назвать, взад, вперед, вдоль кровати, на этом комната заканчивалась), снова прилег на кровать, но глаз уже сомкнуть не смог. Делать нечего, сон не идет, может пройти по незнакомой деревне? Немо так и поступил.

Ночной мрак уже уходил, но тень от скал все же не давала солнцу проникнуть вглубь деревни. Словно в сумерках Немо побрел по дорожкам. Это поселение многим отличалось от предыдущих, не одна большая, а много маленьких дорог пронзали деревню вдоль и поперек. Кособокие дома резко отличались друг от друга, это были не молодые стройные домики вблизи Белтмора, а заметно поддавшиеся на годы домины, некоторые даже каменные. Стены домов потемнели от времени, крыши, не раз перекладывавшиеся, провисли, никакого

архитектурного замысла не наблюдалось, дома были хаотично разбросаны по округе, в мерах того, что позволили нависшие со всех сторон скалы. Старые постройки уже давно потеряли красоты внешнего вида. Новых построек здесь не было, деревня заметно опустела. И это было делом немудреным: работы нет, земля уже давно родить перестала, новый тракт идет в обход деревни. Вся молодежь и ушла на заработки, кто на Юг, кто на Восток, большинство конечно же в Белтмор и Элдибор. Это селение было старше всех остальных, повстречавшихся Немо, она многое пережила, но по-прежнему оставалась независима от рук ближайших правителей. Сейчас деревня, с простым названием Аллойрад — пустынный цветок, на местном наречии — была небольшой и мало кого интересовала. Раньше все было иначе. Удобное расположение, великолепная почва, возможность выхода к реке и надежда на платный переезд по водам Мелек привлекали многих правителей. Восточный хан посылал сюда захватнические отряды, их начисто сметали местные жители, ущелье не давало развернуться ханской коннице, а легкой восточной пехоте приходилось сталкиваться с луками и каменными глыбами с вершин. Отряды хана пали. Но сильнее конницы и пехоты оказалось время. Пока в придорожной некогда богатой и приветливой деревушке полыхали пожары и разыгрывались бои, многочисленные торговцы шли в обход, перекладывая старый Тракт новым. Войны забрали жизни молодых, вспахивать поля оказалось некому, трудились в основном женщины. Разбушевавшиеся обвалы погребли под собой самые плодородные почвы, испортили их. Сила и гордый нрав треснули. Достаток сменился бедностью, пышная и размеренная жизнь — прозябанием и проживанием.

Молодежь покидала деревню, искала новой жизни в других местах. Сейчас селение представляло собой скопище стариков. Но заседавшие разбойники не давали расслабиться и опустить меч даже седым ослабевшим мужам.

Немо вернулся в таверну, когда уже все проснулись, к северянину подбежал взволнованный кузнец.

— Где ты лазаешь? Все уже собраны, только тебя все и ждем. Совсем стыд потерял?

— Сейчас, сейчас. Надо хоть кого-нибудь обвинить во всем, сам же ничего еще собрал... — тихо, сам себе под нос, бормотал Немо.

Караван был собран... Выехать из тенистой деревни на солнечный свет оказалось весьма приятным, хотя солнце уже вконец перестало греть. Как же местные жители укрываются от морозов? Холодный камень, вечная тень от скал... Чудаки, покинули бы деревню и жили, как все. Почему порой люди, словно деревья, не хотят избавиться себя от корней и жить свободно?

Повозка кузнецов ехала впереди, рядом скакал Квал-Тарр на своей маленькой лошадке. Наступил новый день пути.

Местность не изменилась, лишь дубы с каждой минутой все ближе и ближе придвигались друг к другу, создавая по правую сторону дороги большую мрачную тень. Прямой Восточный Тракт без всяких преград по-прежнему не делал ни единого поворота. Земля под ногами лошадей подымала столпы пыли. Ехали не спеша. Разбойники нападали здесь чаще обычного. Рейды элдиборских наемников ни к чему не привели, шайки хорошо изучили горы и леса, выловить их там было почти что невозможно.

Солнце ярко светило над головой. Немо сидел на поводьях, Гефест отсиживался в глубине повозки. Неожиданно к северянину подъехал Алтермо на своем вороненом коне, вид обозника был не самым лучшим, на лице выступили морщины.

— Что-то случилось? — отводя быстрый взгляд с главы обоза, как-то само по себе вырвалось у Немо.

— Тяжко на душе как-то, — низким голосом отвечал Алтермо. — Поговорить надо... мне не хочется со своими, только их еще тревожить, ты не против?

Немо удивился словам северянина, но виду не подал, он и сам уже давно хотел разузнать, что творится на его родине, но самому с расспросами лезть не хотелось, а здесь удача сама подвернулась Немо, такой шанс упускать нельзя.

— Нет, не против. О чем ты хотел говорить? — бесстрастно, скрывая любопытство,

говорил парень из Найнлоу.

— Меня волнует судьба Андариона. Последнее время там зло разгуливает, как у себя дома! — небольшой всплеск эмоций Алтермо быстро утонул в его сознании. — Чует мое сердце: быть беде.

— Алтермо! Расскажи подробнее, мне надо знать, что за враг стоит у дверей моей Родины! — прикрикнул Немо, да так, что чуть не разбудил Гефеста, который уже давно клевал носом в глубине повозки, крик услышал Квал-Тарр, но понял, что лучше не вмешиваться.

— Ты знаешь этого врага — черные всадники! Они как раз восемь лет назад нагрянули на наши земли, первой пала деревня Мэйлоа, что на востоке границы. Потом количество погребенных в пылающих деревнях увеличилось во сто крат. Подсчитать, сколько было разорено деревень, никто даже не берется, — Алтермо так страстно рассказывал, что жилки на его шее надулись, даже чуть не лопнули, изо рта полетели брызги. — Атака этих всадников шла с Востока, они прошлись по всем приграничным деревням, сровняв их с землей! Но убивали не всех, в живых оставляли мальчиков до тринадцати лет, их забирали с собой или увозили в неизвестном направлении. Больше о этих малышах не известно ничего, ни один не спасся. Нет, тебе удалось спастись, счастливчик! — легкая улыбка озарила лицо Алтермо, больше похожая на гримасу тяжелой муки, глава отряда затих, ему надо было перевести дух.

— Что было дальше? — Немо только теперь заметил, что он говорит на родном языке, Алтермо не хотел, чтоб узнал еще кто-нибудь из спутников северянина.

— Дальше началась настоящая война, больше схожая на бойню! Черные всадники убивали всех, без разбору, за год они обогнули почти весь Андарион, зажали постоянно отступающих людей в полукруг! Оставалось или идти в ледники, и погибнуть там голодной смертью, или прорываться, и умереть от рук этих рыцарей! Решили идти на прорыв, мужчин насчиталось почти тридцать тысяч, считали всех, кто мог держать меч, и семь тысяч лошадей; противник уступал в численности, но в умении превосходил наголову. Женщин и детей мы скрыли в пещерах, их на северной границе пруд пруди, мужчины андарионцы ринулись в бой, смертельный бой, ничего кроме смерти на поле брани никто не искал!... - Алтермо замолк, опустил голову, казалось что он вот-вот упадет с лошади и умрет от горя, но он сдержался, легкая слезинка прокатилась по его лицу, немного задержалась на щеке и исчезла в ткани дорожного плаща.

— Чем все закончилось? — тихо спросил Немо, но Алтермо не спешил отвечать, прошло еще около пяти минут прежде чем глава обоза снова заговорил.

— Все погибли... — единственное, что смог вытянуть из себя он.

— Все воинство погибло? Но как? А вы... как вы могли... — Немо замялся, странный стыд прокатился у него в душе, он ничего не знал, жил себе припеваючи в доме кузнеца, а тем временем его народ потопал в крови, но Немо было всего десять лет, что смог бы сделать этот мальчишка?

— Нет, воинство осталось не тронутым. Черные всадники не дали решающего сражения, но вместо этого, пока наша конница преследовала темных рыцарей, остальные наши враги... — еще одна слеза упала на подол плаща Алтермо, но он невозмутимо продолжил — Убили всех женщин, всех девочек и мальчишек, не осталось даже тел, они бесследно исчезли... Осталось только войско, войско без домов, женщин и детей. Черные всадники куда-то испарились, будто их и не было никогда.

— Ты говорил, что война не окончена, но если враг исчез, то какая может быть война? — бессильно, упорно противостоя услышанному, но, уже нехотя, веря собеседнику, простонал Немо.

— Небольшие набеги этих всадников все же были, но ничего серьезного. Мы все готовимся к великой схватке, которая вот-вот разразится, и тогда мы сполна поквитаемся за наших детей, за наших жен и матерей! — голос Алтермо наполнился жадной мести, оптимизмом и очень выразительной злостью. — Пойдем с нами, лишние руки и

стремительный меч нам не помешают! А хорошие мастера кузнечного дела тем паче!

Взор Немо впился в дорогу, он ничего уже не слышал и не видел, кроме переступающих с места на место копыт лошадей, он не знал что ответить на последние слова Алтермо. Обозник еще что-то очень долго и упорно говорил, но слова его пролетали мимо ушей Немо. Увидев, что слушатель уже погрузился в мир мыслей, Алтермо поспешно дернул поводья и поскакал в хвост обоза.

Мысли перекрутились в голове Немо. За несколько минут он узнал все, что так долго волновало его, но волнений от этого только прибавилось. Он не может кинуть свою родину на произвол судьбы! Надо помочь своим соотечественникам в их борьбе! Но как об этом сказать Гефесту, и сможет ли молодой восемнадцатилетний Немо сыграть хоть какую-то роль в этой войне? Что делать? Что делать?...

В страшных думах Немо не заметил, как солнечный свет сменил тусклый закат, как вышла луна. Для молодого воина все в мире замерло, потеряло смысл. Кроме грядущей войны для него больше ничего не существовало.

Немо из оцепенения вывел сильный толчок кузнеца.

— Ты что оглох? Прямо на ухо ему кричу "Привал! Тормози!", а ему хоть бы хны! Что уснул прямо на поводьях?! - голосил Гефест.

Деревни тем временем совсем пропали, и ночевать пришлось под открытым небом, разбили лагерь (припасливые северяне никогда в долгую дорогу не забывали взять с собой свои любимые шатры-палатки). Лагерь северян напоминал Немо об Андарионе. Чувства его были очень выразительны, тоска по Родине только сейчас давала о себе знать. Немо уже не раз думал оторваться от отчего дома кузнеца и пуститься в странствия с родным народом, помочь ему в войне, но пока эти мысли держал при себе. Сковывала дорога и любовь к кузнецу, он не мог так просто сказать: "отец, меня зовет родина, что-то твориться там, без меня не справиться!". Еще больше тянула назад месть, кошмары Немо прекратились, но желание мстить никуда не ушло, он помнил резню у Найнлоу, помнил человека, который убил его родню, помнил отпечаток, оставленный им, на лице убийцы. Немо сможет обрести покой только убив своего врага. Тогда в свои десять лет едва бы он мог противостоять ему, но прошедшие годы изменили северянина, сделали его крепким и выносливым, неприхотливым и смелым, а во владении оружием с ним не могли сравниться даже северные кочевники, которые держали меч с самого рождения.

Как сказать отцу о своих планах?...

Прошла ночь, настало утро. По дороге заколесили повозки, день выдался нелегким, дул холодный ветер, пыль летела прямо в глаза, в рот, скрипела на зубах дорожное крошево. Приходилось обматывать лицо всякими тряпками, оставляя только щель для глаз. Ветер не утихал до вечера, ночью стало легче, от промозглого ветра стали защищать палатки северян, да и сам он заметно поутих. Немо был молчалив как никогда, он не мог выкинуть слова Алтермо из головы, весь день. Весь день он провалился в повозке, не покидая даже на обед. Мысли грызли разум, не давали даже капли отдыха, все, что раньше было дорого Немо, теперь катилось под откос. В долгих размышлениях и страшных муках, он все же решил двинуться на север, помогать своим соплеменникам защищать Андарион. Сказать об этом Гефесту он не спешил, но и откладывать разговор не собирался.

Ночь нависла над палаточным городком северян. Алтермо расставил часовых, опасаясь атаки. Немо не спал, но в дозор его не ставили, впрочем, как и Гефеста с Квал-Тарром. Андарионец оставался наедине с мыслями, он представлял себе разговор с отцом, подбирая слова, настраивался на ответную реакцию.

Не заметно для самого себя он уснул, сегодняшняя ночь для Немо была полна кошмаров, его взору предстали пепелища деревень, умирающие в ожогах и ранах люди, видел, как длинной шеренгой ведут мальчишек. Страх овладел Немо, среди пленных он увидел себя, окованного в цепи, еле передвигавшего ноги. Его вели через колючие заросли, в босые ноги намертво врезались острые колючки, на спине виднелись свежие рваные раны от толстых плетей, идти было невыносимо трудно, но он шел, все шли! Непрерывным потоком

бредли вперед, волоча ногами, маленькие ослабленные детишки. Их вел не разум, не сознание, а только теплящее желание выжить, не дать себе умереть. Многие мальчишки падали, не выдерживая нагрузки, их хватали темные рыцари, уводили куда-то в неизвестность. И вдруг Немо оказался среди упавших, он попытался быстро вскочить на ноги, но только еще раз свалился без сил. Его подхватила чья-то очень сильная рука, Немо открыл, на мгновение сомкнутые глаза и... О боги! Тот самый черный рыцарь, который убил его семью, предстал перед взором. Лицо воина постарело, настолько на сколько могут состарить восемь лет, от глаза почти через всю щеку показывал свою белую полосу старый шрам. Столкнувшись в упор со взором этого всадника мальчик закрыл глаза, сильно напрягся, но тело не слушалось, оно обмякло, руки не шевелились, работало только сознание, пока работало, и сквозь стоны тысячи мальчишек он слышал властный голос Черного Всадника.

— Твое посмертное время еще придет, Великий Повелитель!

Немо очнулся. Этот кошмар был совсем не похож на постоянный страшный сон северянина — разрушения его деревни. Немо уже давно привык и смирился со своими кошмарами, но этот вновь заставил сердце колотиться с бешеной скоростью, снова страх вбивался в душу северянина.

— А я еще на однообразность снов жаловался, вот тебе и новики... — переводя дух, шепнул северянин темноте шатра...

Лагерь оживлялся. Солнце уже показывало свои лучи, ветер утих совсем, ни единый листочек на придорожных деревьях не шелохнулся. Настал новый день — день дорожной пыли и обозных криков. Все это уже порядком поднадоело, но сейчас, когда предстоял самый сложный участок пути, отрываться от защиты северян было безумие.

Лагерь быстро свернули, позавтракали и снова в путь...

Взорам путников открывались все те же холмы, все тот же Мелек-Харев, чьи берега все дальше и дальше теперь уходили за горизонт, постепенно пропадая в скалах, скрывая свои извилистые воды за Файнренскими хребтами. Дорога была чиста, чиста для людских глаз, она без всяких поворотов врезалась в скалы, делила их пополам. Впереди, за несколько лиг, показывало свои горные пики Холмское Ущелье.

Обоз остановился... Этот участок пути был наиболее опасен, разбойники в этих местах встречались куда чаще обычного. Ущелье было далеко не отвесным, чтобы не пустить срывающихся с его вершины вооруженные отряды врагов, скрыться от стрел некуда, от мечей тем паче, если случится атака — придется отбиваться. Все без исключения стали одевать кольчуги и брони, даже купцы припаслись на этот случай всем необходимым, прихватив с собой и неуклюжие арбалеты. Гефест кряхтя напялил на себя увесистые доспехи, застегивал последние ремни и Квал-Тарр, захлопнуты последние забрала, поправлены последние мечи на поясах, проверены заряды в арбалетах, некоторые конные взяли луки и уже наложили в них стрелы, все готово!

Ведущей силой обоза осталась повозка Гефеста и Немо (они весь путь от Элдибора вились впереди, никто не рискнул их поставить в хвост, или хотя бы в середину, новым попутчикам, как и надлежит у северян, не сильно доверяли и ставили на самые трудные участки сражения, если такие представлялись), рядом трусилась навьюченная, да еще и оседланная, низкорослая лошадка варвара. Где он такую откапал? Пони, а не лошадь!

Обоз снова двинулся вперед, по бокам расставив защиту. Все возглавлял Алтермо, десятников не было — не война!

Холмское Ущелье приближалось, два полета стрелы... один. Обоз въехал в страшное место... вот теперь берегись! На удивление все тихо... в начале не атаквали... вот уже полпути позади. Где разбойники?! Неужели отпустят этот лакомый кусочек?! Как бы не так!

Атака! Атака разразилась сзади, какой дурак может планировать штурм обоза с хвоста? Но не так все было и просто! Сплошной стеной впереди выстроились ошестинившиеся копьями панцирники! Панцирники?! Откуда у разбойников такое войско?!

Со всех сторон посыпались стрелы. Неловкие, необученные стрелки тратили

боеприпасы впустую. Редко можно было увидеть, как падает северный воин, но непрерывный поток стрел не уменьшался. Дело плохо! С повозок обоза повыскакивали пехотинцы, на это с вершин ущелья ринулось целое войско (так в первые минуты прорыва показалось Немо), не меньше сотни-полторы мечников. Атаку координировал умелый воин, обоз был зажат в тиски! Прорыв! Единственная надежда на прорыв! Защелкали арбалеты, с ущелья посыпались тела разбойников, но что сможет удержать натиск панцирников? От них болты отскакивали, как завороченные! Составленные впритык щиты не оставляли место для легких стрел, Гефест устал перезаряжать арбалеты! По бокам попадали несколько северян, у них прямо в отверстия забрал показывали свои «ножки» метательные ножи. Что за совпадение с черноплащниками в трактире "Ясные дни"?

Оставалась единственная верная дорога — дорога назад. Но и Алтермо не остался без участия. Он своей легкой кавалерией двинулся вперед, оставляя плохо защищенный тыл на произвол судьбы. Искушенный в таких боях, глава обоза начисто развалил сомкнутые щиты панцирников, (как удалось легкой кавалерии противостоять такой пехоте уму непостижимо) лошади не переходя на рысь, галопом сбивали неуклюжих разбойников, арканами вытаскивали воинов из строя. Дело завершали шедшие позади конницы пехотницы, перерезая кривыми восточными ятаганами горла лежащих и беспомощных панцирников. Тем временем сзади и с боков нагрянули мечники врага, разбивая в пух и прах задние ряды обоза, атакующие ринулись вперед.

— Пехоту на тыл! — беспомощно и в то же время укоризненно, крикнул Немо, разряжая арбалет в упор к подоспевшему разбойнику.

Алтермо последовал совету. Защищая тыл, Алтермо усакал со своей конницей назад, в то же время обоз не переставал быстрым темпом продвигаться вперед.

Немо только слышал отдельные крики и стоны сзади от него, атака впереди сошла на нет. Квал-Тарр на своей маленькой лошадке рубал на право и налево, он отправил в мир духов не меньше десятка поспевающих с вершин мечников, Гефест отложил арбалет и тоже ринулся в бой, — пехотинцем, — сбивая с ног и расчлняя головы пополам легкой пехоте разбойников. Немо же, не отпуская поводья, разряжал и разряжал арбалеты (Алтермо назначил к нему какого-то парня лет пятнадцати, который без усталости перезаряжал оружие). Атака набирала темп. Как ястребы с вершин грянули все новые и новее разбойники, пехоту обоза пришлось разделить пополам, одна прикрывала тыл, другая пробивала дорогу вперед, конница держала прибывавших со всех сторон разбойников. Время играло на врагов. Защитники обоза теряли надежду. Панцирники были смяты под чистую, но разбойники выводили все новые и новые силы.

— Прорыв! — скомандовал Алтермо.

Голова обоза в составе Немо, Гефеста и Квал-Тарра выехала из ущелья, сзади оставалась еще добрая дюжина телег, с попеременным успехом удавалось отбиться, но было ясно: всех не удержать. Алтермо колкими ударами снимал жатву вражеских бойцов и стремглав отступал, перегруппировывался и наступал снова, с каждой новой атакой отбивая новую телегу. Врагов было слишком много, вскоре и вражеские отряды сумели достойно сгруппироваться и ровным строем отбивали уколы северян, верно и метко сшибая стрелами и дротиками андрионцев. Надо было выбираться теми силами, которые остались. Попавших в тиски, пришлось оставлять на верную гибель, но выбирать не приходилось.

Уже потом Алтермо долго корил себя за столь подлый для северянина поступок...

Прорыв удался. С хвоста обоза еще доносились звуки боя, но они быстро затихали. Преследователи еще долго не покидали надежду овладеть вырвавшейся добычей, долго мчались следом в жажде поквитаться за убитых и долго еще сзади слышались посмертные крики.

Но обоз уже выехал из ущелья. Широкая дорога и умелые всадники-защитники обезопасили повозки. Потери были немалые, но удача сопутствовала северянам...

Сегодня победа за ними, тяжелая, стоящая многих жизней, но победа...

Глава V. Неожданная встреча

24 октября, 1484, Люг Харас, Восточное Ханство

Трое друзей сидели в зале уютной восточной таверны...

Путь после злосчастной засады в устье Холмских гор выдался непростым. На шее обоза осталось много раненных. Чтобы не дать им умереть, приходилось спешить. За Холмским Ущельем деревень не было почти до самого Перепутья. Помощи ждать было не откуда, да и не от кого. Днем остановок не делали, ночевки сократились до трех-четырех часов. Теперь на посты выставляли и тройку попутчиков, также поочередно каждому приходилось следить за ранеными. В Холмской схватке poleglo пятнадцать обозников — четверо купцов и одиннадцать воинов. Почти каждый выживший был ранен, кто пострадал от стрел, кого настиг меч. Немо и его спутникам повезло больше других, ни один из них не получил и плевой царапины.

Целую неделю быстрым маршем обоз двигался по Восточному Тракту, и только под вечер седьмого дня он настиг спасительного Перепутья. Здесь разместился небольшой город, Халгей (на восточном наречии это и означает "Перепутье"). В городе раненные получили необходимую помощь, другие — не менее необходимый отдых.

Перепутье разбивало Восточный Тракт на множество мелких дорог и еще два тракта поменьше. Один из этих трактов вел в Кураст — столицу Восточного Ханства, туда должны были ехать северяне; другой тракт — Зеленный — цветастым серпантинном вился к Травансалу, туда направились Немо, Гефест и Квал-Тарр.

В Перепутье кузнец долго рассиживаться не разрешил.

— Понимаю: устали! Но лучше перестраховаться, мало ли что на дороге бывает, а отдохнуть мы всегда успеем, например в Травансале! — Гефест был бодр, будто и не было бессонных ночей, изнурительной дороги — Пиво там негодное, но, а в остальном, город неплох.

Варвар и Немо согласились. Никто особо и не хотел рассиживаться, сложа руки. Темп быстрой скачки стал уже привычным. Проведя ночь в мягких постелях все почувствовали облегчение, усталость как рукой сняло.

Утром собирались в путь.

Алтермо уже и не хотелось расставаться со своими попутчиками, успел он к ним привязаться. Да делать нечего.

— Мы не на всю жизнь прощаемся! — утешал кузнец — Вспомни, мы же с вами еще назад ехать будем, договор ведь еще в силе?! - заранее зная, что глава обоза ответит «да», ехидно спрашивал Гефест.

Все поклажи собраны, кони и их хозяева сыты. Пришло время расставания с обозом. Прощание было коротким. Провожать пришел один Алтермо. Он отдельно поблагодарил каждого за помощь в бою и после него, пожелал всем удачи, развернулся спиной к друзьям и быстро ушел, сильно хлопнув трактирной дверью. Северяне никогда не любили долгих прощаний.

Путь продолжался. Новые места, по которым заколеса повозка, были хорошо обжиты, на каждом шагу стояли постоянные дворы, раскидывались деревни.

Друзья ехали по Зеленому Тракту. Он не зря так назывался, на обочине, и везде красовались прекрасные цветы, не только зеленые, но и светло-желтые и едко оранжевые, голубые и синие, красные, бардовые и нежно-алые — глаз не мог налюбоваться на все разнообразие собравшихся воедино цветов, ярких и тусклых красок. В чистое поле цветов вбивались зеленые кустарники с какими-то черными несъедобными плодами, красовались стройные дубы. Весна и лето здесь уходили очень медленно, словно жизнь остановилась в этих созданных природой картинах. Не переставая, чирикали птички, звонким пением обволакивая усталых путников, заставляя их сердца невольно радоваться.

Путь по Зеленому Тракту была совсем не утомительной, даже наоборот. Всего за несколько дней друзья приехали в Люг Харас, от него до Травансаля оставался один день

пути.

Немо и его спутники сидели в одном из Люг Хараских трактиров, они остановились в нем на ночлег. Восточные яства, предложенные друзьям, были не очень сытные, но вкушать их было одно удовольствие. Одно блюдо за другим ставились на стол ненасытным путникам, мальчик слуга уже устал бегать от их столика в кухню и обратно. Насытившись, друзья растянулись на стульях, их руки потянулись к свежее сваренному пиву, Гефест растянул трубку.

— Пиво дрянь! — заметил кузнец. — Словно из верблюжьих потрохов варганят, пойло...

— Не удивлюсь! — ухмыльнулся варвар, они с кузнецом за время их недолгого пути успели довольно крепко подружиться, от первичной вражды не осталось и следа.

— Что ж друзья, завтра последний переход, и древняя столица перед нашими глазами. Квал-Тарр, ты бывал там раньше? — вклинился в беседу северянин.

— Не доводилось... а вы там, наверное, частые гости?

— Да нет, я впервые, отец, конечно, там появляется каждые четыре года, и немало преуспел в турнире! Каждый раз призовое место — а то и не одно — за собой оставляет! — поддаваясь пивному хмелю, косо криво говорил северянин.

Немо смотрел на одного странного человека, который сидел в дальнем углу залы, не мог оторвать от него взгляда. Этот посетитель казался ему весьма интересным экземпляром. Одетый в белоснежные одеяния, на голову ниспадал капюшон, скрывая лицо. Незнакомец сидел потупив взор, словно оценивал поставленное перед ним блюдо, все неявно теребил в руках какие-то странные кругляшки на веревочке.

Варвар небрежно толкнул северянина, приводя в чувства.

— А в "непроходимую стену" не лез? — спросил Квал-Тарр Гефеста.

Немо понадобилось несколько секунд, чтобы вернуть свою память в русло разговора.

— Я не самоубийца! И смерти себе не ищу, а славы мне и без того хватает. — немного обиженно фыркнул Гефест, кузнецу было неприятно, когда ему говорили, что он трусит идти в "непроходимую стену", на это он отвечал, что здравый ум и рассудительность важнее.

— А ты, Немо, почему решил попытать судьбу в этом состязании? — не умолкал варвар. — Неужели из-за восточной красотки? Такому парню, как ты, от девушек, наверное, и отбою нет. Зачем оно тебе надо, в «стену» прыгать, а, сорвиголова?! - Квал-Тарр не на шутку разошелся.

— Я... я и не знаю почему решил. Решил и все тут. А красотка мне твоя и даром не нужна, меня другая девушка дома... ждет. — у Немо защемило в груди, как только он припомнил прекрасную Анадель. Он вспомнил ее сверкающие ярким светом глаза, гладкую смуглую кожу, переливающуюся на солнечном свете, темные густые локоны ее волос, развивающиеся перед ликом ветра в завораживающем танце, грациозное тело, не менее грациозную походку, ласковое прикосновение ее рук, проникающий до глубины души нежный голос, разрывающее сердце на куски, прикосновение губ... потом снова длинные тонкие пальцы ласкают грудь Немо. Он все бы отдал, чтобы снова очутиться в Нимфее, прилечь на грудь возлюбленной, забыть обо всем, лишь бы быть с ней, хотя бы еще миг, всего один миг рядом с ней, и не надо ни каких побед, никаких турниров, не надо даже вставать на защиту родины. При одном только воспоминании о манящей красоте Анадель Немо готов был простится со всем, а с чем проститься?!

— Немо очнись! Очнись, разрази меня молот, что с тобой, малыш! — сильная рука кузнеца теребила северянина, Немо будто бы уснул, погряз в своих мыслях, попал в другой мир, неведомый никому. — Ну, ты меня и напугал! — легко вздохнул Гефест, видя, что Немо приходит в себя.

— В каких облаках ты витаешь? Глаза открыты, дышишь ровно, даже трубку не забываешь в рот положить, а взор стеклянный, смотрит так, что аж в жар бросает! — держась за сердце говорил варвар, делая мнимое беспокойство на лице; в Келебреттских Горах, уходить в мир мыслей считалось обыденное дело, некоторые варварские старейшины, если

выкинут из головы все «ненужные» мысли, могли даже наблюдать за тем, что происходит в других странах, поэтому трансу Немо Квал-Тарр не придавал никакого значения, в отличие от кузнеца.

— Ты действительно напугал меня! — волновался кузнец.

— Да все в порядке отец! Я... просто... Анадель вспомнил! — побагровел Немо.

— А-а! Мальчик влюбился! Тогда понятно! Гефест, не волнуйся! Что сам никогда не скучал? — еле удерживаясь, чтоб не рассмеяться говорил Квал-Тарр.

— Да будет вам! — начинал вспыхивать Немо. — Влюбился, не влюбился... тебе, Квал-Тарр, вообще какое дело?!

— Все-все! Прости, ну, погорячился, с кем не бывает! — вид варвара стал серьезнее, чем у знатных королей.

— И я был неправ, немного. — отозвался Немо.

— Ну-у, вот и... все... — голос Гефеста растворился в непонятном для всех недоумении, его глаза стали шире золотой монеты, взор его приковался к какому-то воину в черном плаще. — Артрест! Артрест, сынок! — резко вскрикнул он.

Кузнец сорвался с места и готов был уже лететь в объятия сына, но сильная рука Квал-Тарра остановила его, пережала кисть и рывком откинула назад. Гефест неуклюже плюхнулся на прежнее место. Ни Немо, ни Квал-Тарр не видели кровного сына кузнеца, они сидели спиной и к выходу, и к Артресту, но это не мешало им отчетливо слышать приближающиеся шаги, но не одного, а нескольких человек. Для Немо в этот момент все замерло, затихло. Он ничего не слышал, кроме тихих шагов Артреста, которые слышались все отчетливее и отчетливее. Затем шаги прекратились, ноги Артреста остановились метров в шести. Гефест уставился в глаза сына, не произнося ни слова. Он ничего не понимал, не понимал странное действие варвара, не понимал сына, Гефест просто смотрел недоумевающим взглядом в непроницаемые глаза отпрыска.

Немо тоже не мог пошевелиться, какое-то странное чувство вмиг овладело им, непонятное, доселе никогда не испытываемое, что все это может быть? Все оцепенели, казалось, только варвар остался безмятежным, как прежде. И тут Немо превозмог себя, собрав все свои внутренние силы, он все же смог повернуть голову и бросить свой пристальный взгляд в глаза своего некровного брата. Немо ужаснулся... глаза Артреста были наполнены яростью и злобой, их цвет поменялся в темно-зеленый, белки налились кровью, это были нечеловеческие глаза, больше походившие на глаза тигра, нет волка! Взгляд Артреста не выпускал из своих цепей кузнеца, казалось еще чуть-чуть и человек с глазами волка бросится на свою добычу неистовым прыжком, разорвет ее в клочья, еще мгновение и...

Невозмутимым голосом, но все же сквозь сомкнутые зубы, процедил Квал-Тарр.

— Тебе здесь не место. Уходи. — не поворачивая головы, говорил варвар.

— Удостою меня чести решать самому, где мне место, а где нет. — рычащим голосом, еще более нечеловеческим, нежели глаза, ответил Артрест.

— Сын... — завопил Гефест.

— Где ты здесь увидел сына, подлая крыса! Было бы другое место и время, я размогзил бы твою голову о наковальню! — злобно выкатывал слова за словами Артрест.

— Рискни! — подхватил Квал-Тарр.

Неизвестно откуда он выхватил меч, не свой двуручный, другой, темного цвета, немного загнутого на конце, клинок исполосовали руническое письмо, резной эфес с ветвистой круговой гардой завораживал взгляд. Быстрым движением варвар развернулся лицом к лицу с Артрестом. Взмах. Рука зависла в воздухе без движения, ее сдерживала не менее сильная, чем у Квал-Тарра, рука Гефеста.

— Не надо, он мой сын! — только и успел выговорить кузнец, но было уже поздно.

Один из людей, с которым пришел в трактир Артрест, выхватил метательный нож. Легким и в тоже время быстрым и ловким рывком варвар отпрыгнул в сторону, прихватив с собой и ничего не понимающего кузнеца. На одно мгновение Квал-Тарр опередил летящий

нож, он просвистел над ухом и легким эхом врубился в деревянную стену. Насилу освободившись от Гефеста Квал-Тарр сделал выпад, направленный точно в шею новоиспеченного врага. Черноплащик (которых уже доводилось встречать Немо и в Белтморе и в Элдиборе, и скорее всего даже в Холмском Ущелье, сказать насчет последнего наверняка он не мог) тяжелой тушей повалился наземь, из шеи обильно текла темно-бордовая кровь.

Немо выхватил меч, с которым не расставался даже во сне. Отбив ловким движением еще один метательный нож, он уложил следующего приспешника Артреста. Кровный сын кузнеца не стал прятаться за спинами «своих», он диким зверем ринулся в бой, в один миг он сошелся с варваром в невероятную схватку, ни один, ни другой не уступали друг другу в мастерстве, их мечи оказывались, в том месте и в то время, где им надо было быть, ни секундой раньше, ни секундой позже.

Немо один ринулся на семерых черноплащиков, отбивая, парируя и ловко увиливая от их ударов, он сражал одного черноплащика за другим, они не представляли для Немо особой опасности, но сзади подоспело еще не меньше дюжины таких же ребят. Если не освободиться Квал-Тарр или не одумается кузнец, Немо придется туго. Еще один нож просвистел над, вовремя опущенной, головой северянина.

Одурманенный Гефест стоял неподвижно, он не знал на чью сторону становиться, защищать Артреста или... кого?

Так могло продолжаться бесконечно, если бы в дело не вмешался человек, одиноко сидевший в конце залы за небольшим столиком. Немо уже давненько заметили его, еще до прихода Артреста и его прихвостней. Незнакомца окутывал ярко-белый плащ, лицо закрывал капюшон такого же белоснежного цвета. Он встал и занес правую руку высоко над головой, его одежда загорелась светло-голубым мерцающим светом, озаряя весь трактир, поглощая ярким светом самые темные уголки залы. Вмиг бой замер. Застыли фигуры Квал-Тарра и Алтермо, намертво скрестившие мечи, застыл в боевой позе Немо, на лбу его замерли мелкие кристаллики испарены, только Гефест остался стоять, как и стоял, ослепленный другим светом, светом отцовского разочарования. Все замерло в томительном ожидании, что будет дальше?

Тем временем силуэт «белого» человека все больше и больше наполнялся лучистым светом, ослепляя глаза всем и вся. Даже трактирные постояльцы, которые как только начался бой либо убежали, либо сбились в кучку в дальнем конце зала, и те остолбенели от увиденного и стали закрывать глаза всем, чем можно.

Вмиг все стихло. Человек опустил руку, и ослепляющий свет исчез. В трактир забежали несколько дюжин городских стражей.

— Все спокойно. — тихо и мелодично стал говорить *волшебник?*, не дав сказать стражникам ни слова — Легкая драка, ничего серьезного, не так ли? — ни у кого, и в тоже время у всех, спрашивал он.

— Поверим Почтенному на слово, — будто замороженный говорил начальник стражи — А тех, кто хочет помахать мечами, милости прошу в Травансаль. Только придется немного подождать, до турнира шесть дней!

Стража ушла, как ни в чем не бывало. За ними неровным строем стали уходить и черноплащики, забирая с собой тела убитых и раненных, покидал трактир и Артрест, Немо последний раз взглянул в глаза названного брата, это были обычные человеческие глаза, очень недобрый, злые, полные ненависти, но человеческие. Куда пропал звериный взгляд? Неужто, почудилось?

— Это не конец, любимый отче! — вдогонку гаркнул Артрест — И с тобой мы еще увидимся Квал-Тарр, сын Квал-Драра! В следующий раз и тебе, Немо, сын мертвых родителей, не избежать моего меча! Будьте здоровы, до скорой встречи на турнире! — Артрест ушел, сильно хлопнув за собой дверь.

Трое друзей застыли в оцепенении, не то от недавнего боя, не то от неизвестного света. А кстати, где тот человек? Пропал! Исчез без следа! Кто он! И, что вообще твориться с

Артрестом? Откуда он знает варвара? Ответов на эти вопросы, за исключением последнего, не мог дать никто. Варвар, предшествуя всем вопросам-расспросам, сам заговорил первым:

— Этот человек приходил к нам в клан, хотел выманить старинный артефакт, издавна принадлежавший нашему роду и переходивший от отца к сыну. Но мы не отдали этот реликт, тогда Артрест или, как он тогда назвался, Нихлакт, решил взять его силой. Но и это ему не удалось. Мы перебили его отряд, а его самого оставили в живых и выгнали из Келебретта. — Квал-Тарр перевел дух — А где этот наш таинственный спаситель?

— Кто?... - простонал, приходя в чувства, кузнец.

— Ладно, идем спать, утро вечера мудренее! — невозмутимо отрезал варвар и первым зашагал впереди в одинокую комнату, в которой расположились трое друзей.

Немо одним движением вытер пот и вяло поплелся следом за Квал-Тарром. Гефест по-прежнему стоял, только, когда силуэты друзей скрыла темнота коридора, он пришел в себя, еще секунду помедлил и поспешил за ними.

В голове Немо одиноко блуждали какие-то мысли, накатывались странные ощущения, перед внутренним взором вспыхивали видения, северянин машинально дополз до кровати и погрузился в забытие, нечеткая грань между сном и явью порвалась, Немо провалился в глубокий сон. Квал-Тарр, как только добрался до постели, уснул без задних ног, один Гефест провел эту ночь без сна, в страшной тревоге.

Что означало поведение сына? Что с ним случилось? Как его вытащить из бездны, в которую он ежесекундно проваливается? О, боги! Спасите его душу! Верните мне сына! Верните мне мое чадо, мою плоть и кровь!

Все внутри Гефеста обуреало страшной злобой, злобой на самого себя, на чужие пророчества и злую Судьбу. Тихая ночь съедала мысли, меняла их сущность, придавала им бледно-смертельный окрас. Множество лет тяжелого воспитания, трагическая смерть любимой жены, которая подарила миру жизнь, жизнь сына. Доброго и рассудительного сына, милого Артреста, который сейчас превращался в монстра под силой чьей-то гнетущей руки. Чьей руки? Кто ведет сына в пропасть? Как ему помочь? Как?!

Яркие лучи солнца беспощадно пробивали в ночной темноте тонкие дырочки света, огненный диск показался за горизонтом, ночные тревоги исчезали, наступал новый день...

Трое друзей встали с рассветом (точнее двое, Гефесту так и не удалось сомкнуть глаз). Сразу зашевелился в приготовлениях Квал-Тарр, его примеру последовал Немо. Гефест вышел из комнаты и спустился в кухню. Предстоял последний день пути, но перед этим надо было наполнить свои желудки до отвала, иссушить пару кружек пива, чтобы обсудить, "что делать дальше", "что значила вчерашняя заварушка" и все-все, что имело отношение к их пути. Жаль до пива дело так и не дошло...

— Что за артефакт, о котором ты вчера говорил, и почему он так заинтересовал Артреста? — неожиданно разрушил тишину комнаты голос Немо.

— Из всех вопросов ты почему-то выбрал тот, на который я не могу тебе ответить. — с сожалением пожимая плечами, отвечал варвар.

— Ну, все же... зачем он Артресту? — настаивал на ответах северянин.

— А мне почем знать? Сила в нем немалая, говорят. А по мне меч да и ме... — Квал-Тарр закрыл рот ладонью. Проболтался, глупый дурак! Немо не на шутку расхохотался, завидев эту картину, и поняв в чем дело.

— Ну, и болван же ты! — со смеху Немо хватался за живот. — Великую Тайну своего народа вмиг профукал!

— Да ладно! — недовольно фыркнул варвар — Ну раз так вышло, слушай, — Немо сменил смех на маску неприкосновенной и непробиваемой серьезности, Гефест всегда поражался этой способности приемного сына. — Ты, наверное, слышал о Последней Войне?

— Только по настоятельству своего учителя, а он про это говорил мало, — отозвался северянин.

— Про Слава Ондала, Огонь Тезбака, Адамант Гаэмоса и Учение Дангуна ты, надеюсь, слышал? — тихим шепотом осведомился Квал-Тарр, попутно выглядывая за дверь и

проверяя нет ли там лишних ушей.

— Обо всем, кроме Адаманта, — снижая тон вровень шепоту варвара, отвечал Немо.

— Ну, он то нам не нужен! Речь идет об Огне Тазбака, об Огненном Мече! Все четыре артефакта были разделены между учениками Великого Харада, один попал на север — Учение Дангуна, затем он перекочевал к ордену светлых рыцарей, Слава Ондала испокон веков лежит в хранилище Восточных Ханов, Адамант остался ждать нового Повелителя на Юге, а Меч... у него долгая история, готов прослушать ее?

— Ну, давай, давай, не томи! — не терпелось Немо, он жадно вслушивался в каждое слово, как послушный ученик своего учителя.

— Меч Огня был отдан в руки Квала, сильнейшего из рода варваров, но тайна, кому принадлежит меч была раскрыта Воинами-волками!

— Воинами-волками? — перебил Немо.

— Именно ими, о них позже! Была страшная битва. Меч был захвачен чужаками, но он не долго оставался в их руках. Подготовив засаду, варвары путем смерти своего предводителя Квала выбили Меч от нечестивых рук. Но и у них он долго не пробыл. В эту войну вмешались северные кочевники.

— Северяне — провопил Немо, но этого не услышал никто, он говорил в душе, не вынося эти слова на всеобщий слух. Тем временем Квал-Тарр продолжал. Что за странное сходство его первого имени с Великим Квалом, которому был отдан реликт?

— Северяне захватили Меч, перебив всех, кто видел или держал его. Они хотели похоронить тайну меча в груди тел, но им это не удалось! Мой давний предок, сын Великого Квала, не забыл давних преданий и, точно разузнав место хранения меча, ударил всем своим войском в то самое сердце вражеских сил — Замок Белого Серка. Как оказалось, Квал-Тогет был прав, Меч схоронили именно в Замке. Долго длилось сражение, но северяне его проиграли, последние их воины скрылись в потайных тоннелях, спасая себе жизнь, но прихватить из сокровищницы Великий Дар они не успели. Так он снова попал в руки моего народа и больше горцы не расставались с ним. Андарионцы больше не дерзали воевать за Меч, люди-волки же по-прежнему терроризируют наши поселки и деревни. Но этих тварей с Последней войны заметно поубавилось, кровожадные дети Хазгила!

— Откуда появились эти люди-звери? Кто такой Хазгил? Кто? Слышишь? — возбужденно выкрикивал одно слово за другим, не в силах сложить их вместе, Немо.

— Это долгий рассказ, но я вижу, ты хороший слушатель, внимаешь, как последние глотки воздуха в морской пучине! — немного радостно, немного укоризненно, еще меньше от недоверия, голос Квал-Тарра стал настолько силен, что в ушах Немо зазвенело от натуги, слышать этот голос было невыносимо, нет, он не был ужасен, просто... просто такой, каким должен быть голос самого Единого!

Разговор Немо и Квал-Тарра прервал чей-то топот в коридоре. Шаги приближались, чья-то рука дернула дверь, засов крепко закрывавший дверь, натужно заскрипел, но не поддался. Друзья с легкой тревогой смотрели на двери в томительном ожидании.

— Открывайте! Сколько можно ломиться в закрытую дверь?! - нервно взмыл голос Гефеста, ах да, северянин и варвар совсем позабыли о нем.

— Сейчас, сейчас! — одним здоровенным шагом подпрыгивая к двери, завопил Квал-Тарр.

— Совсем обезумели, дикие звери! Зачем дверь на засов ставить, я же на две минуты вышел, а вы... Та! — взмахнул рукой кузнец, проворный варвар уже закрывал за ним дверь, как же ловок этот парень, несмотря на всю свою мнимую неуклюжесть!

По Зеленому Тракту снова заколесила повозка. По правую руку от нее трусилась навьюченная коротконогая лошадка варвара. Квал-Тарр плелся рядом с ней, он не стал нагружать и без того полную поклаж спину своей лошади еще и собственным весом. Пускай отдохнет хоть один день пути! Все равно спешить уже некуда.

Задолго до самого города, показали свои непреступные башни-бойницы высокие крепостные стены Травансаля. Дорога не изменилась, разве что стала еще более красивой и

цветущей, ехать по ней было одно удовольствие! Но мутный облик кузнеца никому не давал покоя. Первым осмелился разрушить тишину варвар, перекидывая поводья в другую руку, он подошел почти в плотную к повозке Гефеста.

— О чем беспокоишься, любезный! — выказывая все почтение, на которое был способен, Квал-Тарра.

— Ясно о чем! — Гефест кинул презрительный взгляд на варвара.

— Ты чего?! - хлопнул по плечу кузнеца Немо.

— Да отстаньте вы! Вчера чуть моего сына не прирезали, а сегодня, как ни в чем не бывало! — разъярился Гефест.

— Это уже не твой сын, — парировал варвар — темная Сила окутала его, изменила, заставила подчиниться, поработила его душу и сердце, твоего сына больше нет! Вряд ли тебе доведется еще хоть раз встретить своего настоящего сына, если на то не будет воли Крома!

— Какая еще темная Сила! Ты что, спятил?! - огрызнулся кузнец.

— Нет, я не спятил, я уже давно знаюсь с этой Силой, и никто или почти никто не может с ней совладать! По крайней мере сам Великий Харад не смог! — варвар сделал насупленный вид — Я издали почувствовал приближение этой Силы, еще до того, как Нихлакт-Артрест, зашел в таверну, еще до того, как ты радостно замаячил при виде сына! Нет, я повторюсь: твоего сына больше не вернуть!

— Не сходи с ума, дерзкий! — кузнец был не похож на самого себя, глаза горели, не хуже, чем у Артреста прошлой ночью, но в них не было того, — звериного — что было во взгляде его сына. — Ты забываешься!

— Он прав, я тоже это почувствовал при появлении Артреста что-то запредельное, нечеловеческое, не могу объяснить что! — тихо осведомился Немо.

— И ты туда же! — рявкнул кузнец и стих. — твоими заслугами я лишился сына, твоими! Ты всегда его ненавидел, всегда! А я закрывал на все глаза, пытался не замечать... теперь ты видишь к чему это привело?!

— Разуй глаза! Ты сам все прекрасно понимаешь, не надо упорствовать самому себе! — взъярился Квал-Тарр. — Ты сам видел его взгляд, ты ощутил его лучше всех, ведь он прибирался в самые глубинки твое рассудка, но ты не поддался тогда, не поддавайся и теперь! В этом нет виновных, нет! Кроме одного — самого Нихлакта!

— Я все знаю! Знаю лучше вашего! — неистового прокричал Гефест, после тихо добавил — Но сам не хочу в это верить, не хочу и не могу...

Гефест понурил взор, все в мире будто умерло для него в один миг, не радовало ничего, ни красочные цвета вокруг, ни опека друзей, все это было ничто, по сравнению с потерей сына.

— Я знаю, Он изменился! — не осмеливаясь назвать сына по имени твердил кузнец — Но, неужели, все так непоправимо, о Варда!

— Нет, тут ничего уже не поделать! — выговорил варвар.

— Мы все исправим, будь уверен! — окликнул Немо.

Последние реплики северянина и Квал-Тарра вырвались одновременно, но этому Гефест не придавал ни малейшего значения. Он и без лишних слов знал, что на родном сыне можно ставить крест, он знал это уже давно, еще в тот самый вечер, когда Артрест отказался от отца в Нимфее, когда Малах сказал какие-то слова, которых тогда не понял Немо, но он и не должен был понять, их разобрать мог только Гефест.

Дальше дорога прошла в молчании, гробовую тишину уже никто не осмеливался прервать.

Травансаль быстро приближался. Все выше и выше становились непреступные крепостные стены города, все больше людей скапливалось на дороге, среди них были и пешие и конные, и воины, едущие на турнир, и простолюдины, и торговцы, все смешались воедино перед городскими воротами. Внутри пускали лишь после тщательной проверки, зачастую проход был открыт, но приближающийся турнир наводнял город, многие, жаждущие наживы сползались сюда, как пчелы на мед.

Ждать пришлось до сумерек. Гефеста и его спутников пропустили быстро. Слава его давно облетела Восток вдоль и поперек.

На город опускался ночная тьма, тусклый закат блекло освещал дороги. Один за одним, не спеша стали зажигаться, казалось, сами собой, уличные фонари. Город предстал перед тремя путниками во всей своей красе...

Глава VI. Эальдорас

Конец октября, 1484, Травансаль, Восточное Ханство

Огромный город представал перед матово-алыми закатными лучами в непринужденной и невообразимой, древней и таинственной красоте. Древняя столица играла в душах, словно на струнах арфы, мелодичную музыку. Высокие крепостные стены змейкой петляли обозначая границу города. Словно поредевшие зубы гротескного чудовища в фортификацию врубались огромные башни-бойницы. Постройка удивляла, восхищала. В кладке стен невозможно было различить ни единой смыкающей трещины, она была монолитна, словно исполинская скала. Двустворчатые ворота, непривычно сделанные из камня, как же работают эти чудо-двери? На это у восточных мастеров-строителей были свои тайны. Но вся красота была не в каменном изваянии стен и башен, и даже не в воротах, город поражал до глубины души своим внутренним миром, своей историей, которую не смогли стереть ни многочисленные войны, ни разрушения. Взор не мог не остановиться на прекрасных висячих садах, весь город цвел, зеленная мантия дикого винограда покрывала с *головой* почти все дома. Старательно вымощенные и ухоженные улочки делили город на сотню маленьких частей, нетрудно и заблудиться без проводника! Но проводник был — Гефест, не единожды побывавший в Древней столице.

Давным-давно, когда на землю еще только ступала нога Единого, когда мир еще не погряз в разрушительных и кровожадных Войнах за божественный престол, на месте этого города уже стояла непобедимая крепость — столица Великого Ханства. Она не раз устояла перед воинами Хазгила — Темного Владыки, но не выдержала натиск морских корсаров, которые напали с незащищенной стороны моря. Они сравняли Травансаль с землей, превратив ее в груды пепла. Столицу пришлось перенести в Кураст — второй по величине и силе город Востока. Прошло время. Победрами закончились войны, настал долгий и продолжительный мир. Травансаль был заново отстроен и стал еще более непреступен, чем раньше. Теперь фортификации воздвигли и со стороны моря, подобраться к городу было также невозможно, как оседлать огненного феникса.

В Древней Столице испокон веков каждые четыре года проходили турниры, где испытывали свои силы воины всех народов. Старая традиция умерла вместе с городом, но и возродились они вместе! Уже пять веков турниры вновь проходят под покровительством Травансаля. Сюда съезжаются все достойные и недостойные воины, чтобы померяться силами с другими, себе подобными.

Несмотря на то, что город был отстроен заново, столицу вторично переносить не стали, оставив статус главного города за Курастом. Но, даже не смотря на это, Великий Хан не покидал непреступные крепостные стены Древней Столицы, даже Восточную сокровищницу перевезли обратно в Травансаль.

Отстроенная столица условно делилась на четыре огромные части — Нижняя, Верхняя, Доки и Базар. В Нижнем Травансале жили простолюдины, бедные ремесленники и неудавшиеся торговцы, в Верхнем — "слитки общества", от крупных купцов до самого Хана, Доки кишели морским народом — эльдрингами, Базар — обычная, хоть и очень большая, торговая область (она уступала в величине и изобилию товаров во всем Айзолине лишь одному месту — Курасту).

Немо и его спутники разместились в небольшой таверне Нижнего Травансаля. С виду обычный трактир, только сделан непривычно из камня, обвитый лианами дикого винограда настолько, что варвару пришлось отодвинуть густую зеленную массу, чтобы нащупать

материал, из которого сделано здание. Квал-Тарр бесконечно вертел по сторонам головой, вкушал прелести восхитительного города, словно любопытный мальчишка. Он непрерывно делал для себя новые и новые заметки, рассматривал все оценивающим взглядом, взглядом истинного ценителя.

Внутри таверна выглядела неимоверно: каменные и металлические изваяния диких животных маячили перед глазами, весь внутренний зал делили небольшие каменные перегородки, очень тонкие, но крепкие, как заметил вездесущий Квал-Тарр. В каждой кабинке стоял круглый стол, висели небольшие куполовидные светильники, непотухающие ни днем, ни ночью. Во всем зале нашлось лишь одно окно, сделанное непривычно из стекла, а не из бычьего пузыря. Разместилось оно в самом центре залы, заняв немалую площадь стены. В окно сквозь виноградную изгородь прорывались алеющими потоками солнечные лучи.

Даже бедные дома Нижнего Травансалья были несоизмеримо роскошнее многих богатых домов в других городах и государствах.

Налюбовавшись вдоволь, Немо и Квал-Тарр направились к столу, за которым уже томился в ожидании Гефест. Для него Травансаль не был новинкой, а в десятый раз одна и та же картина перестает радовать взгляд. В виду этого он сидел и недовольно ворчал что-то себе под нос. Гефест и сам уже давно забыл, как еще мальчишкой пришел в подобный зал впервые, как с открытым ртом глазел вокруг, не веря своим глазам. Но прекрасные дни нового и яркого остались позади. Сейчас в Травансале кузнеца радовало только то, что он вскоре снова отведаст радость победы. Он ни разу в жизни не уходил с турнира, не взяв хотя бы одно призовое место, а однажды добыл все разом, — "непроходимая стена" не в счет!

— Давайте быстрее! — подгонял своих спутников Гефест — Скоро пиво принесут, а оно, хочу вам сказать, не в пример лучше того, которое мы пробовали в Люг Харасе!

— Да идем, идем! — в один голос отозвались Немо и Квал-Тарр, и тот и другой находились еще в свете увиденного.

Скоро принесли пиво, чуть позже к нему добавился пропаренный серо-желтых рис мелко рубленными кусочками мягкого мяса, приправленного тмином и изюмом. Поварские таланты местного повара были неподражаемы, оторваться от вкусного яства не могли даже для того, чтобы глотнуть пива. Наевшись досыта, все, как один, по старой привычке, потянулись за трубками, которые бережно хранились в карманах, обернутые в бархатную ластящуюся ткань.

— Гефест, не мог бы ты на время пребывания в Травансале стать моим проводником? Уж очень хочется все здесь повидать! — раскуривая трубку, говорил варвар, вообще он не был любителем табака, но все же поддался на уговоры кузнеца и приобрел себе хорошую трубку из можжевельника.

— Да отец, и мне бы хотелось осмотреться в городе! — добавил Немо, на желания друзей Гефест только насупился.

— В Травансале не нужны проводники. Всю красоту можно понять, только если сам пройдешь все его улочки, может, даже заплутаешь в них. Начто вам проводник? Сам не пойму! — отвечал спутникам кузнец. — Ко всему я еще с этой недоброй дорогой и приключением в Люг Харасе совсем форму потерял, неплохо было бы мне с мечом попрактиковаться! А вы отдыхайте, смотрите город, только потом не жалуйтесь, что с треском проиграли турнир! — ухмыльнулся Гефест.

Немо смотрел в упор в глаза кузнеца, потом его взгляд переключался на варвара. "А действительно, ведь это, возможно, главные твои соперники! — говорил сам себе Немо — Как-то раньше об этом не задумывался... что если придется скрестить мечи с Квал-Тарром, а того хуже с Гефестом... но ничего страшного мечи на турнире деревянные, убить нельзя разве что зашибить... это не страшно... отнюдь не страшно. А что же "непроходимая стена"? Стоит ли туда вообще лезть? А ведь варвар был прав, на кой оно мне? А на кой оно ему? Восточное Сокровище! Неужто..."

— Опять с открытыми глазами уснул! — толкал Немо в бок Квал-Тарр. — Ты слышал,

о чем я тебе говорил?

— Что?... Нет, извини... задумался я... — выходя из транса проговорил Немо.

— А-то я и вижу, задумчивый какой стал! — озарился широкой улыбкой варвар — Так вот, завтра пойдем с тобой город смотреть?! Пойдем в Нижний Травансаль?! На крепостные стены мы уже насмотрелись, я даже пощупать успел, пока мы там в очереди тянулись, а вот внутри так толком ничего и не увидел. Ну что, идешь со мной?! Не забыл, у нас с тобой еще разговор до конца не доведен?! Помнишь в Люг Харасе?!

— А я, дурак старый, и не понял, чего это они дверь на засов заперли в Люг Харсе?! - хлопнул себя по лбу Гефест — А эти дружки от меня тайны скрывают! Ну, ладно-ладно!

— Так что? Ты согласен?! - не останавливался варвар, свежее пиво уже изрядно дало ему в голову.

— Да согласен, согласен! Насел, как охотник на дичь! — заголосил Немо, эта пьяная парочка ему уже порядком поднадоела, и даже немного выводила из себя.

— Не кипятись! — послышался ответ варвара.

— Хорошо, значит завтра, после завтрака, идет? — спросил Квал-Тарра Немо, вставая из-за стола. — Я пойду комнату присмотрю, закрывать не стану.

— Идет! И скажи, чтоб принесли еще пива! — послышался дружный ответ в спину уходящего.

Немо присмотрел уютную небольшую комнату на три человека, постоянный дом не был похож ни на один из тех, что довелось видеть раньше. Северянину стоило немалых трудов выбрать подходящую. На комнатной двери висел номер «восемнадцать» начертанный на всеобщем. Через мальчишку-слугу Немо сообщил его друзьям. Усталость превозмогла над любопытством, желание отдыха и покоя пересилила стремление к новому и неизведанному. Немо завалился в мягкую постель и проспал до утра.

За несколько часов до рассвета он услышал тонки противных скрип открывающийся двери. В комнату завалились два, едва стоявших на ногах, коренастых мужчины. "Опять надрались... — отметил для себя Немо, после чего мысль пошла в другом направлении — Надо трактирщику сказать, чтоб дверь смазал...". Мысль потерялась в толще сонной дымки, провалилась, моментально стираясь из памяти.

Рассвет встретил Немо приятными солнечными лучами, которые были прямо в лицо через единственное комнатное окно. Утро было свежим, не такое, конечно, как в Нимфее, но близость к морю давала о себе знать. Немо шире распахнул деревянные ставни, комната озарилась приятным ярким светом. Северянин попытался разбудить варвара и отца, все старания оказались тщетными. Квал-Тарр на пару с Гефестом изрядно перебрали намере, выглушили прошлой ночью не один бочонок крепкого восточного пива. И теперь оба спали беспробудным сном, похрапывая и посапывая.

Немо с тем же успехом повторил попытку после быстрого завтрака. Ничего не оставалось, кроме как пойти на экскурсию в одиночку, не сидеть же в комнате и смотреть на спящие лица!

Немо вышел на улицу. "Вчера мы собирались с Квал-Тарром посетить Нижний Травансаль, пройду там с ним потом, а куда сейчас?" — спрашивал сам себя Немо. Он стоял во дворе трактира и еще недолго что-то бормотал под нос, потом помотал головой, отнекиваясь самому себе, и двинулся на встречу солнцу. На востоке города располагались Доки.

Замелькали ухоженные и богатые улицы, крепкие каменные дома, обвитые зелеными паутинками винограда. По мере приближения к цели их сменяли менее привлекательные небольшие рыбацкие домики. Чтобы попасть к корабельной гавани, надо было пройти через один уровень крепостных стен. Это было несложно, вход был свободен для всех желающих.

Северянин вышел в гавань. Сперва взору Немо открылись, развевающиеся по ветру, алые паруса с неизвестным гербом, скорее всего, какого-то эльдрингского клана. Затем появился и сам быстроходный корабль. По обоим бортам растопырились длинные руки-весла, не меньше сорока с каждой стороны, на корме извивались в вечном покое волосы

прекрасной девушки — деревянного изваяния, украшающего нос корабля.

Немо застыл, он никогда в жизни еще не видел ни корабля, ни моря. Это зрелище поразило его, потянула к себе, северянину захотелось отведать вкус морского ветра, почувствовать на губах соленые брызги волн, разбивающихся о кил мчащего корабля. Но больше всего тянули неизвестные просторы, которые еще никогда и никому не доводилось видеть, хотелось открыть миру новые морские пути, неизведанные страны и государства. Взор Немо повернулся на юг, тонущих в морской толще. Его скрывали прибрежные скалы, лишь небольшой кусочек моря виднелся за ними, но северянина он притянул больше всех других частей света разом.

Что там? Какие красоты ждут его в неизведанных землях? Мечты — или, может, видения — перенесли Немо в тот мир. Внутреннему взору открылись песчаные дюны, великолепные оазисы, огромные твари, похожие на червей, ползающие в песке, люди с голубыми глазами, — это не вызывает удивления, но голубизна забрала даже место белка, это были полностью голубые глаза! — величественные замки, совсем не похожие, на те, которые были в Андарионе и Келебреттских Горах, Южной Короне и Восточном Ханстве. Крепости заоблачного Юга... великолепные крепости, они возвышались до небес, цепляли своими пиками воздушное небо, уходили вглубь скал, будто погружаясь в пасть неистовому зверю. Это привораживало и в тоже время отталкивало. Почему-то Немо знал, что когда-то он отправится в эти страны, увидит все своими глазами, не воображением.

— Ты видел Эальдора?! - послышался голос со спины, странная насмешка звучала в нем.

— Что? — удивленно Немо поворачивал голову, его видение рассеивалось, но полностью вернуться в обыденный мир он не успел. Кто звал его? Немо уловил белые блики, перед ним стоял тот самый «светлый» человек, который спас Немо и его спутников в Люг Харасе, не может быть?! Северянин протер глаза, нет, почудилось, совсем не «белый», а какой-то смуглый мужчина лет сорока, зубы были довольно прорежены, волосы седы, но руки по-прежнему, как в молодости, могли на ходу остановить любого жеребца.

— Ты шмотрел на Юг, там, в море, за многие мили рашкинулась только одна штрана — Эальдора — Земля Обетованная! — с непоколебимой улыбкой, больше напоминающий звериный оскал, говорил этот малозубый, сильно шепелявивший человек.

— Эальдорас?! - провопил Немо.

— Да, ты никак туг на ум! Понаеплыло да понаехало тут шброду вшыкого! Только турнир, так шразу шждешь выришываються тупоголовые, еще «воинами» шебя называют, шмех да и только! — жадно выбрасывая слова не умолкал старик, он поднял какой-то тюк и пошел к ближайшему кораблю, стоявшему в гавани. Немо не мог отпустить этого человека, сильное желание узнать больше заставило его даже забыть об обиде на грязные слова, он быстро сорвался с места и преградил человеку путь.

— Расскажи мне больше! Я хочу знать все про Эальдорас. — заинтересовано скороговоркой выговаривал Немо.

Беззубый человек насупил, но отбросил тюк в сторону, присел прямо на пол, странно скрестив ноги. Его примеру последовал и Немо, сесть подобным образом оказалось сначала не так просто, но, когда мужчина повторил свой трюк заново, северянин сел, также скрестив ноги. Этот человек оказался хорошим рассказчиком, а северянин хорошим слушателем. Мужчина назвался — Старх. Когда он начал говорить былое шипение куда-то пропало, только потом он объяснил, что он просто подшучивал над Немо.

Старый морской волк потер одну ладонь о другую, задорно улыбнулся и начал свой рассказ:

d»

— Много кораблей в свое время ушло на Юг, но ни один не вернулся, то ли оттого, что там прекрасная жизнь, то ли просто потерпели кораблекрушения, — но исчезли все! — разве это возможно?! Несколько счастличиков все же возвратились, вплавь, одного из таких подобрал мой корабль... — Старх приумолк, и через мгновение начал с новой силой —

Того утопающего звали Хьярд, он много что поведал мне, о какой-то Черте, за которую не проходил еще ни один корабль. Сам Хьярд уже вторично тогда оставался живым после попыток плыть на юг. Первый раз его корабль разбился о рифы, второй... огромный смерч, достающий до самых небес подхватил их корабль, унес далеко в поднебесье, но и тут Хьярду повезло, эту картину он наблюдал издалека. Немногим раньше корабельная команда выбросила его за борт, за то, что он попытался изменить курс.

Много слухов ходит от эльдрингов о погонях за Землей Обетованной, но никому еще не удавалось побывать там и вернуться.

— Может они просто не хотели возвращаться? — перебил Немо.

— Может... — тяжело ответил Старх. — Кто знает?! Так вот, ходили слухи, что прекрасные девы завораживают слух моряков и те поворачивают к ним, а на встречу обезумевшим морякам выплывают страшные чудовища и пожирают всех без останку! Был еще слух, что там, прямо по воде бродят какие-то человекоподобные твари, которых взрастила сама вода, из воды же созданные, в руках у них длинные трезубцы, а силы, как у десятирех! Никто даже пытаться не мог противостоять им, сразу попадал в руки Морского Отца.

— А никаких слухов не ходит о самом Эальдорасе? Как он выглядит, например? — поинтересовался замороженный услышанным северянин.

— Нет, я ж говорю, там никто не бывал. Но ты мне понравился Немо, я расскажу тебе то, что говорил мне один древнейший мудрец, ты вряд ли мог слышать его имя, Малхазтофей. Иногда он называл себя Малах, не слыхал о таком?!

— Малах?! - удивленно проворчал Немо — Он живет в Нимфее, он мой мастер и учитель! Но он никогда не говорил об Эальдорасе!

— Ты знаешь Малаха?! - удивился не меньше самого Немо и Старх. — Тогда понятно, почему ты умеешь слушать, а то, что он ничего не говорил тебе о Земле Обетованной и не странно, Малхазтофей никогда не заводит разговор на такие темы сам! Узнаю старого плута... ой! — мореплаватель зажал себе рукой рот. — Нельзя такое говорить, особенно, когда он... — Старх замолчал.

— Когда он... Что?! - ждал продолжения несказанного Немо.

— Да... так... ничего, на чем я остановился? — спросил себя Старх — Ах, да! Как выглядит Эальдорас... — повторил недавний вопрос Немо Старх. — Точно Малах мне не сказал, говорил песчаные дюны... — вытаскивал из памяти давно забытые воспоминания мореплаватель, но его перебил Немо.

— Гигантские песчаные черви, полностью голубые глаза людей, без капли белка, огромные замки-крепости, пики которых уходят далеко в поднебесье?! - заморожено, вспоминая недавнее видение, говорил Немо.

— Ты... так ты знаешь больше, чем я! Малах говорил тоже самое, ты неплохой ученик! Но ты же сказал, что Малазтофей тебе и словом не заикнулся об Эальдорасе! — восторженно чеканил слова Старх.

— Он привиделся мне в видении.

— Чудно...

— Я хочу побывать там! Старх, давай! Под паруса!

— Ты что, малыш, из ума выжил?! - насторожился мореход.

— Давай... а подожди... ты чего-то не договорил. — тихо и виновато произнес Немо.

— Ты поразителен! Да, жить мне в морской пучине! Ты не сумасшедший, ты пророк, как я сразу не догадался... — встряхнул себя Старх — Может мне не стоит говорить тебе этого, но когда-то Единый, спустил в наш мир двух своих лучших воинов — Хазгила — Повелителя природы, и Харада — Повелителя четырех стихий. Хазгил взмолился к Единому, чтобы тот не заставлял покидать его Эальдораса, но Владыка был тверд и непоколебим. Кто знает, зачем Единый спустил в наш мир Хазгила и Харада, но началось неведомое даже Ему самому. Дорога в Обетованную Землю была закрыта для всех, не исключением были и могущественные Повелители. Харад смирился со своей участью и смиренно стал выполнять

волю Владыки, он взял к себе в ученики четырех воинов с Запада и Востока и обучил их своему искусству. Хазгил же, выбрав путь мести, он решил всеми путями пробиться в Эальдорас, даже путем слияния Айзолина и Обетованной Земли!

— А разве такое возможно? — удивился Немо.

— Да, если миром станет править злоба, ненависть и смерть, то Эальдорас рухнет, он сольется в той же ненависти, что и Мир, и тогда... тогда разразится всемирный хаос, Единый потеряет бессмертие, и вместе с ним умрет сущее на земле.

Хазгил начал войну против Владыки, но его планы провалились, как рушиться картонный домик. Сила Повелителя природы была крепка и велика, омрачена ненавистью и злобой. Повелитель стихий все же победил своего сводного брата, но он не знал, что именно сможет уничтожить душу зла, душу Хазгила, поэтому заковал ее в философский камень, чтобы потом, по прошествию многих веков, уже другие сумели закончить начатое и разрушить нить жизни людского врага. После окончания войны Хараду было позволено вернуться в Эальдорас, один-единственный раз Единый пропустил корабль из Айзолина, после этого дорога вновь закрылась. С тех пор больше не осталось пути ни в Божественную Землю, ни из нее. Эальдорас сильно пострадал от этой войны, его зеленые сады превратились в пустыни, великие реки и озера пересохли, стали небольшими оазисами, непоколебимыми остались только непреступные крепости Единого.

— А Хазгил не может вырваться из плена камня и снова попасть в наш мир? Харада больше нет, кто тогда остановит Темного Повелителя? — заинтересовался Немо.

— Вряд ли он сможет освободиться, а если и сможет, то его всегда могут остановить наследники Харады, точнее одного из его учеников, — Светлый орден, по другому Орден Паладинов.

— А как их можно найти? — не переставал любопытствовать северянин.

— А я почему знаю? Я ж не Повелитель, и даже не паладин, это могут знать только они! Говорят, что они живут где-то на востоке... в Забытом Городе, в Городе-забвенье, но мне не сильно верить в эти байки. Никто из смертных еще не узнал, где этот Город. — Старх оглянулся, на его корабле гудел странный звон — Мне пора, трубят отплытие! — мореплаватель взвалил на спину свой тюк и пошел в сторону корабля.

— Мы еще встретимся?! - спрашивая, и в то же время утверждая, крикнул Немо в след, уходящему Старху.

— На все воля Морского Отца! — послышался ответ.

— Мы выйдем с тобой под одними парусами и найдем лазейку в Эальдорас! Даю слово! — крикнул уже скрывающемуся на трапе мореходу северянин.

— Не пытай Судьбу, парень! Перед тем, как давать слова, подрасти! — слышался насмешливый голос Старха.

Вмиг взвились паруса, водночас взмахнули все весла, судно отчалило. На борту гордо виднелось причудливые закорючки букв — название корабля — "Огненная Стрела". Скоро судно вышло в море, над горизонтом с веселыми алыми парусами "Огненной Стрелы" поиграли закатные лучи, и скоро уплывающий корабль поглотили сумерки.

Немо смотрел вслед уплывающего корабля, увозившего странного беззубого рассказчика. Когда пестрая галера с алыми парусами скрылась из виду, взор молодого мечтателя вновь устремился на бескрайние просторы моря, которое скрывали каменные стражи-скалы. Где-то там, на юге, в зыбучих песках раскинулся прекрасный Эальдорас. Таинственная и запретная Земля Обетованная. Она притягивала, манила.

Немо пытался внутренним взором нащупать путь к Эальдорасу, перенести себя в Землю Обетованную, но все грязло в темной пустоте, дорога туда была закрыта, закрыта даже для сознания северянина. На первом стремительном видении его прогулка по Эальдорасу закончилась.

Оставалась только жестокая реальность. Забурлило в животе и Немо медленно поплелся по Травансальским дорогам, безошибочно выходя к нужному трактиру...

Друзья встретили, затерявшегося в городских пределах, Немо очень тепло и ласково,

как и думал северянин. Только он успел переступить порог маленькой комнатки, временного обиталища трех путников, как на него с гортанным воплем накинулся Квал-Тарр, за ним Гефест. Еле избежав крепких объятий отца и похлопывания тяжеленными кулаками варвара, Немо изогнулся и ловко упорхнул от нескольких ударов, но пропустил безболезненный толчок кузнеца в грудь.

— Где ты лазил?! Я уже все волосы на голове передрал! — вспыхнул Гефест.

— Мы весь город пролазили! Тебя всё искали, думали, не попал ли ты под коварный клинок Артреста?! А ты вот он, жив, здоров, каково?! - взъерепенился варвар.

— Да что с вами?! Опять пива перепили, проклятые?! - удивился Немо — Вчера перебрали, сегодня, не пора ли завязать?!

— Мы сегодня и капли в рот по твоей милости не обронили! — обиженно и яростно прикрикнул Квал-Тарр.

— Меньше надо было спать! Я все утро пытался поднять вас на ноги, а вы со хмеля спали без задних ног, даже чан с водой на тебя, Квал-Тарр вылил, все подделом! А теперь из меня виноватого делают! — на одном дыхании выпалил Немо. Гефест и Квал-Тарр успокоились, опустили кулаки, дело пошло на лад.

— Да, друг, не видим мы в парне взрослого семя! — хлопнул Гефеста по плечу варвар. — На себя глаза закрыли, даже не подумалось как-то, а я ж обещал поутру... поутру! Точно говорят на нас варваров, каркают, как вороны!

— Ты уж прости, сынок! Не так получилось.

— Да все ж обошлось. — с неимоверным спокойствием произнес Немо, будто к нему и не лезли с кулаками пять минут назад.

— А где ж ты был все это время? Небось, сам проводником стать сможешь? Город-то весь обошел? Ну, как он?! - варвар стал любопытный, как маленький ребенок.

— Ни проводник из меня не получится, ни город я не обошел, но все подробности за ужином, страх, как в животе крутит! — с ухмылкой говорил Немо.

Быстрым маршем друзья вступили в кухонную залу. И Гефест, и Квал-Тарр уже ужинали, но от повторной трапезы друзья не отказались. Немо жадно глотал куски свежего, хорошо приготовленного, мяса, попутно рассказывая друзьям о недавнем своем приключении. Он упомянул все в мельчайших подробностях, не забыл сказать о прекрасном видении Эальдораса, в точности передал разговор со Стархом, опустил только ту маленькую подробность, что сначала его взору предстал не беззубый моряк, а прекрасный, облаченный в белое, человек. Не долго за морок принять смогут все эти видения! Оба слушателя внимали с непоколебимым вниманием, когда Немо закончил Гефест отмахнулся:

— Бред, бред все это, сказки морского волка! Какой Эальдорас?! Какая Земля?! История интересная, но доли правды в ней, как в моем мече золота! — отрезал Гефест.

Квал-Тарр промолчал, только сдвинул брови, нахмурился, но неуклонно молчал. Отужинав, все дружно решили остаться и поболтать за кружечкой пива.

— Никто не задумывался, что мы сможем скрестить свои мечи на турнире? — начал варвар — До финала еще далеко, но последний бой будет на настоящих мечях, мы можем порубать друг друга!

— Не порубаем! — возмутился Гефест — Не для того проделали этот путь! Будем бить не насмерть и все!

— От случайностей никто не застрахован. — угрюмо протянул Квал-Тарр.

— Мы надеемся на твое мастерство! — отрезал Немо.

— А я буду надеяться на ваше! — гордо ответил Квал-Тарр.

Немо уже задумывался над тем, что варвар все же противник. Несмотря ни на что с ним придется сразиться, не опускать же перед ним меч!

— Каким бы хорошим воином не был Квал-Тарр, а все же от проигрыша ему не отвертеться, — самоуверенно подумалось Немо. — Но меч мечом, а "непроходимая стена" — дело другое! Здесь надо не только воинское мастерство, а что-то еще, что именно никто не знал, а если этого Чего-то у варвара окажется больше? Что тогда? Обидно будет... но

силами надо еще померяться!

Вечер подходил к концу. Небо затянули непроглядные облака, ни звезд, ни луны, только мрак ночи. Но Немо и его спутники беспечно сидели в своей комнате. На этот раз они вернулись все вместе, Гефест и Квал-Тарр хотели подзадержаться, но северянин их не поддержал. Не обращая внимания на просьбы друзей, он настоял на своем и, поддавшиеся железной воле Немо, остальные тоже побрели в комнату.

И варвар, и кузнец не успели и одуматься, как их поглотил глубокий сон, стоило им только лечь в теплые постели. Немо же долго не мог заснуть, его мысли то и дело устремлялись в Эальдорас. Он сосредотачивал все свое сознание на маленькой точке, заставлял пробивать ее путь в Обетованную Землю, но это было безнадежным делом. Он не маг, не волшебник, и вообще кто он? Почему его взору открыли свои берега прекрасные, хоть и сильно пострадавшие от рук Хазгила, земли Эальдораса?

Сознание уступило сну, эта ночь навевала Немо удивительные сны. Он гулял по песчаным дюнам, набрел на оазис с чистой, прозрачной голубой водой, испил из источника. Вкус был терпким и одновременно мягким, горьким и сладким, вода утоляла жажду, но оторваться от нее было невозможно, как только пропадал во рту ее вкус, так сразу же хотелось снова испить чудесной воды. Воистину прекрасный сон, жаль только, воспоминаний от него не осталось: наутро Немо не смог вспомнить ничего из того, что ему снилось, но он твердо мог сказать только одно — сон возносил до небес.

Безжалостное солнце ворвалось в окно комнаты, врзалось своими огненными лучами в лицо Немо. Яркий свет ощущался даже через закрытые глаза. Начался новый день...

Сегодня северянин встал позже всех. Завтрак прошел в комнате, тихо и мирно, как и полагается.

Варвар позвал Немо на прогулку, но тот категорически отказался. Нижний Травансаль больше не волновал северянина, он увидел то единственное, что могло его тянуть — морские просторы! Ни одна городская улочка не сможет сравниться в красоте с грацией волн, разбивающихся о риф, со свежим морским бодрящим воздухом, с перекличками не умолкающий чаек и важных пеликанов. Немо тянула только одна дорога — дорога в гавань!

Гефесту невольно пришлось отказаться от своих тренировок сам на сам, он по-дружески согласился (не без долгих колебаний) показать варвару город. Немо же не нуждался в сопровождении, он раз и навсегда запомнил дорогу в Доки Травансаля.

Немо уже по привычке с первыми лучами солнца поднимался и шел в гавань, теперь он не забывал брать с собой еды на весь день. Целыми днями северянин жадно охватывал взором морское глади, часто его взгляд замораживался на одном месте — на юге. Немо беззаботно просиживал дни напролет на морском берегу, повсюду сновали ловкие грузчики, суда приходили и уходили, и опять причаливали новые, срывались с мест старые, жизнь в гавани текла во всю. Каждый день там сновали сотни моряков, чернокожих погрузчиков, желтолицых косоглазых купцов, Доки всегда кишмя кишели людьми. Среди всех этих людей на одном и том же месте, необычно скрестив ноги, сидел хрупкий на вид, но каменный изнутри северянин, его взгляд был парализован, он не отводил глаз с юга. Новые надежды и желания появились в сердце, во что бы то ни стало он должен найти дорогу в Землю Обетованную, что так притягивало Немо? Неизвестное? Что-то новое? Нет, этот зов души лежал гораздо глубже, это было не просто любопытство, не просто желание — это был смысл жизни, смысл, который Немо совсем недавно сам для себя открыл. Будь его воля он прямо сейчас сел на корабль, под паруса, ветер в лицо, и будь, что будет! Но сейчас Немо этого сделать не мог, слишком много не выполненных обещаний, а главное зарок "Я не умру, пока будет жив мой враг!", а враг был еще жив, шрам на его лице раскроет убийцу в нужный момент. А пока белая полоса от глаза и вниз по щеке только украшала его мужское лицо, придавало ему гордый оттенок в общении с девушками и муку стыда, когда он оставался наедине с собой.

Шло время. Новый день сменял старый, а новый сменялся другим. Немо не успел и глазом моргнуть, как пришло время состязаний, о которых северянин уже забыл и думать.

Но как только пришло время, утихший огонь в его сердце разгорелся с новой силой. Ни о чем, кроме победы теперь он не мог и думать, все решит Судьба, а если она будет не на его стороне, то Немо решит и без ее вмешательства, решит в свою пользу, проиграть он не мог!

Глава VII. Туннельные крысы

Ноябрь, 1484, Травансаль, Восточное Ханство

Пришел день турнира. Немо поднялся с солнцем, взял свой длинный лук и пошел в сопровождении друзей на турнир. Состязание проходили на необъятной городской площади в самом сердце Травансаля, которая раскинула свои длинные исполинские руки-улучки далеко вглубь города, перерезая его с юга на север. На всем этом протяжении непроходимой стеной скопился люд, не было ни единой бреши в толпе, протиснуться через нее было невозможно, разве что мечом проложить себе дорогу!

Несмотря ни на что трое друзей все же смогли протиснуться сквозь сомкнутый людской строй, не хуже, чем в армии, выбиться в первый ряд. Огромное пространство оставалось пустым. Крик и ор не умолкал. Немо и его спутники стояли с каменными лицами, словно древние изваяния, претерпевшие страдания и муки, не сходявшие с места покорно предоставленное судьбой. Ничего не волновало их, ни что не могло помешать их сосредоточению, скоро появится сам Хан и первый день состязаний настанет, друзья готовы к этому не меньше, но и не больше остальных своих противников.

Загремели рога и трубы, вмиг все голоса стихли, только один резко и громко разносился над головами, возвещая появления Хана.

— Приветствуйте смертные! Воины и зрители, горожане и гости города, вашему взору предстает Благочестивый Хан Хрисаах, потомок Хриссаада Великого.

На высокий парапет выбежало несколько десятков отборных воинов хана, его личная охрана, все высокие и стройные, на вид сильно отличавшиеся от невысоких жителей востока, скорее всего наемники. Вооруженные до зубов они преградили путь к своему повелителю от случайных стрел, закрыли живой стеной грудь восточного правителя. За ними медленно показывалась фигура хана.

— Объявляю первый день турнира открытым! — послышался высокий и тонкий голос Хрисааха — По традиции началом турнира будет состязание в меткости. Прощу желающих попытать удачу выйти и принять свои места!

Немо сделал несколько шагов вперед, за ним последовал Гефест, варвар, который, как и весь его род, считал луки — оружием труса, остался стоять на месте. Желающих попытать судьбу оказалось куда больше, чем предполагал северянин. Из толпы отделилась большая ее половина, не меньше двух с половиной сотен. Победить будет на так-то просто!

К людям-стрелкам выбежали ханские десятники, они быстро разделили желающих на две части, сначала свое мастерство должна была показать одна, за ней другая. И Немо, и Гефест попали в первую половину. Людей было много, здесь собрались жители всех концов света, множество знакомых и никогда не видимых северянином народов. Луки, как и их хозяева, сильно отличались друг от друга, встречались длинные, сильно изогнутые, луки в руках низкорослого народца откуда-то с запада, не меньшие в размере луки северян, короткие изогнутые — восточные, с металлической окаемкой луки южан, и у Немо, и у Гефеста были именно такие...

Спустя несколько минут все было готово, вторая группа полукругом обогнула первую, Немо и кузнец стояли в одном длинном ряду сотни претендентов. Мишени стояли в двадцати шагах, луки готовы, тетивы натянуты, стрелы вложены. Последовал приказ «Стрелять», вмиг сорвались все стрелы, только считанные из них не достигли цели, только с десятков претендентов отсеклся, с угрюмыми лицами покидая площадь и скрываясь в неимоверном позоре в толпе зрителей.

Мишени отодвинули на десять шагов, снова та же операция, снова гортанный приказ «Стрелять», снова сотня рук отпустили намертво зажатые стрелы, свистнули тетивы и гуды

стрел обрушилась в безжизненную плоть мишеней. Еще десяток неудачных стрелков покинуло сцену, с не меньшим позором приклонив головы шагая прочь.

Так продолжалось еще раз и еще раз. Взлетали стрелы и опускались вновь, поражая застывшие мишени. Немо и Гефест стояли непоколебимо, и только, когда цель отодвинули на двести шагов от стены стрелков, ряды которой уже заметно поредели, когда вновь раздался прежний приказ, когда стрелы взмыли к небу и вонзились в ожидавшие цели, послышался громкий бранный голос кузнеца, он яростно бросил лук под ноги, оружие судорожно отскочило от земли и мягко приземлилось на мощеную дорогу. На этот раз Гефесту не повезло, его стрелы до этого момента не знали промаха, но теперь удача отвернулась от кузнеца, древко его стрелы беспомощно упало перед самой мишенью, так и не вонзившись в нее. Состязание лучников на этом для Гефест закончилось.

Из двенадцати десятков, принявших начальный бой-состязание, осталось только трое — низкорослый лучник с запада, какой-то северянин и Немо, его стрелы были точнее всех, мальчишкам, бегавшим и вытаскивающим стрелы, приходилось каждый раз выдирать, пущенную Немо, стрелу из самого центра мишени, на это не могли не обратить внимание и соперники.

Солнце ярко палило над головой, не смотря на то, что на дворе было первое ноября. Силуэт Великого Хана пошевелился, привстал, раздался властный голос:

— Вы прошли первый этап и встретитесь в финале, а сейчас пришло время второй сотне показать свое мастерство.

"Финал?! Уже неплохо" — думал Немо, ставая подле ханского «пьедестала» в сопровождении двух своих соперников и неловкой стражи, не из числа телохранителей хана...

До заката оставалось не меньше часа, когда из второй очереди лучников отделилось еще два финалиста, они остановились на отметке в двадцать десятков шагов. Пятерка финалистов была выбрана. Дело подходило к своему концу.

Немо и его соперники стали бок о бок, все та же отметка в двести шагов отделяла их от мишеней, только теперь правило немного изменилось. Задание было на время "Кто больше раз за одну минуту попадет в цель, тот и победил". Воцарило всеобщее молчание, луки на изготовь, томительное ожидание заветного приказа, долго ему не продлиться... Сигнал! Секунда молчание! «Стрелять»! А теперь вперед! Немо первый отпустил тетиву, но на этом он выиграл только долю секунды, всего долю, но может она и будет заветной? Колчан за спиной Немо трепетался, стрелы летели одна за одной, но, что за невезение, ремень крепивший колчан лопнул! В самый неподходящий момент...

Немо изловчился, схватил колчан на лету. Сел на землю. Нет, он не сдастся! Кто угодно, только не он! Немо скрестил ноги, как научил его Старх, крепко зажал колчан между ними и, не переставая, продолжал выпускать стрелы, сидя это делать было сложнее, но ничего больше не оставалось. По толпе пробежал тихий шепот, не то удивления, не то насмешки, Немо не обращал на него никакого внимания... Минута растянулась в целую вечность, мысли, казалось, застыли и только руки непреклонно вершили свое дело. "Скорее! Скорее! Скорее бы закончится этому кошмару! Мне нужна победа, но где она?! Где?!" — твердил и твердил слова Немо, не в силах открыть рта, ему приходилось нагонять своих соперников, дело непростое... Приходилось сильно поднимать лук вверх, стрелять не целясь, но другого выхода нет!

— Минута истекла, сложить луки! — послышался долгожданный голос хана. "Слава тебе всеильный Владыка! — прокатилась раскатом грома мысль северянина".

Все приклонили луки, на лицах появились капельки пота, не от напряжения — от волнения! Немо и вовсе умывался, струящимися со лба, водяным потоком, но в его случае причина была не в переживаниях. Теперь самое сложное — ожидание, сколько оно продлиться?! Пока сосчитают стрелы в мишенях каждого, стрелы оставшиеся в колчанах, пока донесут вести до хана, пока он еще объявит это всем, как долго! Как долго длятся эти мгновения!

Не смотря на все это, ожидание было совсем недолгим, даже для финалистов, в момент, когда решалась их победа.

Хан снова встал, к нему уже успели подбежать десятники и довести до повелителя сведения. Правитель Востока не спешил, внимая словам своих подопечных. И, наконец, он заговорил. Его слова гудели в ушах северянина, отливались свинцом в сердце, эхом вторились в сознании:

— Красный игрок — начал Хриссах, финалистам раздали специально оперенные стрелы разных цветов, Немо достался светло-голубой — цвет морской волны. Колчаны никому не меняли, поэтому обвинять в случившемся северянин мог разве что себя! — выпустил двадцать пять стрел, попал девятнадцать, желтый игрок выпустил также двадцать пять стрел, попал двадцать. — раздались гулкие крики толпы, прошло несколько секунд прежде чем все стихло. Хан продолжил, — Белый игрок выпустил двадцать семь стрел и попал двадцать одну, зеленый — из двадцати трех выпущенных промахнулся лишь единожды, а последний светло-голубой игрок выпустил двадцать четыре... — Немо замер — и не разу не узнал промаха!

"Победа! Невероятная победа!" — пронеслась в голове Немо молниеносная мысль, сердце северянина, казалось, сейчас выпрыгнет наружу, но он держался молодцом, даже виду не подал, как сильно он возрадовался, главное — выдержка. Толпа взорвалась в ликующих криках. Где это видано, на таком расстоянии, ни единого промаха! Да еще как пришлось стрелять — сидя! Вот это воин, вот это стрелок!

— ПОБЕДИЛ светло-голубой игрок! — через секундную паузу объявил хан, уже понятную для всех весть. — Победителю по правилам турнира полагается награда и, разумеется, грамота с печатью хана, но сверх всего он получит личный подарок от меня! — все голоса вмиг стихли, замолчал на мгновение и сам хан, Немо стоял в страшном оцепенении. Чего он тянет! — Мой браслет, это не простая безделушка, он убережет тебя от страшной Силы, от болезней и заклятий, береги его! Как зовут нашего почтенного победителя, который показал столь невероятное мастерство стрельбы из лука? Кто обучал тебя? Откуда ты родом?

— Меня зовут Немо, сын Гефеста. Отец и обучал меня мастерству, а родом я... из Нимфеи! — кратко отрапортовал северянин, — северянин! — не южанин, не Нимфея его Родина! И ему каждый раз с невероятным трудом приходилось врать о своем происхождении!

— Гефест, да известное имя! А где сам твой отец? Обычно это состязание было за ним, хотя последние два раза судьба отворачивалась от него. Где же он?

Толпа расступилась, сделав небольшой полукруг окрест кузнеца, тот сделал несколько шагов вперед, остановился в символическом поклоне, опустив голову, но, не пригибая спины. Хан ответил тем же.

— Здравствуй почтенный Гефест, сын Мефласта! — снова заговорил хан. Удивительный человек правил востоком. Во время Турнира он не пользовался сенешалями, сам говорил с народом — на равных! В этом человеке не было злобы, которая присуща всему народу востока, он был почитителен даже с теми, кто ниже его в звании и чине, он не убивал своих наложниц, за то, что они просто надоели ему, как раньше делали его предки, он не хотел, чтобы его охраняли, но это было обязательным для него и даже отдай он приказ: "Вы свободны, в город я пойду один!", даже тогда его бы не оставили телохранители. Этот человек больше походил не на хана, а на достойного и мудрого короля, который живет и правит на благо стране, не жалея ни сил, ни здоровья, ни жизни.

— И я приветствую тебя всемогущий Хриссах, сын Хриссаада! Давненько не виделись! — беззаботно сказал Гефест, на это другой хан уже давно приказал бы схватить и запереть в клетке Невежественного, но не Хриссах. Он давно знал Гефеста, не раз обедал с ним (это получалось сделать сам на сам), хорошо знал его в лицо. То, что он, якобы не увидел кузнеца в толпе, было просто хорошо скрытая ложь. Хан ждал встречи со старым другом, которого не видел четыре долгих года.

— Ты воспитал достойного ученика, который даже превзошел учителя! Думаю, бесполезно предлагать службу сотника твоему сыну, но правила, есть правила. — взор хана повернулся к Немо. — согласишься ли ты, Немо, сын Гефеста, принять службу сотника в моем войске?

— Нет. — послышался краткий ответ.

— Этого и следовало ожидать, — ухмыльнулся Хрисаах. — Достойный ответ, достойного ученика, не менее достойного учителя! Что ж, надеюсь, на этом наш разговор не окончен, и мы сможем встретиться в более тесном кругу, а пока... — хан привстал — Объявляю первый день состязаний закрытым!

Толпа быстро зашевелилась. Хрисаах и его эскорт скрылись. Вслед за ханом расходились и люди. К застывшим в центре площади друзьям подошел Квал-Тарр.

— Победу надо хорошо отметить! — заговорил он — Что вы стоите, как вкопанные, идите скорее в трактир!

Друзья уселись в узком кругу стола. Сегодня они пировали. Победу надо обмыть! Но свежим пивом не увлекались, турнир только начался, завтра предстоит не менее трудный день, новое состязание было посложнее — бои на мечах! В нем будет участвовать вся тройка друзей, каждый хотел повернуть победу к себе лицом, поэтому от пива пришлось немного отказаться, немного... по кружечке все же позволили. Но не больше. Не хотелось с больной после хмельной гулянки головой идти на состязание, махать мечом, защищаться щитом, это было сложнее, чем стрелять из лука. Победит только тот, кто имеет большую выдержку и выносливость. Перерывов на обед не будет, впрочем, как и на состязании лучников, поэтому силы надо беречь, беречь не с утра — с вечера!

Легли друзья рано, сумерки только-только с невероятным трудом смогли совладать с дневным светом, солнце только-только показало последние закатные лучи, а Немо и его спутники уже дружно сопели носами, погруженные в разные сны. Немо гулял по песчаным дюнам, прекрасным оазисам, неумолима продвигаясь вглубь неизвестной страны, где вдалеке уже показали свои высокие пики города-замки; Гефест вернулся домой, где его уже ждал сын, родной сын, с распростертыми объятиями, такое теперь могло случиться только во сне; Квал-Тарр, Квал-Тарр, он сражался с неведомыми чудовищами, порождением тени и ночи, которые уже давно пытались сокрушить его Родину, он разметал врагов на право и налево, оставляя за своей спиной длинную черно-красную дорогу. Только его сон из всех спутников мог сойти за реальность, прискорбную, но реальность...

Запели петухи, но еще раньше, почти в одно время, встали варвар, северянин и южанин. Солнце уже неприхотливо играло своими веселыми лучами, ослепляя глаза, согревая тело и душу. Погода была отменная, ноябрь, а солнце греет, как сумасшедшее! Накатился невыносимый зной, не спасал даже морской ветер и живительная влага, устремляющаяся с морских берегов. Дышать было трудно, но зной продлился недолго, быстро воздух набрал свежесть и влагу — самая удачная погода для тяжелых состязаний!

Завтрак... отдых (после завтрака и варвар, и Гефест любили поваляться в своих постелях, отдохнуть перед началом тяжелого дня. Сегодня к лежащей процессии присоединился и Немо)... последние приготовления... мечи наострены, доспехи проверены... Пора идти! Идти на турнир!

Сегодня он проходил за стенами города, на большом зеленом поле, обнесенном со всех сторон, как крепостными стенами, лесом. В Ирсихские поля доносилась тихая приглушенная песнь птиц, легким дуновениями проникал ветер, на чистом зеленом море уже стояли тысячи людских ног. Люди пришли заранее, кто опять потешить взор поединками доблестных воинов, кто сам проверить себя в бою.

Претенденты уже вышли. Не меньше трех сотен. На них со всех сторон главели не меньше тысячи любопытных глаз. Трое друзей присоединились к своим соперникам.

... Немо краем глаза заметил стремительный взор хана, его взгляд был направлен в сторону Гефеста, какая-то странная, режущая до боли, тревога читалась в нем. "Что-то неладное" — решил северянин, но виду не подал.

В полном разнообразии красок и цветов встретила Немо и его спутников турнирное "поле брани". Алые плащи южан, зеленые — северян, сверкающие низкорослого народа, даже пару варваров в кольчугах ниже пояса, на них кинул неодобрительный оценивающий взгляд Квал-Тарр, несколько гвардейцев хана тоже приняли участие в битве, встретились и незнакомые народы, но Немо не сильно предавал этому значение.

Все были облачены в доспехи, немногим, кто пришел налегке, предстояло сначала пройти проверку способность к бою. Это делали личные гвардейцы хана, скрестив свои мечи (деревянные, разумеется, предназначенные для турнира, полновесные, ничем не уступающие в тяжести стальным), если претендент не выстоял против нескольких точных выпадов элитного ханского воина, то ему приходилось покидать состязание, так и не попытав удачи, остальные (те кто выдержал легкий бой) могли продолжать состязание. Людей без кольчуг и доспехов было немного, от силы четыре десятка, до состязаний дошли только две с половиной дюжины.

Время начала состязания пришло. Хан встал.

— Объявляю второй день состязаний открытым! — послышался его властный голос — Все разбиты по парам? — осведомился он у своего генерала, воин одобрительно покачал головой. Все ради показухи, Хрисаах и так знал, что все уже готово — Начать состязание мечников!

Послышались громовые трубы, зазвенела мечи, "сталь ударилась о сталь", можно было бы сказать, но, а вообще — дерево о дерево! Только финальный бой велся на настоящих мечах, все остальные — на деревянных, заранее подготовленных оружейниками хана. Победив своего первого партнера, бой превращался в неконтролируемое месиво. Каждого нового соперника приходилось искать самому. Это напоминало настоящую схватку, единственное отличие — оружие.

Немо бился, как безумный, сражая одного... другого, третьего... За ним еле успевали Квал-Тарр и Гефест. Пот лился ручьем, один за другим соперники покидали "поле брани", из трех сотен оставалось шесть, три, полтора десятка. В рядах оставшихся мелькнула знакомая фигура. "Ах вот почему хан беспокоился! Нет, подожди, а откуда он знает о соре Гефеста с..." — Немо не успел закончить мысль, над головой просвистел деревянный меч — символ свободы. Северянин сделал легкий и быстрый, почти незаметный выпад, и на земле лежит не он, а его противник. До победы осталось всего ничего... Но знакомая фигура доставила северянину большое беспокойство. Артрест, сын Гефеста, не давал своим противникам ни единого шанса на победу, он безжалостно рубил увесистым деревянным мечом своих соперников, ломая им кости, даже через доспехи! "Артрест — противник куда сильнее всех предыдущих" — мимоходом в сознания Немо врезалась странная мысль.

Бой был остановлен, когда на арене осталось четверо претендентов на звание победителя состязаний. Это были все те же воины: Северянин Немо, варвар Квал-Тарр, южанин Гефест и его нерадивый сын Артрест.

Снова засуетились ханские десятники, бросая жребий. Немо достался нелегкий противник — варвар из Келебреттских гор, его отцу — родной сын, который пусть и в соре, но все же родной.

Немо и Квал-Тарр стали друг напротив друга. Варвар усмехнулся, приклонил голову в легком поклоне, северянин не успел ответить тем же, быстрый удар был направлен прямо в шлем Немо, но поразить таким выпадом северянина было непросто. Шаг назад и меч свистнул прямо перед лицом, слегка щелкнув забрало. Последовал ответный выпад, отбит, контратака варвара, за ней очередной выпад Немо, соперники сошлись не на жизнь, а на смерть, кто победит в этом ожесточенном бою?...

У Артреста и кузнеца разыгралась совсем другая сцена, не было быстрых выпадов и тихого скрежета деревянных мечей, у них все замерло в тихом спокойствии. Гефест сложил меч, он не смог осилить себя и поднять его против сына. Нет, сражался с сыном, и сражался не раз, но до этого все бои с ним были лишь частью тренировок, учеба! Артрест и Гефест уже сходились в турнирных боях, но и тогда все было не так, всегда бои с сыном были

какой-то игрой, и кузнец с легкостью опрокидывал сына наземь, но не в этот раз. Сегодня глаза Артреста горели неумолкаемой злобой, не жаждой к победе, а простой животной злобой, перед сыном сейчас стоял не отец — враг, который должен быть повержен! Но Гефест не пошел на это, он принял проигрыш сам, опустив меч и тихо добавив:

— Для меня ты легкая добыча, но я не стану разить своего сына в глупой битве, ты победил!

— Поднимай меч, жалкий трус! — слышал в ответ кузнец, но он знал, это слова не его сына, а кого-то... кого-то другого. Гефест развернулся и ушел с арены.

Тем временем бой Немо и Квал-Тарра набирал обороты. Удары следовали один за другим, ни у одного соперника не было преимущества, они дрались наравне. Казалось еще мгновение и один из них проиграет, но именно в это мгновение в них просыпались новые силы, каждый был готов разить и разить противника, пускай и бесплодными, но сильными ударами. Очередной выпад Немо, но что же?... меч выскальзывает из рук, застывает в воздухе, варвар со всего размаху бьет с боку, но северянин ныряет под вражеский меч, хватая на лету свой, и левой рукой бьет под кольчугу Квал-Тарра. Удар был настолько силен, что на животе варвара выступила кровь, но это не ознаменовало победу Немо, будь меч настоящим, его противник уже лежал, истекая кровью, но бой идет на деревянных мечах! Квал-Тарр развернул меч и оглушил Немо сильнейшим ударом в голову (в шлеме даже осталась небольшая вмятина), северянин упал навзничь. В глазах помутнело, и на миг Немо потерял сознание. Победа была за Квал-Тарром, но далась она нелегко. Немного кровоточил живот, но больше всего волновало то, что силы были почти на исходе.

А предстоял еще финал. Финал...

С минуты на минуту Артрест и Квал-Тарр сойдутся в поединке...

Тысячи глаз сомкнулись на силуэтах двух воинов, еще мгновение и сталь ударит о сталь, настоящая сталь, о настоящую сталь. Мгновение ожидания и бой начат...

Первым в бой рванулся Артрест, легко отразив удар грозного воина, варвар ответил двумя своими, они едва не достигли цели и не пустили кровь Артресту, удары шли в шею, как раз в промежуток между шлемом и броней, но соперник Квал-Тарра легко отбил первый и, плавно опустившись ниже и вбок, избежал второго. Ответный выпад... не менее достойный ответ варвара, клинок проскрежетал о доспехи Артреста. Сын кузнеца не отступал, новые и новые удары шли из его рук, казалось, смертоносный меч Артреста слился с его рукой, теперь оружие и его хозяин представляли одно целое, но у Квал-Тарра оказалось мастерства побольше, чем у соперника. Отразив очередной выпад Артреста, варвар сделал огромный шаг вперед так, что противник встал спиной, удар ноги и Артрест распростерся на земле, не успев подняться, он почувствовал холодную сталь варварского клинка у своей шеи. Южанин напрягся, не веря в свой проигрыш, и вмиг все его мышцы расслабились. Сопrotивляться бесполезно. Снова победа была за Квал-Тарром.

Раздались одобрителные крики зрителей, возгласы едва не заглушали ушей. Толпа ринулась вперед к новоиспеченному победителю. Ее на силу удалось сдержать многочисленным отрядам хана, стоявших в оцеплении. Варвар поднял меч вверх, раздался душераздирающий боевой клич, который смог перекрыть даже толпу. По неволе у Немо пробежали по коже мурашки (к этому времени он уже пришел в себя), даже побежденный Артрест содрогнулся. Толпа утихла, хану даже не пришлось ее успокаивать, это сделал Квал-Тарр. До того, как начал говорить Хрисаах, варвар тихо произнес какие-то слова, которые смог услышать только лежавший на животе Артрест. Что именно?... Увы. Это известно только самому варвару и его поверженному противнику. Тем времен хан заговорил:

— У нас появился еще один победитель! Как твое имя воин.

— Квал-Тарр, варвар из Келебреттских Гор. — не удостоив почтенного хана именем своего отца, ответил варвар.

— Отлично, не желает ли почтенный Квал-Тарр, сын Келебреттских Гор, — отвечал «приятным» на «приятное» Хрисаах — Взять на себя командование ханской пешей сотней, нашей стране нужны такие воины!

— Нет, не желаю! — насупился Квал-Тарр.

— Тогда... властью данной мне объявляю второй день турнира закрытым! — выкрикнул хан.

Хрисаах сел на коня и под прикрытием своих верных телохранителей зарысился по направлению в город. Толпа зашевелилась и тоже направилась в Травансаль, с ними побрели и трое друзей (куда делся Артрест не смог сказать никто, да и найдешь ли его в этой толпе!)...

Сегодня вечером друзья гуляли на славу. Завтра конный турнир и на него не собирался ни один из них, поэтому на пиво не скупались. Добротный ужин, а потом пиво, пиво, пиво. Отметили сразу две победы, даже, немного раздосадованный после своего второго проигрыша, Гефест был весел.

— Ты хорошо бился парень, если бы в твоих руках был настоящий меч, лежать бы мне на Пайнренском поле с распоротым животом! — после четвертой кружки пива заявил Квал-Тарр, хлопая сидячего рядом Немо по плечу. — Я недооценил тебя еще с самого начала, и мог поплатиться за это жизнью! Но удача, удача была сегодня на моей стороне!

— Именно удача! — чуть-чуть обиженно парировал Немо.

— А почему ты не поднял против Нихлакта свой меч? — продолжал охмелевший варвар, уже обращаясь к Гефесту.

— Не знаю, что-то... что-то, как будто вселилось в Артреста, он сам не похож уже на себя... вот! — заикаясь ответил кузнец.

— Что-то... — протянул слова Гефеста Квал-Тарр.

— А никто не заметил тревожного взгляда хана, еще до начала турнира? Именно Что-то и волновало его! Может Хрисаах, чего-нибудь сможет нам сказать по поводу Артреста? Как изгнать из него злые чары, например? — заинтересовался Немо.

— Хрисаах?! Нет, он не маг... никогда им не был, по крайней мере... книги читает, конечно, разные... но вряд ли то, что может нам пригодиться... да, пригодиться вряд ли... вряд ли! — пытался собраться с силами и говорить внятно Гефест, это у него едва получалось, кузнец уже опрокинул седьмую кружку, а пиво здесь было крепкое! Ой, какое крепкое!

— Но что-то ж взволновало его? — не отступал Немо.

— Что?! Ты не думаешь, что тебе могло просто показаться, нет? А почему?! - ни с того ни с сего разгорячился Квал-Тарр, неужто пиво в голову дало?

— Ну... это... проверить можно. — буркнул кузнец.

— Нужно! — парировал Немо.

— Вы, как хотите, а с магией я связываться не желаю, не варварское это дело! — возмущался Квал-Тарр.

— Не варварское! — согласился Немо, в этом разговоре он взял главенствующую роль, и это сильно злило варвара. Северянин, будто насаживал всем свою точку зрения, но не назойливо, а так, что хотелось с ним всегда соглашаться.

— Не варварское! — добавил варвар — И я не стану помогать вам в том, о чем вы даже представления не имеете!

— Ты... что-то сам знаешь... — начал было Гефест, но его прервал варвар.

— Знаю, но простите, ничего сказать не могу, пока не могу! — в лице Квал-Тарра показалась мудрость, на лице добавились морщины, глаза впали, брови распушились, казалось, после этих слов он постарел не на один год. Разговор замер, затихли и все вокруг (так показалось в этот момент Немо), раздался хмельной голос Гефеста.

— Выпьем... друзья... выпьем за вашу победу! Нечего разводить здесь нюни, мы еще посмотрим, кто кого, а не хочешь говорить сейчас Квал-Тарр, да тебя никто и не просит! Мы с Немо и сами справиться вполне сможем, не так ли сын? — не дожидаясь ответа он занес кружку с пивом высоко над головой и еще раз прикрикнул — Выпьем!

На этой ноте вечер посиделок был окончен. Хмельного Гефеста после его выдающейся речи пришлось тащить в комнату чуть ли не на руках, дойдя до кроватей вся тройка рухнула

(Гефесту это сделать было проще всех, но, чтобы ему удалось рухнуть куда надо, северянина и варвару пришлось постараться). Раздались дружный сонный храп и сопение.

Сегодня еще одна победа была в руках тройки друзей, еще один день пережит, еще одно состязание позади. Завтра будет легче, а потом сложно и еще сложнее!

Ночь стремительно окутывала улицы города, как туман обволакивала Древнюю Столицу, ложилась под ноги непроглядной толщей, погребая под собой последние лучики дневного света. Исполинская мгла одурманила своим видом даже уличные фонари, их свет казался тусклым и бледным, непроглядная темень опустошила город. Теперь он вымер под силой ночного исполина — Тьмы. Ночь заставила всех приклониться перед нею, отдать ей покорную хвалу. Свежий воздух сменил дневную духоту, которая накатила на Травансаль сразу же после состязания. Настала пора сновидений...

Который уж раз к Немо пришли ночные кошмары. Все та же сцена, разыгравшаяся восемь лет назад, в Найнлоу, та же смерть витавшая на поле брани, тот же ужасный Враг, убивший незащитных родителей, все то же, эти кошмары уже не пугали. Но в сегодняшнем кошмаре была лишь одна маленькая деталь, которая отличала его от других, всего лишь одна маленькая деталь... Северянин снова поставил шрам на лице Рыцаря Тьмы, но, когда он пустился наутек, появилась еще и прекрасная дева. Приглядевшись, Немо угадал в ней любимую Анадель. Она стояла прямо посреди полыхающей деревни, казалось еще чуть-чуть и ее поглотит пламя. Но Анадель стояла непоколебимо, навивающий смерть ветер теребил ее длинные смолистые волосы, на мгновение Немо уловил взгляд ее карих глаз, но ничего кроме предстоящего и неминуемого конца в них не читалось, ни страха, ни ненависти, ни боли, ни ужаса, ничего, только точная уверенность в грядущей гибели. Немо рванул к ней, не замечая ни Черных Рыцарей, ни палящего все живое на своем пути огня. Для него было важно лишь одно — поскорее обнять и успокоить любимую, но он не успел. Когда Анадель была уже совсем близко, протяни руку и ты почувствуешь ее нежную кожу, в этот страшный момент она сама прыгнула в огонь. Вмиг пламя поглотило прекрасное девичье тело, оно будто и ждало этого момента всю свою короткую жизнь, огонь окатил Анадель со всех сторон. Первыми полыхнули ее длинные прямые волосы, затем лицо исказилось в болезненной гримасе, только глаза остались такими же уверенными и бездонными, как раньше. Невольно, даже через сон, Немо овладел паническим страхом, только не еще одна потеря! Только не это!

Немо вскочил на ноги, отмахиваясь руками от страшных сновидений. Глаза, казалось, вылезут из орбит, все лицо переполосовало тонкими струями пота, будто кто-то окатил северянина ершом холодной воды. Чтобы вытереть пот не достаточно было привычного движения руки, без полотенца не справиться. Сердце Немо колотилось, пытаясь выпрыгнуть из тела хозяина, ноги тряслись, стоять было невозможно, и северянин снова упал на кровать. Все это длилось недолго, за считанные мгновения Немо овладел собой, поднялся на ноги, осмотрелся. Все спали, спали тихо и мирно.

Солнце еще только-только выпячивало свои лучи-пальцы, ночной сумрак еще и не думал рассеиваться, свежий прохладный воздух еще не успел смениться дневной жарой. Самое время для недолгой прогулки, самое время потешить душу прекрасным видом пробивавшегося сквозь тысячу преград рассвету. Это лучше всего сделать на берегу моря, Немо не смог отказать себе в этом, несмотря даже на ночные кошмары. Северянин двинулся привычной дорогой в Доки Травансаля. Улицы были по ночному пусты, еще несколько часов, или час, и на улицу выбегут тысячи людей, засуетятся в дневных делах и заботах, но большая часть горожан и приезжих все же двинется в Ирсихские поля, где сегодня будет проходить состязание конных воинов. Ни Немо, ни его спутники не возжелали даже присутствовать на этом состязании, варвары не славились умением конного боя, а Гефест и Немо отдавали предпочтение пешим поединкам.

Немо успел в гавань, как раз к рассвету. Удивительная картина открылась его взору. Водная гладь, ночную темень разрезают лучи непобедимого солнца, озаряют алыми дорожками морскую длань, срываю оковы тьмы. Постепенно над горизонтом показывает

свои кончики огненный диск, неторопливо вытягивается в полный рост, затмевая своим горящим телом водные просторы.

С востока взор Немо переправился на юг. Что-то притягивало его туда, какая-то неведомая сила, сила Обетованной Земли, или какая-то еще... не важно. Время текло молниеносно. Солнце уже высоко поднялось над горизонтом, жизнь вскипела в один миг, народ повалил в гавань, зашевелились корабли, одни поднимали паруса и покидали Древнюю Столицу, другие — таковых было гораздо больше — причаливали. Время шло неумолимо, надо было возвращаться в трактир, где Немо уже, наверняка, ждали...

Солнце все больше и больше набирало свою силу, ночь уже давно канула под лучами огненного света, воздух начал накаляться, еще пару часов и солнце будет стоять в зените, погребая Древняя Столицу в знойном одеяле. Дышать становилось все тяжелее и тяжелее, каждый вздох обжигал горло, застревал терпкой массой в легких. Немо приближался к трактиру, мгновение и дверь открыта, из общей залы повеяло терпким кисло-сладким запахом свежего пива вперемешку с благоговением от сотни яств и крепкого северного вина. Северянин встретил своих друзей именно в гостевом помещении. Варвар и кузнец сидели в конце залы, это место им нравилось больше всего: из него видно весь трактир, а тебя заметить нелегко, ближе всего окно, в темном углу было всегда свежо и приятно, и в дневную жару, и в ночную прохладу. Квал-Тарр мирно потягивал подаренную кузнецом трубку, одним махом допивая из дубовой кружки последние капли пива. Гефест обхвативши обеими руками голову сидел перед большой кружкой пива на удивление полной до краев, низко опустив в нее глаза.

— Как самочувствие? — поинтересовался Немо, подходя к столику своих друзей.

— Замечательно! — и Гефест, и Квал-Тарр сказали это одновременно, только голос варвара был бодр и весел, а кузнеца, наоборот, устал и тяжел, казалось, вот-вот и он рухнет с головой в свою кружку пива, оттого, что не сможет удержать отяжелевшую голову даже двумя руками.

— Что отец, вчерашнее пиво сегодня выглядит не таким приятным?! - попытался пошутить Немо.

— А кошмары вновь ведут на море?! - защитил беспомощного Гефеста варвар.

— Да... именно туда. — понижая голос ответил Немо. — сегодня мне снилось... отец... мне снилась Анадель. Ты знаешь... мои кошмары... я уже не раз рассказывал тебе их, но этой ночью они изменились. В них появилась она... Анадель. Стояла прямо посреди деревни, огненные язычки уже лизали ее смуглое тело. Я подъехал к ней, а она прыгнула в огонь!

— Не захотела с тобой говорить? — злорадствовал Квал-Тарр.

— Хватит! — терял терпение Немо — Я рассказываю это не для потехи! Если не хочешь слушать, выметайся! Или хочешь клинок под ребро?! Забыл?!

— Да уж не припоминаю! — зарычал варвар.

— Успокойтесь! — поднялся на ноги Гефест, вмиг из голоса исчезла вся усталость, теперь металлические нотки так и парировали в нем, казалось весь зал замер от громового голоса — Сколько можно вас примерять, совсем недавно это делать приходилось Немо, а теперь что, моя очередь? Хватит вы оба! Понятно?!

— Мир? — протягивая руку, изрек Квал-Тарр.

— Мир! — пожимая варвару руку, парировал Немо.

— Ну, вот и отлично! — отозвался Гефест — Я уж думал, и впрямь друг другу брюха вспороть решитесь!

— Да куда нам?! - выдавил улыбку варвар.

— Я вот к чему клоню, — продолжал Немо — Этот сон, я чувствую беду над Нимфеей, мне надо возвращаться.

— Куда?! - удивился кузнец.

— В Нимфею. — коротко ответил северянин.

— Но зачем?! - не унимался Гефест.

— Я не могу объяснить, мне просто надо туда и все!

— А как же "непроходимая стена"? — вдруг отчеканил Гефест, странно было это слушать от того, кто всегда был против решения Немо испробовать себя в опасном испытании.

— Подождет! Сколько еще будет этих турниров! Когда-нибудь, может, и пройду «стену», а сейчас меня тянет домой. Что-то там происходит. Я должен, должен быть там.

— Но сын!

— Никаких "но".

— Ты забыл о своей ответственности, парень! — вмешался в разговор Квал-Тарр — После турнира ваш путь лежит в Кураст, или ты хочешь, чтобы твой отец сам проделывал этот путь, из-за того, что у тебя какие-то там подозрительные чувства?! Не смеши людей! Хочешь сорваться к любимой так и скажи, не ломай здесь комедий!

— Я и не ломаю! — обиженно опустил голову Немо, ему подумалось: "А ведь варвар прав. Нет, не в том, что мне просто хочется сорваться с места и быстрее примчаться к Анадель, нет... хотя и это тоже... главное — какие-никакие, но обязательства перед отцом у меня все-таки есть. Нет, Нимфея подождет, я вернусь, как только так сразу, а пока... будь, что есть!"

— Эй! Малыш, принеси еще кружку пива, а нет, две и поживее! — крикнул на мальчика-слугу Квал-Тарр, после чего обратился к Немо. — Ты садись, стоя мыслит только мерин. А то гляди! Встал тут, как вкопанный, еще и крики-оры устраивает!

"Меткий стрелок", как некоторые из зрителей стали называть северянина, присоединился к друзьям.

— Но, все равно, после турнира поторопимся, хорошо, отец? — умоляюще выдавил из себя слова Немо.

— Значит, ты остаешься? — парировал кузнец.

— Да! — коротко ответил северянин.

— Ну, вот и отлично, а поторопится я и сам не прочь. Восток хорошо, но хуже дома!

— Тогда, может позавтракаем? Предложил варвар — Мы же Немо ждали, а вот он, явился не запыхавшись!

Целый день Немо и его спутники бездельничали, шутили и пили пиво, играли в ножички и курили трубки. Турнир же шел своим чередом, но идти наблюдать никто не захотел. К вечеру пришла новость о новом победителе. Тот самый, кто проиграл в состязании на мечах в финале, — Артрест! Но откуда он овладел мастерством боя на конях? Гефест такому точно не учил! Может, за то время пока Артрест был начальником Нимфейской армии, он научился этому? Кто знает.

— Зря мы не пошли. — сказал Немо — Хотел бы я посмотреть на мастерство Артреста.

— И что бы ты увидел? Ничего! — парировал варвар, на этом дискуссия была окончена.

Отдых изматывает! От безделья у всех начали болеть бока и чесаться руки, но делать было категорически нечего. На пиво наседать нельзя, тренироваться во дворе тоже. В конце концов, оставалось только убивать время в комнате, лежать на застеленной кровати и плевать в потолок.

Пришла и ушла ночь. Огненное светило вновь возшло над Древней Столицей. Предпоследний, четвертый день турнира постучал в окно. Никто уже не спал, ночь выдалась на удивление спокойной. Немо не беспокоили жуткие тени прошлого, находившие лазейки в этот мир через сновидения. Пропала и вчерашняя тревога, которая даже после разговора с отцом не покидала северянина. Чувство полного умиротворения и спокойствия засело глубоко в душе северянина, этому он был только рад.

— Пора на Ирсихские поля! — как гром прокатились в сознании Немо слова Квал-Тарра.

Снова на поле, где лесные стражи загородили живым частоколом место турнира (он только начинался и заканчивался в стенах города, только состязание лучников и

"непроходимая стена" проходили в Травансале, остальные три вида — в Ирсихских полях). Опять тройной стеной люди оградили поле, опять хан сидел на своем «пьедестале», снова три десятка телохранителей окружили его живой стеной.

Первыми на арену вышел высокий худощавый человек. До этого в самом центре поля вколотили огромный деревянный столб, длиной локтей в восемь, на две трети вбитый в землю. Участник быстрым прыжком взлетел на лошадь (таким здесь никого не удивишь), в руке его завертелся аркан. На полном скаку воин с арканом набросил чудо-петлю на столб и с небольшим усилием вырвал его из земли, глыбы грязи разлетелись во все стороны. Небольшой ком земли упал прямо рядом с Квал-Тарром, который все-таки смог протиснуться в первые ряды. Толпа аплодировала, но как-то вяло, нехотя.

Сделали свое дело еще несколько участников прежде, чем на арену смог пробраться Немо. Для его представления понадобилось тридцать одинаковых мечей, на эфесе каждого было по небольшому сквозному кольцу. Такие мечи были у каждого воина хана, поэтому достать их было несложно. Их воткнули в землю, на одну длину, расстояние между мечами было в полтора-два шага. Немо стал на одном конце полосы мечей, на другой поставили, точнее, посадили, человека с яблоком на голове, за ним стояла тонкая черная палка, тоже вбитая заранее по линии колец эфесов. Северянин взял лук... вложил стрелу... натянул тетиву... щелк! Стрела летит прямо в тонком промежутке колец, пролетела все тридцать мечей, звеня оперением о каждый из них, но, не теряя скорости, вылетела наружу, пробило яблоко насквозь, подхватило его с собой и врезалось точно в тонкое черное древко. Люди заверещали от удовольствия, такого еще никто никогда не видел. Немо не готовился к вольному состязанию, все, что он сделал, было спонтанным, северянин действовал по наитию, и оно не подвело.

Не успел Немо удалиться, как его подхватила рука варвара. "Ты мне pomoжешь!" — услышал северянин тихий голос варвара.

— Мне нужны еще четверо лучников! — выкрикнул Квал-Тарр, только после знаменитого варварского голоса стихла довольные крики и возгласы толпа адресованные Немо. — Четверо лучников! — повторил Квал-Тарр — Не уступающих в мастерстве этому! А если и уступающим, то не на много!

Желающие нашлись, двое из финалистов первого состязания, еще двое из лучших лучников хана. Мишеней не было, ею должен был стать варвар. Квал-Тарр зажал в обеих руках по длинному мечу. В качестве предосторожности стрелы взяли не с обычными наконечниками, а с тяжелыми набалдашниками округлой формы, такой мог сильно зашибить, но ранить — нет. Выпущена первая стрела. Едва различимое движение меча в руках варвара и она упала на землю у ног Квал-Тарра. В следующее мгновение вылетело сразу четыре стрелы, но и они беспомощно повалились наземь. Лучники не переставая били и били из своих луков, но все безрезультатно. Там, где не успевал меч Квал-Тарра, успевала его ловкость. Он быстро увертывался от одной, другой, третьей стрелы. Потом руки Квал-Тарра разогнались настолько, что мечи и вовсе пропали из виду. Казалось, что варвар размахивает безоружными руками в каком-то таинственном заклинание, способном отбивать стрелы. Колчаны лучников были набиты доверху, поэтому прекращать обстрел никто не собирался. Если варвар помедлит хоть секунду, то на него в один миг посыплется целый град из больно жалящих, хоть и не смертоносных стрел. Но медлить варвар и не собирался. Наоборот. Он даже не думал ждать, когда опустеют колчаны лучников, он медленно, но уверенно пошел к стрелявшим, расстояние становилось все меньше и меньше, а стрелы по-прежнему беспомощно отталкивались от мечей, рубились пополам, падали на землю грудой ненужного дерева. Уже десять шагов разделяет варвара от лучников, но он не дрогнул ни на миг, продвигался дальше. Девять, восемь, шесть, пять шагов. Стрелкам пришлось отходить в разные стороны, но и они не собирались сдаваться. Пятерка лучников окружила Квал-Тарра со всех сторон, продолжая стрелять почти в упор, но и это не подействовала на варвара. Квал-Тарр стал крутиться вокруг себя, как волчок, и опять стрелы беспомощно валились на пол. Все кончилось только тогда, когда последняя стела рухнула в ногах варвара. И лучники

и хан, и все, кто был на Ирсихском поле, все замерли от удивления. Квал-Тарр спокойно начал уходить с поля состязания, как ему в спину огромным гомоном закричали тысяча голосов. Варвар преклонил голову в небольшом поклоне перед публикой и ушел в сопровождении Немо к остальным участникам, которые уже показали свое мастерство и стояли возле «пьедестала» хана.

Следующим вышел на турнирное поле Гефест. Его фокус был проще, но не менее красочен и эффектен для толпы (ведь в этом конкурсе судит именно она). На расстоянии в тридцать шагов стоит мишень, на поясе кузнеца перевязь метательных ножей, две таких же крест на крест на груди. Всего на теле кузнеца насчитывалось семнадцать ножей, и по одному в каждой руке. Гефест застыл в боевой позе, секунда... вторая... третья... и все началось. Кузнец выпустил первый нож, замельтешили руки, вытаскивая и пуская в один момент ножи. За несколько секунд, даже доли секунд, перевязь на поясе опустела. В дело пошли нагрудные ножи... простой человек и глазом бы не успел моргнуть, а ловкие руки кузнеца и его меткий взгляд уже выпустили все ножи. Первый еще не успел долететь до мишени, а все остальные были уже в пути к заветной цели. Мгновение и все восемнадцать ножей обрушились на мишень градовой силой. Вот это скорость! Вот это меткость!! Первый нож точно поразил центр мишени, остальные же сделали небольшой круг по ее линии.

Толпа застыла в замешательстве, все произошло настолько быстро, что почти никто сразу не понял, что именно произошло. Но замешательство длилось недолго, сначала один одобрительный голос раздался из толпы, потом его подхватили все остальные, сочетаясь в один истошный монотонный крик-вопл. Гефест трижды поклонился толпе, поворачиваясь во все стороны, и присел на одно колено перед ханом. Хрисаах тоже аплодировал, хотя этот трюк в исполнении кузнеца видел он уже не единожды. Гефест нередкий гость на турнире, а показывать каждый раз разное не представлялось возможности, но каждый раз находились те зрители, которые еще ни разу не видели мастерство кузнеца в метании ножей, и каждый раз толпа сливалась в один многоголосый рев.

Желающих поучаствовать в состязании больше не было, все претенденты на победу выстроились в один ряд, так, чтобы каждый из зрителей мог их увидеть. В этом состязании победителей выбирала толпа, хоть и с согласием хана.

Тех, кто показывал свои способности в последнем публичном состязании было не много, от силы два десятка. После долгих колебаний, выкриков толпы в одобрение разных претендентов, хан решил присвоить победу сразу трем участникам (по правилам турнира победителей в этом состязании могло быть четыре): Квал-Тарру, как самому ловкому во владении с мечом, Гефесту, как самому быстрому и меткому в метании ножей и Немо, как самому лучшему стрелку из лука. Хрисаах отметил, что северянин уже дважды подтверждает за собой звание "лучшего стрелка".

Завтра последний день турнира, последнее состязание, самое сложное и опасное, — смертельно опасное! "Непроходимая стена", "смертельный туннель". Название говорит само за себя! Участвовать там могут только победители в отдельных состязаниях, а ведь их не так уж и много — в стрельбе из лука победил Немо; в состязании мечников — Квал-Тарр; в конном состязании удалось вырвать победу Артресту (кстати, на вольном состязании его не было, а ему было, что показать); в вольном состязании победили все те же Квал-Тарр и Немо, только к ним добавился Гефест. Ни Гефест, ни, наверное, его кровный сын в «стену» не полезут, по крайней мере Артрест никогда не горел желанием туда зайти, хотя возможности, как победителя были. А вот Квал-Тарр твердо решил испытать себя, пройдя через "смертельный туннель", один Немо метался из стороны в сторону, никак не в состоянии решить стоит или не стоит рисковать жизнью ради... ради чего?

Вечер и ночь... они тянулись в долгом ожидании, трудных размышлениях для Немо. Остальные спокойно спали, Гефест не забыл и отметить свою победу хотя бы в одном состязании кружечкой пива (все равно он в «туннель» идти не собирается, чего силы копить?), Квал-Тарр спал, как младенец, даже ладонь под голову положил, а Немо не мог сомкнуть глаз... не мог уснуть! Мысли не давали покоя, пробивали себе дорогу в самые

глубинки сознания и упорно не хотели оттуда выходить. Все они смешались в непонятную кашу, то одна, то другая мысль ловко впрыгивала в сознание, над ней приходилось долго задумываться... мысли все быстрее и быстрее стали крутиться в голове и в один миг рассыпались в мириады светлых горящих частичек... Немо уснул...

Рассвет и пробуждение встретили Немо новым сплетением сетей, какого-то нового, доселе неизвестного чувства необратимой беды, предвкушающей неминуемую опасность, плотного страха, который поглощает серой дымкой все сознание, заставляет биться тело в неуправляемых болезненных агониях. Чувство предопределенности и нестерпимого страха. Оно застревало непроходимым комом в горле, затмевал глаза, так что не было видно ничего, кроме темных язвенных пятен. Немо не мог не объяснить это чувство, не перебороть его, оно жило в теле северянина своей жизнью, полной мерзкого липкого страха, страха, страха. Немо не мог отвечать на вопросы друзей, он не мог скомандовать своему телу что-либо, ноги сами шли туда, куда направляло чувство, оно вело на дворцовую площадь, где разместился последний барьер турнира, последнее испытание — "непроходимая стена". Странное чувство не покидало, только разгоралось с новой силой, окутывало пеленой ужаса сердце, ныло неумолимой болью в груди.

Северянин не слышал слов Хрисааха, который уже ждал победителей перед входом в туннель — туннель смерти. Только теперь Немо смог различить, что в его душе нависла пелена смерти, именно смерти, но точно не его, чьей-то чужой. Глаза северянина бегали блуждающими огоньками, взгляд метался с хана на вход в туннель, с отца на варвара (Артрест, как победитель, не пришел на последнее состязание, а народу не было и подавно, на состязание "непроходимая стена" посторонних не пускали, была еще какая-то девушка, пять врачей и столько же лекарей, хан был без свиты и охраны). Для оцепеневшего Немо ничего не значил шаг вперед Квал-Тарра, а вот для варвара он значил многое: он ступил на первую ступень, опускавшуюся в туннельный проход, пути назад для него не было, тот, кто вошел в «туннель», мог выйти, только если он пройдет весь путь. Вернуться — нельзя, повернуть — нельзя, путь только вперед, вперед к неминуемой смерти. Варвар зашел вовнутрь, силуэт еще немного задержался и исчез в темноте туннеля, в руке факел, в другой меч, по правилам ни доспехов, ни чего-нибудь в этом роде не разрешалось.

Выразительное, но непонятное чувство Немо усилилось, уже полностью покорив сознание северянина, заставляя биться сердце с огромной сложностью, каждый удар ему давался с невыносимым трудом, глаза не видели ничего дальше собственной руки, полный мрак окутал Немо с головой. Не помогали ни яркие лучи солнца, ни пылающий возле лица факел, машинально зажатый в левой руке, в правой откуда не возьмись, блестело лезвие меча, жаль Немо этого не ощущал.

Шли минуты... варвар не выходил, Гефест насторожился, а Немо по-прежнему не мог справиться сам с собой, в душе у него разразилась нешуточная битва.

Все прервал неистовый крик Квал-Тарра. Казалось, он разразился из-под земли и в тоже время впереди, сзади и сбоку. Цепи, сковывающие сознание Немо, вмиг рухнули, разорвались на мириады осколков, остался только жуткий, скорее всего посмертный крик варвара. Что могло заставить закаленного в боях варвара так закричать? Северянин опомнился. Вырвался из оков беспамятства, выбросил из сердца неизвестное невиданное чувство. Что делать? Вперед! Вперед в "непроходимую стену"!

Немо рванулся в темный проход туннеля, факел полыхнул и его огонек исчез за резким поворотом. "Смертельный туннель" закрыл свою ненасытную пасть перед уже вторым за сегодня посетителем, которым вырваться из жерновов смерти — если приуменьшить — ой как непросто! Теперь на каждом шагу Немо подстерегала смерть...

Через несколько минут, которые тянулись, как вечность, Гефест услышал еще один истощенный вопль, будто тело перемалывают в тесных жерновах! Это был крик Немо, посмертный крик...

Гефест рванулся в сторону туннельного прохода, но его остановила чья-то сильная худощавая рука. Прежде, чем кузнец успел оглянуться, он услышал чистый и мелодичный

голос, струившийся, как нараспев. До боли знакомый голос:

— Его судьба в его руках, ни ты, ни кто-либо еще не в силах что-нибудь изменить! Даже я здесь беспомощен... если ты бросишься очертя голову туда, где, по-твоему, умирает сын, то погубишь обоих, а сейчас еще есть шанс и есть надежда!

— Это ты?! - обернувшись, провозил не своим голосом Гефест.

Время поглощает все, оно забирает даже последнюю память, когда она начинает мешать; время залечивает страшные раны потерь и утрат, когда сердце разрывает на части боль; время заставляет тебя обдумывать твои поступки, когда ты сделал что-то неправильно; время — это тысячелетия и столетия, десятки лет, считанные дни, но иногда даже жалкие минуты выливаются в годы, когда ты ожидаешь возвращения сына — пусть даже не родного — который пошел в самое пекло судьбы, который ступил на путь смерти, а ты ничего не можешь сделать, ничего не можешь изменить и никак не можешь помочь...

Время секунда за секундой уползает все дальше и дальше тоненькой змейкой, вместе с ним пропадает вера, гаснет надежда...

Гефест стоял в мрачном оцепенении, смертельном ожидании. Его сына поглотили темные призрачные ходы туннеля, из которого не выходил ни один из живущих на этой земле. Спасет ли простая случайность? Поможет ли удача? Будет ли угодно Судьбе, чтоб Немо вышел из "смертельного туннеля"?

Случай, удача и Судьба оказались на стороне Немо. Полчаса невыносимого ожидания для Гефеста были окончены. Вырвавшись из самой пасти Старухи, Немо смог выйти даже не один, он вытащил на своих плечах Квал-Тарра. Варвар был без сознания, из груди показывали свои древки три чернооперенные стрелы, одна пронзила плечо насквозь. К прошедшим туннель поспешили лекари и врачеватели, которых на этом состязании было с излишком. Варвара тут же куда-то унесли, Немо проверили с ног до головы, но не нашли даже маленькой царапины, только две ссадины на коленях. Гефест быстрее врачевателей подбежал к сыну, самолично ощупывая каждый участок его тела. Но тоже не нашел ничего серьезного.

— У нас появился Чемпион! — когда закончили свое дело лекари произнес Хрисаах.

Хан вплотную подошел к Немо и положил ему руку на плечо.

— Честно сказать, я сомневался в тебе, но ты превзошел все мои ожидания. Но... почему... почему ты закричал?

— Э-э, я не хочу об этом говорить, простите. — Немо покраснел.

— Будь по-твоему. Самая красивая девушка Востока теперь принадлежит тебе, принадлежит как жена и рабыня!

— Но... — Немо умолк, его взору предстала богиня среди людей; высокая и стройная девушка; большие голубые глаза (редкость для востока) смотрели, не таясь, в глаза северянина. Взгляд девушки был прозрачен и чист. Он казался Божественным! Длинные густые смолянистые волосы ниспадали на грудь, своими локонами прикрывая ее наготу; широкие бедра так и молили о прикосновении, полные губы жаждали поцелуя, искренняя улыбка привораживала, показывая на точном лице две маленькие ямочки. Руки Немо сами просились прикоснуться к девушке, его губы не могли выдержать расстояния, которое отделяло их от нежных девичьих губ, они всеми силами рвались к девушке, мечтая слиться с ней в нежном поцелуе. Все существо северянина тянулось к восточной красавице, ее божественной красоте мог сопротивляться только разум, но...

Перед такой красотой не мог устоять никто, никто, кроме искренне любящего.

— Я не могу стать мужем этой девушки, мое сердце уже отдано другой, она ждет меня, и я не могу предать ее. — в Немо говорил разум, его сердце и душа уже всецело были отданы прекрасной деве, которую он выиграл, как чемпион турнира.

— Это твое решение, но для чего же ты тогда шел на этот риск?! Название "смертельный туннель" говорит само за себя, но ты отважился. Ради чего?! - говорил хан, удивляясь настолько, что стал захлебывался в словах.

— Самоутверждение. Слава. Есть много причин по которым я зашел бы в туннель. Но

сегодня причина всего одна — жизнь моего друга, я не мог позволить ему умереть, не мог не помочь ему. — цедил слова Немо, не в силах оторвать взгляда от девушки, не замечая даже взволнованного отца и пораженного Хрисааха.

— А ведь награда заманчива! — парировал хан.

— Не спорю. — твердо ответил Немо отводя взгляд от восточной красавицы.

— Так... но я все равно не могу оставить тебя без награды. Что же тебе предложить? — размышлял вслух Хрисаах. — Что же предложить? Ты сам выберешь себе приз! — любую из вещей, которая есть в моей сокровищнице!

— Так уж любую?! - задумчиво спросил Немо.

— Да. — коротко ответил хан, действительно поразительный правитель, стоит посреди площади даже без охраны, разговаривает с простым кузнецким подмастерьем — хоть и победившем в турнире — как на равных! Не требует величественных речей и полностью обдуманых и взвешенных слов, и сам не отягощает себя этим! Поразительно.

— Я знаю, в сокровищнице хана, — начал на удивление помпезно Немо — есть старинный и могущественный артефакт, его предназначение известно одному Владыке. Именно он распорядился, чтоб эта вещь лежала в ханской сокровищнице, эта вещь — Слава Ондала. Я хочу получить его как приз.

— Что?! - изумился Хрисаах.

— Хан не сможет дать тебе этот артефакт. — тихо произнес Гефест, до этого момента не влезавший в разговор. — Ты сам сказал, что Владыка решил, кому будет принадлежать эта часть доспех, поэтому не в силах изменить здесь что-либо. Забрало не может покидать ханской сокровищницы.

— Поразительно! Похоже здесь один я чего-то не знаю. Даже отец и тот слышал о доспехах... каких доспехах?! Что они из себя представляют? Кому они принадлежали и почему так свято хранятся? — задавал вопрос за вопросом Немо, но не решался говорить их в слух, поэтому ответов было ждать неоткуда.

— Слава Ондала... Слава Ондала... — повторял слова, как заклинание Хрисаах, как вдруг ему в голову постучался чей-то другой голос, старый, знакомый голос: "Поступай, как знаешь. Не обращай внимания на запреты, они уже бессильны. Сила в руках могучих, и ты можешь или сдержать силу и остаться глупцом, или отдать сокровище и спасти многих, тем самым, став мудрее. Решай сам!", — Слава Ондала... Слава Ондала! — в конце на удивление четко и твердо изрек хан — Да шлем будет твоим, слово хана закон, я дал его и забрать назад уже не в силах! Но все же спрошу, не хочешь ли ты что-нибудь другое, уж слишком долго лежал Шлем в ханских сокровищницах, он уже успел покрыться не одним слоем пыли, но от этого не потерял своих качеств, так все же — может что-то другое?!

— Нет, только Слава Ондала. — ответил Немо.

— Сын! Ты не може... — Гефест не успел договорить, его прервал спокойный голос хана.

— Я не могу так просто принести его сюда, приходи завтра утром, ну, или сегодня ночью. И ты получишь свой приз! А от девушки все же не спеши отказываться, чует мое сердце, вы еще встретитесь!

— На все воля Владыки. — парировал Немо, его взгляд вновь скользнул по изящному телу девушку, остановился на ее глазах, только теперь северянин понял, что девушка не на секунду не отводила от него взгляда. Все время она трепетно наблюдала за каждым малейшим жестом, движением руки или рта Немо, она жадно глотала все его слова, хотя разобрать о чем говорят все эти люди, вряд ли, у нее получалось. Северянина еще больше потянуло к этой девушке, а ведь он о ней совсем ничего не знает, он даже не знает ее имени!

— Как тебя зовут, прекрасная дева? — как можно элегантнее и торжественнее выговорил Немо на восточном наречии, которому его обучил старина Малах.

— Ашера. — тихо и скромно ответила девушка.

— Сколько тебе лет? Где ты родилась? Кто твои родители? Как попала сюда? — не умолкал Немо.

— Не сильно наседай на девушку, иначе я подумаю, что ты решишь взять и Шлем и ее! — ухмыльнулся Хрисаах. Но северянин не обратил на ухмылку хана никакого внимания, только так сверкнул глазами, — которых опять не отводил от девушки — что могли затрястись Корни Земли. Немо не пришлось повторять свои вопросы, после небольшой паузы девушка вновь заговорила, полился нежный трепещущий голос, словно тоненький ручеек, разбивающийся о твердые скалы; полилась звонкая музыка голоса, словно тысячи трелей слились в одну Божественную мелодию, поражающую слух своей красотой. Когда девушка заговорила, воздух наполнился тихим звоном Небесного колокольчика, вокруг нее заиграли в непонятном танце солнечные лучи. Даже ужасное место, где сейчас находились хан, Немо и Гефест, наполнилось чудодейственной гармонией. Тихие и простые слова, даже немного болезненные забежали в уши, продирались в мозг, затуманивали своей созвучностью сердце. Перед Немо стояла богиня, богиня во плоти, и все в ней было прекрасно и гармонично, грациозно и царственно, и тело, и движения, и голос.

— Мне шестнадцать, родилась я в Травансале, в семье воина. Отец умер на войне, мать умерла от болезни. После смерти родителей за мной ухаживала моя старшая сестра, но она вышла замуж и теперь я осталась совсем одна. Попала сюда я очень просто, я еле добралась до столицы — Кураста — приняла участие в подборе девушки для чемпиона турнира. Победила. Меня привезли обратно в Травансаль, и вот я здесь.

— Ясно, я Немо, сын Гефеста и сын Неромо, моя история не красивее твоей, но, чтобы рассказать ее понадобится куда больше времени, поэтому я лучше промолчу. На вопрос, почему у меня два отца, ответить не сложно, Неромо — мой родной отец, он погиб, а Гефест — это отец, который меня воспитал, научил всему, что я знаю.

— Может, ты расскажешь свою историю мне? — вмешался в разговор Хрисаах, — Я не прочь услышать ее, к тому же я ведь должен знать, к кому уходит Древняя Восточная Реликвия!

— Да, когда я смогу поведать тебе свою жизнь? — словно старому другу, ответил Немо.

— Вечером, сегодня вечером. Заодно и получишь свой Приз.

— Хорошо.

— И все-таки, почему ты закричал? — поинтересовался хан.

— Не при девушке, — коротко ответил Немо.

— Ты можешь идти. — обратился к Ашере хан.

— До встречи, Немо. — прежней музыкой полился девичий голос, северянин не ответил, лишь в прощальном жесте приклонил голову. Девушка ушла. Немо подождал, пока Ашеру не скрыли улицы города, и потом с некоторым запозданием ответил на вопрос Хрисааха.

— Крысы, всему виной эти туннельные крысы, я не уважаю их с самого детства. — краснея ответил Немо.

— Крысы?! - удивился хан — Вот это воин! Пройти испытание сложнее из сложных, и испугаться крыс! Да-а... я удивлен!

Дворцовую площадь огласил громкий хохот Хрисааха и Гефеста, чуть позже к ним присоединился и лучистый смех Немо...

Глава VIII. Дорога в Кураст

Ноябрь, 1484, Травансаль-Кураст, Восточное Ханство

После невероятной победы Немо, прошло уже три дня. Весть о появлении Чемпиона уже успела облететь всю Древнюю Столицу, уже не в редкость для Немо были перешептывания и вежливые поклоны, когда он выходил на улицы города, нередко его угощали свежим пивом, когда он посещал трактир. Почти каждый в городе уже знал победителя в лицо, знали, что он отказался от Восточной красавицы, ходили даже слухи, что Чемпион увезет с собой Восточную Реликвию. С передачей же Славы Ондала хан тянул, все

время продлевая и продлевая тот день, когда у Шлема появиться новый хозяин.

Немо частенько заходил к Квал-Тарру, варвар быстро шел на поправку, но сам ходить еще не мог, слишком уж непросты были те ранения, которые он получил в "смертельном туннеле". Стрелы были отравлены. Квал-Тарр чудом остался жив, но варвар был слишком силен и телом, и духом, чтобы какой-то там яд смог забрать его жизнь.

Немо постоянно говорил с варваром, в основном ни о чем, но иногда разговор заходил за Славу Ондала, каждый раз при этом лицо Квал-Тарра менялось. Из обычного веселого и радостного, становилось угрюмым и болезненным. Немо делал вид, что не замечал.

Северянин рвался домой, но предстояла еще дорога в Кураст, а что-то творилось в Южной Короне, в Нимфее, что-то о чем никто не знал. С юга приходили вести, но ни одна не стоила и ломанного гроша, простые сплетни. Немо волновался, его тревожили мысли и догадки, надо было быстрее возвращаться, но... есть большое «но» — долг перед отцом и долг ожидания, без Приза Немо возвращаться не хотел.

Время текло неумолимо, каждый день был однообразен и типичен. Северянин пытался загладить тревогу, сидя на берегу моря, но после Чемпионства это стало очень сложно. Немо не оставляли в покое чужие взгляды, слова, жесты, каждый норовил пожать руку, дернуть за плечо, мальчишки не отходили, преследовали северянина по пятам. Все это не давало думать, тревожное чувство не покидало Немо ни на миг, даже во сне его переносило в ужасающие места, по сравнению с которыми резня в Найнлоу могла показаться детской игрушкой. В одном из снов появилась Анадель, она манила его рукой, но Немо не мог пошевелиться, он словно врос в землю, ноги налились свинцом, отяготели. Не было сил сделать даже один шаг, а Анадель все звала, звала за собой. Потом жуткие язвы повзбужали кровавыми пятнами на ее лице, по нему прокатилась болезненная гримаса, девушка упала, вмиг ее тело стал разъедать неведомая мила, Анадель словно таяла. Ни с того ни с сего разыгравшийся, сумасшедший ветер, кусочек за кусочком срывая с девушки плоть, оставляя от прекрасного тела одни кости, но и они вскоре превратились в прах, их подхватили невидимые руки ветра и унесли за собой. Немо продолжал стоять... один посреди выжженного поля, так и не в силах шевельнуться...

На этом сон заканчивался.

Время уходило, каждый день был на счету, а дни все шли, шли... и шли без толку.

Приближался еще один вечер, приближалась еще одна встреча с ханом в его дворце. Может, на этот раз Немо посчастливится и он, наконец, получит свою награду? Северянин направился в ханский дворец в сопровождении Гефеста. Кузнец не одобрял желания Немо получить Славу Ондала, всеми путями хотел отговорить сына, но он был неуклонен. Снова ноги ступали по уже изученным дорожным камням, тесно сбитыми друг с другом. Снова перед глазами встал дворец во всей своей красе. Многочисленные купольные башни, высокие резные ворота, три десятка стражей, несущих днем и ночью вахту на входе в ханский обитель. Снова капитан ведет их в необъятный обеденный зал, где уже ждет своих гостей сам хан. Это процессия было не в первой, точнее уже в четвертый раз. Немо и Гефест сели на насиженные места напротив хана. Красивые девушки-служанки тенью выпорхнули из всех арок в дальнем конце залы, неся с собой разные яства, аккуратно выставляя их на длинном дубовом столе. За несколько секунд стол стал ломиться от приборов и еды. Девушки отточенными до автоматизма движениями скрылись из залы, также легко и воздушно, незаметно и изыскано.

В огромной пиршественной зале осталось всего трое. Даже вездесущих телохранителей хана не было, что было непривычно и нетрадиционно.

— Приветствую вас почтенные гости! — как-то непривычно торжественно начал хан — Немо, твои ожидания скоро прекратятся, твоя награда при мне, подойди и возьми ее!

Немо встал, не спеша подошел к хану, только теперь он разглядел шелковую тряпицу, которой был накрыт округлый предмет. Хрисах протянул его северянину, Немо немного помедлил и взял Славу Ондала. Шелковая ткань, покрывавшая артефакт, слетела сама собой, в руках Немо остался только точно и грациозно сработанный Шлем, он полыхнул в руках

северянина ярким, слепящим голубым светом. Пронзительное сияние озарило всю комнату, пробиваясь непринужденными лучами в самые потайные уголки залы. Хану и Гефесту пришлось прикрыть глаза руками, Немо же не отводил глаз от своего приобретения. Свет поглотил все вокруг, но вскоре он померк и превратился в ничто. Снова затрепетали огоньки пламени на настенных факелах, засветили закатные лучи солнца в высокие окна.

— Что это было?! - удивленно проворопил Гефест, когда свет опал.

— Я не знаю, такого никогда не происходило... никогда! — взволновано отвечал хан.

— Немо, что это? — не отводил взгляда от сына Гефест.

Северянин не отвечал. Смотрел стеклянным взглядом на четкие грани Шлема.

— Немо! — крикнул Хрисаах, пытаясь выхватить из рук северянина награду.

— Все в порядке, — отводя реликвию подальше от рук хана, протянул он в ответ. — У меня такое ощущение, будто я уже где-то видел этот Шлем. Но где? Его сила мне знакома. Но откуда? Его свет помнит меня, он узнал мои руки, почувствовал мою душу. — голос Немо звенел металлом, огромная сила появилась откуда-то в нем.

Вставая и отводя Гефеста в дальний конец трапезной залы, хан тихо прошептал:

— Может, это Он?! - говорил он так тихо, что не услышали б даже стены. — Это объяснит его победу.

— Нет, не думаю. Уж я-то с Малахом узнали б об этом первыми.

— Но Малах в здесь! Ты не забыл?! Он ни разу не покидает Нимфею за долгих десять лет. Объясни, какие силы могли заставить его покинуть добровольную ссылку? До сего дня я не думал, что такие силы существуют. Но Малхазтофей тут!

— Да. И он скрыл от Немо свое пребывание в Древней столице. Все это очень странно.

— Странно, но у нас есть лишь догадки. Что сказал тебе Малах, когда остановил перед входом в "туннель"? — еще больше понизил голос Хрисаах.

— Ничего конкретного. Сказал, что Немо сам творец своей судьбы, приказал не вмешиваться.

Хрисаах уставился пол, словно найдя в нем то, что искал. Несколько мгновений стоял молча, что-то натужно обдумывая.

— Я больше не смею задерживать вас в Травансале. — громко выговорил хан, поворачиваясь лицом к Немо, стоявшим в двух десятках шагов. — Я могу предложить вам поехать в Кураст со мной. Там меня ждут неотложные дела. Знаю, ваш путь лежит на торги в Курасте. Дорога в сопровождении моей личной охраны убережет вас от случайных стычек. Но кроме этого вы можете продать свой товар мне, тогда необходимость в долгой поездке отпадет сама собой. Ценой я не обижу.

— Спасибо за великодушие, но у нас договор с северянами, которые дали нам защиту по пути в Восточное Ханство. — Гефест выкрикивал слова у самого уха Хрисааха — Мы не можем нарушить данного слова, поэтому обязаны ехать в Кураст. Что же до поездки с самим ханом... нам надо спешить, как знает хан, каждый день на счету, а мы и так слишком долго просидели здесь. Моего сына не покидает тревожное чувство, и избавиться от него можно, только добравшись в Нимфею.

— Значит, вы отказываетесь от моего сопровождения?

— Да, — коротко ответил Немо, бросая быстрый взгляд на отца.

— Да, — повторил Гефест. — Не смеем отягощать хану его путь в Кураст. — беседа наполнилась какой-то официальнойностью.

— Причина конечно не в отягощении, — сделал упор на последнее слово хан — Но я и сам понимаю, что сильно вас задержал. Если вам будет угодно, я предоставлю вам пару своих людей.

— В этом нет надобности. — отрезал Немо.

— Как угодно, просто я не хотел, чтобы со Шлемом что-то произошло, ответственность за его сохранность все же на мне!

— Нет причин к волнению, он в надежных руках. — парировал северянин.

— Не спорю, но все же...

— Это решено! — отчеканил Немо. — Завтра нас ждет долгая дорога, мне надо повидаться с Квал-Тарром перед отъездом, поэтому прошу разрешение откланяться.

— Еще одно, Немо, сын Гефеста. Возьми эту бумагу, подорожная, подписанная лично мной, вы сможете беспрепятственно ездить, где пожелаете, в пределах страны, разумеется. И вот еще одна бумага, в Курасте по ней вы сможете получить некую сумму золота или серебра, по вашему усмотрению. В добрый путь, надеюсь, наши дороги еще не раз пересекутся!

— До скорой встречи! — в один голос сказали Немо и Гефест.

Они вышли из дворца и пошли по вечерним улицам Травансаля в постоянный двор. Фонари ярко освещали дорогу, огоньки трепетали в стеклянном заточении, играли своим светом с ночными тенями.

Немо и его отец подошли к трактиру, снова показал свои сплетения дикий виноград, окутывающий зеленым покрывалом скелет здания с ног до головы. Чемпион крепко сжимал в своих цепких руках свою Награду. По истине превосходящую подвиг, даже столь отважный и сложный.

"Завтра выезжаем, наконец! Сколько можно сидеть в этом «прекрасном» городе, он уже порядком поднадоел. Почему хан тянул? Почему отдал Славу Ондала именно сегодня?"

А Гефест стал не похож сам на себя, после того, как я прошел "смертельный туннель", почему? Не может же быть, что он завидует?! Нет, такого быть не может, но что же тогда? На все мои вопросы отвечает одно и то же "Ничего, ничего, с чего это ты взял, что со мной что-то не так?". А ведь с ним действительно что-то не так, такое ощущение, что я вернулся оттуда не такой, как вошел. Будто Гефест смерть повидал, пока я по туннелям шатался! А может, обиделся на меня за то, что я ничего не рассказал об увиденном в «туннеле»? А что там говорить? Я и вспоминать все это не хочу!

Только подумая: падающие двери, с огромными острыми шипами, которые режут плоть, как подтаявшее масло; стрелы, которые летят сразу со всех сторон, да так летят, что не увернуться, единственное спасения — быстро нырять вниз, прижиматься к полу и молить, чтоб из под земли не вылезли эти проклятые наводстренные шипы; — а ведь они разят еще лучше тех самых дверей! — а всего лучше был тот проклятый круглый камень, который, казалось, вот-вот и сомнет меня и Квала в две кровавые лепешки, раздавит тело так, что мама родная не узнает! Даже кости в порошок перемолоть сможет, еле спасся тогда. Протиснул Квал-Тарра в какую-то щель, а сам не смог, пришлось другую искать, а потом возвращаться. А на себе такую тушу, как варвар тащить — сущее наказание! А он без сознания так и провалялся весь путь в этом чертовом туннеле. Думал, с ним вместе помру, убьет меня варвар тем, что просто есть! Но не бросать же? Пусть даже в лицо смерти смотрел бы все равно не бросил! А Старуха и впрямь была рядом, казалось еще чуть-чуть и вцепиться в тебя, и не отпустит больше никогда! Но нет, кто-то решил по-другому! Даже от этих вертящихся железных монстров спасся и варвара умудрился вытащить! Как подумаешь об этом, так в жар бросает! А Гефест еще обижается... С чего? Ни за что в жизни больше и носа не суну в эту злобную туннельную пасть!

Но приз хорош, игра стоит свеч, а ведь ты не на шутку решил оставить его себе! И забыл уже, зачем выманил Шлем у хана, а вот забывать не стоит, завтра и отдам, непременно отдам!

И уезжать пора, неровен час, в Нимфее что-то такое произойдет, что я уже ничем помочь не смогу. Чувствую: спешить надо! Гложет сердце эта невыносимая боль, за Анадель. Боюсь. Неужто, с ней что-то неладное! Если с ней что-то случится, я себе этого никогда не прощу!

Надо готовиться. Завтра отъезжаем. Как говорил Гефест: "каждый день на счету". Еще и с варваром разговор предстоит, не легкий, думаю! Да и как-то не верится, что теперь мы с ним так расстанемся. Я ведь к нему привязался, как к родному! Квал, Квал..."

Ночь прошла спокойно, даже приготовлений долгих перед сном не делали, а они-то и не сильно нужны! По всей дороге от Травансаля к Курасту целая сеть трактиров и постоянных

дворов, еды брать не надо, повозка уже давно готова, собрать личные вещи и в путь!

Тревожные сны этой ночью к Немо не пришли. Заметно поубавилось и тревоги, стало как-то спокойнее, только одно не переставало волновать — разговор с Квал-Тарром.

Рано утром Немо ушел к варвару. Друг был в тяжелом состоянии, лежал, не вставая.

Дорогу в госпиталь северянин знал хорошо. За время пребывания в Травансале Немо вообще успел неплохо изучить город, самые мелкие заколки, не нанесенные даже на городские карты, он знал как свои пять пальцев. После лабиринтов "смертельного туннеля", где мрак застилает все вокруг, простые городские улочки запомнить окажется сущим пустяком.

Посетитель остановился у здания госпиталя. Решительно зашел, безошибочно нашел палату Квал-Тарра. Варвар уже не спал. При виде северянина, он с трудом приподнялся. Видно было, что каждое движение сопровождается болью, но лежать бревном в присутствии других Квал-Тарр не собирался, не хотел показывать свою слабость.

— Как самочувствие? — поинтересовался Немо, уже зная ответ на свой вопрос.

— Паршиво! — прохрипел варвар. — Даже говорить сложно, будто наковальню на грудь положили! А ты вижу, пришел попрощаться?!

— С чего это ты взял? — замялся Немо.

— Ты с заплечным мешком! Или ты думаешь, что я слепой? Я попал сюда не из-за зрения, а из-за ран, — хриплым басом ответил Квал-Тарр.

— Это не заплечный мешок, это... вот что... — Немо распахнул свою завязку, в ней лежал тот самый шлем, который он выиграл в турнире. — Я понял, для чего ты лез в «туннель», это не из-за славы и тем более не из-за девушки, тебе был нужен Шлем, я отдаю его тебе.

— Я не могу принять этот Дар. — блеснул глазами варвар, было ясно — Слава Ондала — эта вещь, за которой пришел Квал-Тарр, ему нужна была победа в состязании мечников только для того, чтобы попасть в "смертельный туннель", а за тем он хотел подобно Немо выманить Славу Ондала из ханской сокровищницы, но пройти «стену» у него не вышло, и он чудом остался после этого жив.

— Но почему?! — удивился северянин. — Ты проделал долгий путь, приложил максимум усилий, чтобы победить в турнире, и все ради этой вещи, а теперь отказываешься принять ее?! Бери, она мне не нужна! — Немо протянул Квал-Тарру заветный Шлем

— В другой ситуации... если Слава Ондала досталось мне в другой ситуации, если бы я добыл артефакт сам, тогда я был бы рад, но получить его так... никогда!

— Я не понимаю тебя! Но почему ты отказываешься мне, я даю его тебе по своей доброй воле!

— Я и так перед тобой в долгу, ты спас мне жизнь, если ты дашь мне Шлем, я окажусь перед тобой в двойном долгу! — варвар сделал ударение на слово «двойной», и сделал это с таким призрением, что от его голоса смогли бы затрястись Горы. — А вряд ли я смогу поквитаться дважды, к тому же варвары не любят быть должниками... — Квал-Тарр осекся — Тем более должниками «чужих» рас. Извини и спасибо, но Шлем я не возьму. Ты заслужил его, добыл с победой, он по праву принадлежит тебе!

— Но Квал, ты ведь тоже прошел «туннель», ты такой же победитель, как и я! И имеешь те же права на Славу Ондала, что и я.

"Возьми, возьми Шлем, спаси свой народ, убереги его от смерти и несчастья. — шептали неведомые голоса в голове варвара. — Протяни руку, прикоснись к Божественной стали, ощути ее, заberi себе. Она твоя! Бери! Шлем нужен твоему народу!"

— Нет, я уже сказал. — колеблясь ответил Квал-Тарр, — А права. Не надо искушать Судьбу. Она дала тебе право на этот артефакт, а спорить с ней я не намерен. Тебе пора идти, а для долгих разговоров я еще слишком слаб! Как противно это говорить... Прощай! Ведь ты все же пришел попрощаться, не так ли?

— Так. Прощай Квал-Тарр, надеюсь, мы еще свидимся.

— Свидимся, свидимся! Как иначе я смогу с тобой поквитаться?! — закончил варвар.

У Квал-Тарра закололо в груди, и он был вынужден упасть в кровать, сильно сжимая ранения на груди руками. На чистом белом белье выступили багряные пятна крови. Не успел Немо уйти, как набежала целая туча целителей, они вытолкали северянина за дверь, и он побрел обратно в таверну, где его уже ждал отец. И дорога...

К полудню из южных ворот Травансалья выехала одинокая повозка, две гнедые лошадки зарысили по Южному Ханскому Тракту — на востоке все тракты носили имена «Ханский», так уж было заведено. Большак был сравнительно стар по годам, но молод на вид. Он был выложенный огромными плитами, которые были мастерски подбиты друг к другу, между монолитами не было и мизерной пробоины. За трактом следили специальные ханские службы, поэтому он был чист и ухожен, даже одной травинке не удалось вырваться из-под каменных плит.

Многоликая природа предстала перед двумя путниками во всей своей красе: на обочине зеленела высокая трава, как заколдованная не приближалась к дороге; над головами кружили ярко оперенные птицы, не переставая твердя свои музыкальны ритмы; окрест порхали бабочки и стрекозы, ловко увильвая от ненасытных птиц; на камнях нежались юркие ящерицы под лучами палящего солнца, которое и не собиралось скидывать свои теплые сети с осенней земли; с востока дул нежный морской ветерок, вновь маня Немо покорять водные просторы.

Дорога была приятной. Даже слишком приятной, когда вспоминаешь Холмское ущелье! На поводьях сидел Немо, завтра его место займет Гефест, в том, чтобы ехать ночью никто даже и не думал. Гостеприимные таверны сплошь и рядом заплотонили Тракт. Многочисленные посты и, видневшиеся чуть поодаль, сторожевые башни, не давали разбойникам ни то что нападать, а даже приблизиться к большаку — вот та защита дорог, о которой еще восемь лет назад говорил на Городских сборах (тех самых на которых решался вопрос Немо) Гвилдор, а ведь он до сих пор ищет убийцу своего старшего брата, того самого, которого нашел убитым на дороге мальчик-северянин!

Гефест подсел к сыну. Судя по лицу отца, предстоял серьезный разговор. Немо приготовился к худшему, он догадывался, что разговор пойдет о Славе Ондала.

— На кой черт тебе Шлем? — на прямой спросил Гефест. — Лежал всю жизнь у хана и пусть столько бы пролежал, а ты...

— Я брал его не для себя, — прервал отца Немо.

— А для кого же?! - съехидничал кузнец.

— Для Квал-Тарра, или ты еще не понял? Подумай сам, варвар приехал на турнир с одной целью — пройти "смертельный туннель" и получить ни девушку, ни славу, а именно Ондал. — с некоторой укоризной ответил Немо.

— И что?! Ты отдал артефакт ему?! - встревожился Гефест.

— Нет. — спокойно продолжал Немо. — Он не принял мой подарок.

— Не принял подарок, — коверкая слова сына парировал кузнец. — Он что дурак?! Может варвары и глупы, но ни как не Квал-Тарр! — заключил Гефест.

— Он не дурак. Но оказаться "дважды в догу перед чужой расой" он отказался. Уж такой народ варвары! — немного восхищенно пролепетал Немо.

— Да, но если он проделал весь путь ради Шлема, нельзя ли было приструнить свою гордость и взять его? — деловито сказал Гефест.

— Можно. Любому можно, но варвару — никогда! — подобно Квал-Тарру закончил северянин.

— Странно ты как-то стал разговаривать! Что-то сильно тебя изменила дорога! И Квал-Тарр приложил к этому свою руку... — Гефест задумался — Как когда-то мне сказал Малах: "все что не случается, все к лучшему". Может и твои изменения к лучшему, и то, что Шлем у тебя, возможно, тоже к лучшему. Ведь он у тебя? — поинтересовался Гефест.

— Да, — коротко ответил северянин.

— Ну, вот и отлично! А забивать себе голову пока не стоит. Поживем — увидим! Сворачивай с Тракта, видишь, вон там трактир стоит, — показал пальцем кузнец. —

Вечереет, а шаркаться в поисках трактира в сумерках не охота! Давай, давай, сворачивай!

Немо последовал приказу отца, их повозка свернула на проселочную дорогу. В шагах эдак ста, там каменной глыбой врезался в зеленую почву постоялый дом. Одинокой постройкой, нерушимым бастионом посреди восточных лугов предстал он в лучах закатного солнца.

Друзья действовали по привычной схеме: Немо загоняет повозку и лошадей в стойла, Гефест — договариваться с хозяином о ночлеге и еде.

После длительного пребывания в Травансале, кошельки заметно исхудали. Поэтому пришлось поумерить аппетиты и поужинать не привычно скудно. От пива так и вовсе отказались. После торгов кошельки вновь наполняться золотыми и серебряниками, но до Кураста надо перебиться тем, что есть.

Комнаты для ночлега не отличались особым удобством, — что нельзя было сказать об удобных комнатках в тавернах Древней Столицы, даже в Нижнем Травансале — наскоро сбитые деревянные постели оставляли занозы даже через покрывала, уж слишком тонкие они были! Окно вырезано слишком высоко, чтобы наслаждаться природой, пусть даже в сумраке ночи. Две кровати, один стол, два стула и огарок свечи — вот и все убранство комнаты. Но друзьям было не привыкать, они заехали в таверну только для того, чтобы спать не в повозке, а в четырех стенах, не на семи ветрах, а в тихом помещении.

Ночь прошла быстро. Огненный диск развеивал ночные тени и сны, знаменуя рассвет.

— Пора в путь! — начал утро своим любимым дорожными словами Гефест.

— Пора... — невесело парировал Немо.

Долго собираться не пришлось, точнее, собираться вообще не пришлось, все вещи не покидали повозки, только свой тюк Немо не оставлял ни на секунду, Гефест понимал, что за ноша лежит в нем, поэтому глупыми вопросами не донимал.

Повозка вновь выехала на Южный Ханский Трак, лошади рысили на удивление резво, наверное, им уже надоело стоять в Травансальском хлеву. Гефест держал вожжи и непринужденно голосил старую дорожную песню:

Куда плывет дорожная тень?
Куда ведет меня дорога?
Но думать мне об этом лень.
Я лучше в небо зыркну строго!
Куда ты мчишь мой верный конь?
На поле брани громовое!
Где в раны людям сыплют соль,
А смотрю на небо строго!
Я просто путник без жилья,
Без мягкой койки и надежды.
И мчит меня моя судьба
Сдирать с богатых их одежды!
Мой верный конь летишь куда
По непроторенной дороге?
Где есть вода и есть еда!
А взираю в небо строго...
Куда ведет дорожная пыль?
Куда ведет меня дорога?
Чтоб в песни я вошел, как был —
Гроза нетореной дороги!

— Занялся самодеятельностью?! - ухмыльнулся откуда-то со дна повозки Немо.

— Спи давай, и не мешай! — рассмеялся Гефест, он прекрасно знал, что исполнять народные песенки не в его стиле, но настроение было хорошо, как никогда.

— Сплю, сплю. Тебе бы в бродячие артисты податься, колесить по всему Айзолину, а не в кузне губить свой талант! — подшучивал над отцом Немо.

Северянин знал, что Гефест неплохо слагал песни. Эту он придумал сам, и она получила большое распространение, теперь такую дорожную песенку можно было услышать в любом конце Айзолина, а про автора песни уже и забыли думать!

— Ну, вот и спи! — сделал обиженный вид Гефест. — А я что-нибудь новое придумаю!

— Не буду мешать! — иронично дернул Немо.

— Ладно, слушай, придумываю на ходу! — похвастался Гефест:

"Я с сыном еду без гроша,
Зато с победою и славой!
В столицу едем не спеша,
Тарам-барам атарабарой..."

— Да, неплохая песенка! — расхохотался Немо.

— Не перебивай! — подхватил Гефест. — Это тебе не молотом о наковальню грохотать! — кузнец подождал, пока северянин не перестанет смеяться, и продолжил:

"Дорога просто хороша!
Но ночевать, увы, нам негде!
Ведь в наших сумках ни гроша!"

— Зато в повозке арсенал! — пуще прежнего залился от смеха Немо.

— Ну и что! — гаркнул Гефест — Арсенал арсеналом, а денег-то тью-тью!

— Тью-тью, только на два дня! И тех неполных! — держась за живот, выпаливал слова Немо. — Так что можешь не волноваться!

— Ладно, подожду, когда ты уснешь, обалдуй! Невежда, с тобой творить невозможно! — прикрикнул Гефест.

На этом веселье на дороге закончилось. Кузнец по-прежнему напевал себе под нос какие-то песни, Немо ворочался с боку на бок, не в силах уснуть. Так и прошел еще один день пути...

Ночевали под открытым небом. Хорошее настроение Гефеста никуда не пропало. Он резво свернул на обочину, раздобыл где-то дров и развел костер. Загремел железными кастрюлями и поварешками, с которыми не расставался не в одном из своих странствий. Непонятно откуда взялась вода, кусок свежего мяса, приправы, все, что надо для дорожного куховарства.

На огни костра поспешили стражники Тракта, но когда они заметили, кого им посчастливилось встретить, они с радостью пригласили их к себе на ужин. Немо и Гефест дружно отказались. Победителям турнира даже не понадобилось предъявлять свою подорожную, подписанную самим ханом. Патруль — не смотря на запрет в разжигании огня на дороге — оставил двух путников в покое. Поспешно удалился по своим извечным делам.

Сегодня южным торговцам хотелось насладиться природой и бродяжнической жизнью. Избалованные мягкими постелями и обилием пищи в постоянных домах, этой ночью сын и отец вкушали прелести настоящей дорожной жизни.

Еда, приготовленная старательным и талантливым отцом-поваром. Легкая прохлада, опустившаяся на ночную дорогу. Веселое потрескивания теплых язычков пламени. Ночевка под открытым небом, под светом полной луны. Все это было сейчас гораздо приятнее ночи в четырех стенах.

Наелись досыта, осушили старые запасы пива. Усталость от дороги и природная, ласкающая истома навеивали сон, сопротивляться с ним было невозможно и не нужно. Над небольшим лагерем раздался тихий дружный храп.

— Вставай! Вставай! Смотри! — голосил на всю дорогу Немо, толкая своего отца в бок.

— Что там еще?! - сонно буркнул кузнец.

— Да смотри же ты! — не переставал теребить Гефеста северянин. Кузнец нехотя открыл глаза.

— И что? куда смотреть?!

— Туда! — ткнул пальцем в сторону горизонта Немо, там восходило солнце.

— И что здесь такого? Что я рассвета ни разу не видел? — бурчал под нос Гефест.

— Да присмотрись! Видишь, там какие-то звери прыгают, прямо у горизонта! — восхищенно завопил Немо, кузнец напряг глаза, действительно, там на чистом лугу востока «прыгали», поджимая под себя ноги, десятки, сотни неизвестных даже Гефесту животных.

— Никогда подобного не видел! — изумился Гефест. — Новые какие-то создания.

— А я про что! — гордо выпрямил грудь Немо. — смотри, как грациозно взмывают вверх, словно взлететь пытаются!

— Красиво, красиво! Собирайся уже, нам пора.

— Пора в путь! — недовольно буркнул Немо слова, с которыми встречал каждое утро в дороге Гефест. — Сам только глаза продрал и сразу за свое.

— Да, — одобрительно покачал головой кузнец. — А зрелище не из последних!

— Не из последних! — парировал Немо.

— Сегодня на поводьях ты! К обеду я тебе сменю. — заключил Гефест.

Так и было сделано...

До полудня повозку вел Немо. Природа не меняла свои очертания, только становилась все ярче и чарующе. Разноцветных цветов становилось все больше, от них повеяло чудесным ароматом. И как эти бедные растения выживали под палящим солнцем и ночным холодом?

Когда солнце протрубило полдень за вожжи сел кузнец. Дорога радовала. Гефест, по-прежнему голосил дорожные песни, в основном придуманные им самим. Немо знал их наизусть, но не подпевал. Тревога, которая была в Травансале, вновь вернулась к нему. Он был мрачен, как дождевая туча, но Гефест не допекал с расспросами.

По обе стороны от дороги стали вырастать фермерские домики, по-прежнему таверны заполняли придорожные окрестности. Путников было немало. Многие и многие путешествовали от Травансаля к Курасту и обратно. Тракт наводняли многочисленные повозки. Ремесленники везли в Древнюю столицу керамику, украшения и одежды, обратно возвращались с рыбой, шелками и другими вещами, которые давали промысел и морская торговля.

Немо с отцом ехали не спеша, но без отдыха. Крепкие тягачи без проблем справлялись с нагруженной повозкой, смена на луке позволяла не уставать и людям. На обед не останавливались. Денег уже совсем не осталось. Но южане точно знали, что выручат не малую сумму за свой товар, поэтому не волновались.

Вскоре завиднелись курастские ворота. Две башни-бойницы непоколебимыми истуканами стали по обе стороны от них. Кураст по своей неприступности не уступала Древней Столице, разве что более старинная кладка потемнела от времени.

Повозка подъехала вплотную к воротам, там столпились другие повозки. Бесконечным потоком они то покидали город, то пробирались в него. Наметанный глаз Гефест заметил несколько кузнецких гербов на удачливых торговых повозках (удачливых потому, что торги не успели начаться, а продавцы уже успели полностью распродаться и уже выезжали из стен Торговой Столицы — как называли Кураст). Вскоре подошла очередь Гефеста и его сына к тщательной проверке, которая велась на въезде (с одной-единственной целью — съём пошлины с товара). У повозки застыл начальник стражи, скрупулезно изучил документы, после чего вернул грамоты владельцам. Отдал честь! И приказал:

— Проезжайте!

— А как же оплата за въезд?! - изумился Гефест.

— Вы что сами не читали своих подорожных? — усмехнулся начальник стражи. — Там черным по белому написано, "плат не брать, всячески способствовать", ну вот и способствуем!

— Благодарим! Может, хотя б на пиво возьмете? — великодушно поинтересовался кузнец.

— Чего б не взять! — потер свои черные густые усы страж.

Кузнец вытрусил последний серебряник из своего кошелька, да так, чтоб не заметил караульный, — неловко как-то, от хана и без денег! — вложил его в руку стражу и дернул поводья.

Денег совсем не осталось, зато теперь не нужно платить пошлину с продаж, вся прибыль пойдет в собственный карман.

Торговая Столица открыла свои красоты...

Глава IX. Черный ястреб

Ноябрь, 1484, Кураст, Восточное Ханство

Красоты столицы было не занимать. Дороги вымощены широкими плитами-блоками, размером не хуже чем на Тракте. Сотни и сотни домов теснились друг другу, узких переулков не найти, лишь широкие и ухоженные улицы, на которых без проблем могли разойтись две-три повозки. Строения, в отличие от затененных виноградниками травансальских, показывали голые стены, камень потемнел от времени, но формы с годами не потерял. Это придавало Курасту строгий и величественный вид. Город не украшала разноцветная растительность, здесь не красовались висячие сады, зато нередко каменную кладку домов украшали мозаичные фрески на домах, изобилие фонтанов, украшавших почти каждую площадь, самых разнообразных форм и механизмом завораживали взгляд. Для жаркой страны, где вода ценилась превыше всего это было огромной роскошью. Город-столица выглядел, словно величественная каменная скульптура, нерушимый страж, невесть откуда появившийся посреди зеленых лугов с одной стороны, и песчаными дюнами с другой. На западе Кураст каменной чашей навис над прекрасными вечно зелеными просторами лугов, немногочисленными желтыми фермерскими полями. На юге от Торговой Столицы — густые леса, начинавшиеся долгим предлесьем от самых крепостных стен. Дальше на восток бесконечным покрывалом тянулись пустынные барханы, куда редко ступала нога человека. Лишь немногие, знавшие дюны, жили там, вблизи сказочных оазисов. На север серпантином вился Южный Ханский Тракт, изобилующий диковинными пестрыми травами и цветами.

Ярмарка в Столице кипела во всю. Восточные торги шли прямо посреди улиц, конечно, больше всего товаров и их продавцов можно было повстречать на Центральной — Торговой — площади, но с повозкой туда было не пробиться. Надо было найти северян, ведь они по *договору* должны были скупить весь товар Нимфейских кузнецов. Гефест спрыгнул с повозки и пошел в сторону Торговой площади. Немо остался в повозке, забившись, наверное, в единственную во всем городе щель между домами.

Площадь кишмя кишела людьми. Чтобы продрасть сквозь живую стену надо было иметь таран! Со словами "Простите! Извините!" кузнец расталкивал людей вокруг себя своими огромными лапищами. Как острое лезвие меча пронзает мягкую плоть, Гефест пробивал себе дорогу в человеческом море. Поиски северян напоминали поиски иголки в стогу сена. Кидая быстрые взгляды по сторонам кузнец шел все дальше и дальше, пересекая площадь большим кругом. Вскоре идти было уже не куда *Искатель* стоял перед расписанным зелеными мозаиками домом, площадь закончилась. Гефест рвал и метал от негодования, глаза налились кровью. Люди вокруг него расступились, как перед разъяренным быком, но и это не успокоило кузнеца. Он сделал еще один круг по площади, надеясь, что на этот раз повезет больше. Но и эта попытка не увенчалась успехом. Кузнец вышел все к тому же зеленому дому — а странно, все дома серые и невзрачные, а этот вон гляди какой! Гефест еще раз победоносно прошелся через всю площадь, расталкивая людей направо и налево, теперь уже без слов: "Простите! Извините!", а с диким, пускай и тихим ревом негодования. Поиски безнадежны, денег на ночлег нет, в повозке не переночуешь, рискуешь быть выброшенным из города караульными (хотя с такой подорожной, как у Гефеста и Немо, вряд ли кто-то выгонит). Кузнецу ничего не оставалось, кроме как вернуться к тому месту, где оставил сына, с *пустыми руками* и кровавыми от злости

глазами.

Гефест без труда смог отыскать сына, и на удивление он был не сам. С ним был, да кто мог бы поверить — Алтермо!

— А я тебя по всей Торговой площади ищу! — чуть взвизгнул от радости Гефест.

— Для нас там мест нет! — улыбнулся Алтермо — Все в этой дыре уже куплено, даже места, а нам думать раньше надо было.

— Как там у Вас дела?! - сильно стискивая, словно тисками, руку северянину, сказал Гефест. — Все раненные живы здоровы?

— Увы... — побледнел и опустил голову начальник обоза — Двое умерли, еще двое до сих пор борются за свои жизни.

— Прости... — прикоснулся к плечу Алтермо Гефест.

— Не за что просить прощенья. Если б не ты и твои спутники, нам бы пришлось туго. Спасибо вам, — обозник попытался приободрить себя бормотанием каких-то тихих слов, и надо заметить это все-таки получилось — А где ваш спутник, Квал-Тарр, если не ошибаюсь, — с некоторой полунаигранной улыбкой сказал Алтермо.

— Раненный... лежит в лечебной палате в Травансале. — приглушенным голосом вмешался Немо. — Хватит о грустном, его немало. Что мы тут посреди улицы стали? Еще и повозку прямо на дороге поставили. Может, лучше в трактир зайдем? — скорчил гримасу Немо, будто в сердце вонзили нож — Там все и обговорим, — еще тише, чем начинал, закончил он.

— Немо прав. — поддержал Алтермо.

— Но у нас нет денег. Нам бы сперва с ханскими бумагами разобраться... — недовольно шмыгнул носом кузнец.

— У нас договор, если почтенные не забыли?! - улыбочиво осведомился Алтермо.

— Забудешь с вами! — парировал кузнец. — Значит, все в силе?

— Обговорим за кружечкой пива, — решительно настоял Немо. — Не место здесь! — он демонстративно окинул улицу взглядом.

Алтермо был один, без сопровождения своих северных воинов, купцы же до поздних сумерек не покидали *прилавков*, хотя как можно назвать место посреди улицы прилавком?

Стражники обоза маялись по городу без дела. Им надо было ждать пока не продается весь товар, а с тем товаром, который был у них, ждать приходилось долго. Из стражников Алтермо многие сейчас сидели в одной из таверн Кураста под названием "Шатер дядюшки Баа", куда и привел глава обоза Немо и Гефеста. Северяне гуляли одной большой и дружной компанией, к алтермовским сорвиголовам присоединились другие северяне. Кузнецы-торговцы и их оптовый покупатель сели отдельно, выбрав сравнительно тихое место в дальнем углу трактира.

— Договор изменился, — спокойно сказал Немо, когда Гефест и Алтермо уселись за стол. — Не так ли? — обратился он к Алтермо.

— Верно, — тихо ответил обозник.

— Как это? — удивился Гефест.

— Ты сам подумай, отец. Немалая часть обоза вместе с товаром осталась в Холмском ущелье кормить разбойников.

— И это еще не все... — он глубоко вздохнул — На востоке поля в этом году уродили на славу, на радость Хану и на горе нам. — Северянин опустил голову. — Цены низкие, спроса нет, торговля никакая! Мы хотели сдать весь товар ханским купчим, но они назвали такую мизерную цену, что... не будем об этом.

— Так что? — приподнялся Гефест, — Значит, договор расторгнут?

— Прости, Гефест, выходит, что так, — с невероятным трудом Алтермо поднял голову и посмотрел прямо в глаза кузнецу.

— Так-так-так... — кузнец снова присел, обхватил обеими руками голову и начал думать. — Свет... Нимфея... времени нет... — бормотал он несвязные слова. — стоять за прилавком... хану продать... нет... нет... да! — Гефест подпрыгнул со стула, как

ужаленный. — Да, как я сразу не подумал! — кузнец ударил себя полбу, ошарашенные поведением Гефеста, Немо и Алтермо молча сидели, уставив широко раскрытые глаза на своего собеседника.

— Ты о чем, отец?! - сдавленно выговорил Немо.

— Договор в силе! Только с небольшими поправками, — сверкнул глазами пожилой кузнец.

— В силе? — переспросил Алтермо — Но как? Какие поправки?

— Ну, начнем с того, что мы отдаем тебе весь свой товар, взамен ты даешь нам треть обещанной суммы и троих северных скакунов, — Алтермо немного побледнел, оружие надо, но расставаться со скакунами не в правилах северян. В Андарионе лошадей тренируют особым способом, с самого их рождения, и эти лошади ценятся везде, но достать их ой как не просто! — наша повозка и гнедые остаются у вас, — добавил кузнец. — Это хорошее предложение! — глядя прямо в округленные глаза Алтермо, гаркнул Гефест. — Ты согласен?

— Отец! — укоризненно отпарировал Немо.

— Все в порядке Немо. Ну, так как, Алтермо?

— Сделка и впрямь заманчива, но лошади... скакуны... ты и сам меня понимаешь. — задумчиво почесал затылок северянин. — Я не могу ни согласиться, ни отвергнуть твое предложение. От него мы не проиграем точно, но поддержат ли меня остальные? Если да, то сделка состоится, если нет — очень жаль.

— Ответ исчерпывающий! — пожал широкими плечами Гефест. — Когда все станет известным?

— Не сегодня... может, завтра. — Алтермо бросил косой взгляд на гуляющих побратимов. — Сегодня ты и сам видишь, мои люди не в состоянии что-то решить, подождем до утра.

— Время — деньги, а их у нас как раз таки нет! — ерзая на стуле, продолжал Гефест.

— Вы мои гости, сейчас, поэтому за оплату можете не волноваться, — спокойно ответил Алтермо — А завтра, завтра вы и сами сможете за себя заплатить, если ты, конечно, про это? — осекся он.

— Да, именно про это, — парировал Гефест. — Значит, будем ждать утра.

— А как на счет пивка? — как бы начиная разговор заново, точнее, переводя его совсем в другое русло, заговорил Немо.

— Я угощаю! — послышался голос со спины, это был один из воинов Алтермо, — Тераго — Немо спас ему в Холмском Ущелье жизнь, точным выстрелом во врага, который уже щанес меч над спиной обозника, тогда воина спас случай и, разумеется, Немо.

— Нет, Тераго, эту парочку я угощу без тебя! — улыбнулся Алтермо, подзывая к себе жестом руки мальчика-слугу — Принеси три кружки светлого, — обратился он к мальчишке — Свежее оно у вас?

— Самое свежее во всей округе! — гордо выпрямил грудь мальчик-слуга и быстро зарысил в кухню.

— Присаживайся к нам, любезный! — махнул рукой Немо Тераго, тот не отказался от приглашения, не выпуская из рук кружку пива, он косо-криво, немного пошатываясь подошел к столу и плюхнулся на свободное место.

— Как дела у Спасителя? — на удивление четко, отчеканил Тераго гортанным басом. Этот северянин был настоящий здоровила, в нем спокойно могло поместиться сразу два Немо, плечи в полтора раза шире, чем у Гефеста, рост, добрых футов шесть, в его теле не было никакого изъяна, ни капли жира, Тераго был горой мышц.

— Совсем неплохо! — дружелюбно кивнул Немо. — А как твои дела?

— Все так же. Шатаемся здесь без дела, торговцы из-за прилавков не вылезают, а прибыли никакой! — ударил кулаком по столу Тераго.

— Спокойнее! — схватил руку великана Алтермо. — Побереги силы для обратной дороги, когда будем возвращаться стрела Немо уже не поможет!

— Знаю... — недовольно опустил голову Тарего.

— У меня к тебе, Тарего, такой вопрос: ты не будешь против, если взамен на оружие Гефеста мы дадим трех наших *лучших* скакунов? — сделал ударение на «лучших» Алтермо.

— А что мне быть против? — развел руки человек-гора — По мне так пусть себе берут, мы не потеряем. А скакунов у нас хватит, после Ущелья их стало больше, чем наездников, поэтому "такую потерю" мы переживем! — Тарего, не смотря на весь свой подпитый вид, рассуждал как нельзя трезво.

— А как на это ответят другие? — продолжал не хитрые вопросы-расспросы глава обоза.

— Не думаю, что кто-то будет против. Гефеста уважают все, и доверяют тоже, а Немо — совсем другой случай — его все просто обожают! — расхохотался Тарего.

Остаток вечера друзья провели в компании северян. Пиво лилось рекой, закусок было не меряно, настроение — на высоте! Гулянка продолжалась почти до утра, только когда сумерки уже стали рассеиваться Немо и Гефест зашли в комнату, которая сегодня их приютила. Переваливаясь с ноги на ногу, друзья добрались до кроватей. Два полу-осознанных тела повалились на спальные ложа. За окном уже стали прорываться лучи восходящего солнца. Немо пустил быстрый взгляд на краешек огненного диска (сделал он это, не вставая с кровати, расположение окна и койки это позволяли), ночная мгла быстро растворялась, а кузнец и его талантливый подмастерья только-только вернулись с ночной гулянки. Картина приближающегося рассвета сменилась полной мглой сна.

С пробуждением проснулась и невыносимая боль в голове, пивное похмелье — самая страшная болезнь, именно болезнь, от которой нет ни лекарства, ни покоя. В теле Немо проснулась вялость и усталость, ноги еле шевелились, глаза невыносимо болели, залились сверху донизу кровью, но больше всего беспокоила головная боль. Череп словно зажали с двух сторон исполинские тиски и медленно стягивали, причиняя зверскую боль. Чемпион не мог сосредоточиться, взять под контроль свои мысли, они рассеялись, разлетелись в сознании мириадами мелких звенящих осколков, их тонкий звенящий голосок собирался воедино, выбивая в висках тяжелые колокольные звоны, от которых не было ни спасения, ни покоя. Немо еще не успел полностью отойти от вечернего веселья, до сих пор судорожно мутилось в глазах, крутило в животе, все вчерашнее веселье вылилось тошнотой и усталостью.

Гефест же наоборот, был бодр и весел. Прыгая с ноги на ногу, он носился по комнате, напевая какие-то слова. К сожалению, Немо их разобрать не мог, уж сильно гудело в голове. Пресловутый артист закончил складное, наверняка складное, пение, поняв, что его зритель явно недослушивает. Покрутив головой перед самым носом северянина, Гефест вышел из комнаты. Через пару минут он вернулся и принес с собой немалый жбан с водой.

Звон в ушах Немо прошел моментально, когда Гефест вылил весь жбан с невыносимо холодной, ледяной водой на самую макушку северянина. Также моментально просветлело в глазах, былая сила в руках и ногах вернулась, конечно, не сразу, но мысли вновь сплотились и мелкие звенящие кусочки собрались в единый комок мыслей. Сознание явно прояснилось...

— Что с тобой случилось? — рассержено рявкнул Немо.

— Да что, что? Не вылей бы я тебя этот жбан, ты бы весь день провалился с головной болью! — недовольно ответил Гефест.

— Я не про это! Воду я понимаю, я про другое! — как-то рассеяно сплетая слова, говорил Немо. — А головная боль никуда не прошла, только мысли вроде как прояснились.

— Ты все еще пьян! — улыбнулся кузнец — Ну и перебрал же ты вчера!

— Не спорю, никогда больше пить не буду! — вытирая, наконец, с лица воду ответил Немо.

— После следующей хорошей пьянки скажешь тоже самое! — улыбка на лице кузнеца растянулась еще шире.

— Я что вообще хотел сказать, — вчера не получилось — ты что с товаром удумал? —

сжимая голову в руках, цедил сквозь сомкнутые зубы Немо. — Зачем ты так договорился с Алтермо? Мы же теряем почти половину выручки!

— Денег нам много не надо! — отрезал Гефест.

— Может, тогда вообще даром весь товар отдадим? — тихо буркнул себе под нос Немо, но Гефест все же услышал.

— Немо, сегодня ты все узнаешь, — ласково по-отцовски ответил Гефест.

— Узнаю Что! — не переставал кипятиться северянин.

— Все! — отрезал кузнец. — К тому же разве ты не хотел присоединиться к своим землякам после турнира?

— Что? — ярость Немо сменилась удивлением. — Откуда... откуда ты знаешь? Я же никому этого не говорил! Откуда? А я уже как-то и позабыл об этом... Нимфея потянула, действительно, я хотел... Но стой же! Гефест, откуда ты знаешь о Слепой Войне? В обозе северяне никому кроме меня об этом не сказали, откуда ты все это узнал! — у Немо передумал сотни вариантов, отвечающий на один и тот же вопрос: откуда Гефест знает? Он даже предположил, что отец способен читать его мысли, копошиться, как ему вздумается в голове, выуживать с памяти все необходимое...

— Я не читаю твои мысли, как тебе, наверняка, подумалось! — как будто действительно имея такой дар, сказал Гефест. — Сегодня ты узнаешь все! — повторил свое недавнее изречение кузнец. — А с Алтермо я уже встречался, они согласились на наши требования. Так что надень сухую одежду, мы идем в конюшни.

— В конюшни? — парировал Немо.

— Да, в конюшни, выбрать трех скакунов, которые северяне дают нам по уговору. Забыл? — поинтересовался с умным видом Гефест.

— Ах, да... точнее нет... ну, в общем... все помню я... помню... — глотая слова отвечал Немо, он вытягивал из памяти последние события, они помнились ему с некоторыми провалами, темными дырками, но все же кое-что он не забыл.

— Одевайся, я жду на улице! — командно осведомил Гефест.

Впопыхах переодевшись, Немо вышел в небольшой двор трактира. Гефест ждал с нетерпением косясь на двери. Рядом с ним стоял Алтермо. После вежливых поклонов отправились в столичные конюшни, они находились в северной части города. К ним вела одна большая улица, но пройти по ней было не так-то просто. Она кишмя кишела людьми, пробиться через толпу было невозможно, и приходилось медленно идти с остальным человеческим потоком. Дорога оказалась не близкой. Голова у Немо заныла с новой силой, крики торговцев и людской гул тысячекратно усиливались в барабанных перепонках, руки и ноги неумолимо слабели, тянущим и липким комом встало в горле вчерашнее выпитое пиво. "Нет, я никогда больше не буду пить, оно того не стоит!" — единственное, о чем мог думать сейчас Немо, чтобы его не стошнило прямо на улице.

— Ну, вот и пришли! — эхом прокатился в ушах Немо голос северянина.

— Показывай своих скакунов! — проголосил Гефест, так, чтобы его услышали, сквозь неумолкающий гул толпы.

— Идем, идем! Немо не отставай! — кричал прямо на ухо Немо Алтермо, затем крепко схватил друга за руку и повел за собой.

В конюшне царил густой и непроницаемый полумрак, смердело навозом и гнилью, от него у Немо еще больше закружилась голова, остальные его спутники никак отреагировали. Из одного стойла в другое шмыгали слуги с тряпками и гребнями, расчесывали и мыли лошадиное племя. В экскрементах копошились с ведрами уборщики. Вяло и недовольно, шаркая ногами, бродили взад вперед от безделья дрессировщики. Сноровистые зрители подгоняли всех и словом, и пинком.

К Алтермо и его спутникам подошел низкорослый, словно карлик, человечек. Его вытянутый нос с бородавкой на самом кончике вызывал отвращение, не меньшее отвращение вызывала и его натянутая кривая и ехидная улыбка.

— Товарищи северяне желают пройти к своим лошадкам? — гнусавый противный

голос звучал подобающе к смраду этого места, не дождавшись ответа, карлик продолжал — Идемте за мной Любезные, идемте!

Друзья так и сделали, двинулись за ускользящим впереди карликом. Конюшни были необъятные. Казалось, что все ханские лошади стоят здесь, если не брать в счет еще лошадей приезжих, но в городской конюшне не было ни единого ханского скакуна, его животные стояли в более подходящих.

Карлик знал свое дело, быстро лавирую по нескончаемым лабиринтам конюшни, он вывел Алтермо и его спутников к широким и чистым стойлам; северяне следили за своими лошадьми, поэтому бросать их в смрадных и неухоженных стойлах они никак не собирались, хотя за те места, где сейчас стояли северные скакуны, пришлось отвалить не малую сумму, но раскошелиться все же пришлось.

Куда-то пропал затхлый и тяжелый воздух, появился новый запах свежего сена и чистильной воды, которую специально отваривали из известных только на востоке корней и использовали для чистки лошадей. Друзья вошли в *Лучшие хлева*.

Карлик ловкими движениями перепрыгивал из стороны в сторону, заходя всегда с разных боков друзей, зыркая на них своими недоверчивыми и подлыми, холодными, как сталь, и прозрачными, как стекло, маленькими свинячьими глазенками. С такой ловкостью надо быть мечником, но рост позволил стать лишь распорядителем. Тонкие и костлявые пальцы карлика — не по внешности сильные и хваткие — вцепились в запястье Алтермо.

— Сколько лошадей изволят забрать Любезные? — все тем же противным гнусавым голосом осведомился карлик, стискивая еще сильнее запястье северянина.

— Три. — коротко ответил Алтермо, выдергивая свою руку из сжатых пальцев карлика.

— Укажите скакунов, я немедленно распоряжусь, чтобы их вывели на улицу, — фыркая от недовольства и отпрыгивая легким движением от Алтермо, протянул карлик-распорядитель.

— Нам надо время, — с не меньшим недовольством, чем недоросток, отрезал Немо, головная боль понемногу утихала, но наигранная услужливость карлика просто выводил из себя!

— Хорошо, хорошо! Я подойду к вам через пару минут! — быстро и легко лавируя между друзьями, он удалился.

— Ну и противный же он! — провел по лбу Гефест, вытирая легкую испарину, — Даже в жар от него бросило.

— А руки, как тиски, не в жизнь не сказал бы! — осведомился Алтермо, потирая запястье.

— Ладно, где твои скакуны? — перебил разговор Немо. — У меня нет желания провести здесь остаток дня!

— Они перед тобой! — указательно провел рукой Алтермо. — По правую сторону те, чьи хозяева погибли в сражении под Холмским Ущельем. Их вы можете брать.

— А остальные? — поинтересовался Немо.

— У остальных есть хозяева, а пока жив хозяин, северные кони его не сменят, если же владелец погиб, то зачастую умирает и конь... — Алтермо погрузился, глаза ввалились, на лице проявились не видимые раньше морщины. — Но эти кони остались жить, наверное, в надежде, что хозяин вернется, а может, ждут другого. Но все же теперь ваш выбор!

— А они станут нам служить? — продолжал любопытствовать Немо.

— Кто знает? Может, да... может, нет. — неоднозначно ответил Алтермо. — Конь сам выберет себе хозяина...

— Ладно, хватит! А то меня тошнит от этого карлика и этого места! — встрепенулся Гефест — Быстрее выберем — быстрее уберемся отсюда!

Выбор был далеко не прост. Все скакуны славные и лучшего из них выбрать было сложно. Гефесту пришлось трижды обойти ряд *ничейных* лошадей, прежде чем он выбрал для себя подходящего, затем ему предстоял выбор еще одного (на что кузнецу три скакуна,

было не ясно, но — если три, пусть будет три! — никто не возражал). Для Немо выбор был проще, он сразу заприметил одного жеребца — точнее жеребец сам заприметил себе нового хозяина — однотонно черный, темно-вороного цвета, с двумя небольшими белыми пятнами на груди и возле левого глаза, это был очень стройный и мощный скакун, даже для северного! Черная густая грива опускалась большими локонами на гармоничное лошадиное тело, точные красивые овалы глаз, взгляд упрямо был нацелен в самые глаза Немо. Взгляда не мог отвести ни северянин, ни жеребец.

— Он тебя заприметил! — с полным грустью голосом сказал Алтермо. — До Холмского Ущелья он принадлежал моему брату.

— Брату? — не отводя взгляда с темных лошадиных глаз, спросил Немо. — Ты не говорил, что у тебя есть брат.

— Был... — понижая голос, ответил Алтермо. — Он погиб в Ущелье.

— Извини...

— Немо, ты не виноват... Никто, кроме разбойников в этом не виноват... — парировал глава обоза. — Мир тесен, у меня еще будет возможность отомстить.

Из темноты конюшен снова появился силуэт карлика, он не заставил себя ждать, ловко перекаtywаясь с ноги на ногу он подошел к Алтермо.

— Вы готовы? — с наигранной улыбкой, больше напоминавшей оскал дворового пса, прошипел распорядитель.

— Готовы! — в один голос ответили сразу все друзья; никому из них не понравился карлик и находиться здесь никто не желал, все думали только о том, как отсюда побыстрее смыться.

— Я распоряжусь... — начал было карлик.

— Мы сами выведем своих лошадей! — перебил Алтермо.

— Как пожелаете! — сделал небольшой поклон карлик, пригибая одну ногу, а другую, вытягивая вперед.

Вскоре вся процессия зашагала по лабиринтам городской конюшни. Впереди по-прежнему весело шагал, перепрыгивая с ноги на ногу, карлик. Трое посетителей плелись сзади, держа скакунов под узды. Быстро лавируя по конюшням, они снова вернулись в ту часть, где жутко пахло сыростью и гнилым сеном, и, конечно же, лошадиным навозом. Группа в сопровождении карлика выбралась наружу, как раз в том месте города, куда и зашли.

Солнце уже катилось к закату, через час, а может, и меньше, над городом нависнет полная мгла.

— Как его зовут? — напоследок спросил у Алтермо Немо.

— Ястреб, — гордо ответил Алтермо.

Наскоро попрощавшись и обменявшись парочкой добрых слов, Алтермо расстался с *дорожными друзьями*. Сегодня Немо и Гефест уже покидали город, несмотря на сгущающийся сумрак — предвестника ночи. Кузнец куда-то явно спешил, теперь он рвался в Нимфею еще больше, чем Немо, это слегка настораживало. Слишком много случайностей: три скакуна, поздний отъезд, *новый договор*. Гефест ничего не объяснял, а Немо уже сгорал от любопытства и нетерпения, все *причуды* кузнеца для него выглядели какими-то несерьезными.

Направились к зданию ханской сокровищницы. Там они собирались обменять платежный лист на звонкую монету. Сколько должны были им выдать денег, они не знали. Письмо было запечатано ханской печатью, сорви и останешься без выплаты. Когда же отец и сын получили свои деньги, оба крайне удивились. Хан не пожалел денег для Чемпиона! Ожидаемая сумма, которую Немо рисовал в воображении, в реальности превзошла себя раз в пять! В сокровищнице за какую-то бумажку им выдали увесистый кожаный мешок с золотыми монетами и три таких же серебром. На эту сумму можно было купить половину столичного товара.

— Отец, ты ничего не хочешь объяснить? — невыдержан Немо.

— Не делай вид, будто не понимаешь! — разгорячено гаркнул северянин. — Договор, скауны, спешка, в которой мы покидаем Кураст, теперь еще и целое состояние от доброго хана!

— Я уже не в первый раз говорю: сегодня ты все узнаешь.

Делать было нечего, выудить из старого кузнеца то, чего он не хочет говорить, было не возможно, хоть четвертуй его! Солнце уже скрылось за крышами домов, над городом спустилась темная пелена мрака, надвигалась беспросветная ночь.

Немо и Гефест пробивались сквозь разъезжавшихся по трактирам торговцев, разбредавшихся кто куда покупателей. Но на запад шли только два одиноких путника, ведя в уздах троих отборных северных скакунов.

— Да. — отрезал Гефест.

Немо уже ждал кого угодно, ну, почти кого угодно, потому что того, кто пришел, он никак не ожидал увидеть...

Белый воин, каким его запомнил Немо в Люг Харасе, Учитель, как называл его с десяти лет, Великий Мудрец, как назвал его мореход Страрх, кто же на самом деле Малах? Или Малхазтофей?

Немо стоял не в силах не то, чтобы ответить, а даже пошевелиться, его глаза сейчас расширились так, что можно было подумать будто они нечеловеческие — звериные!

— Да, не стой истуканом парень, нам надо спешить, — раздался повелительный голос Малаха.

— Пора в путь! — заключил своим любимым выражением Гефест.

Тьма уже окутала широкие улицы Торговой Столицы. Дневной шум сменила гробовая тишина ночи. На один миг из густо нависших над городом туч показала свой точный круг полная луна, освещая блеклым светом спины трех всадников спешивших покинуть Кураст...

Глава XI. Родные Стены

Ноябрь-декабрь, 1484

Северные скакуны не даром заслужили немалую славу. Они мчались изо всех сил, но эти силы не кончались. Нужды брать с собой много припасов не было, — почти через каждую лигу на ханских трактах стояли постоянные дворы и трактиры, где можно было напоить лошадей и неплохо перекусить — поэтому друзья ехали почти налегке. Пара полных боевых комплектов Немо и Гефеста были приторочены к спинам их лошадей, Малах и вовсе ехал с *голыми руками* ...

Прошло всего два дня с момента отъезда из Торговой Столицы, а Малах и его спутники уже оставили за своими спинами Перепутье. Дальше без припасов путешествовать нельзя — за Перепутьем заканчиваются ханские владения. За пределами Восточного Ханства трактиры словно вымирали. Мощные и ухоженные ханские большаки сменила грунтовка Восточного Тракта.

Погода резко изменилась. Приближалась зима. На востоке она проявлялась совсем иначе, чем в других частях света. Снег здесь не выпадал и в самую лютую зиму, зато скоро должны были начаться страшные ливни, которые зальют сверху донизу каждую щель в восточных пределах. Ветер, извечно сопровождающий сезон дождей, повалит, повыворачивает деревья. На востоке выживали лишь немногие деревья. Слабые умирали после каждого сезона, чтобы весной переродиться. Зато их старые укоренившиеся собратья гордо стояли, являя миру свою красоту.

На удивление сезон дождей начался рано, и застал друзей в дороге. Огромные капли сплошным потоком валились с неба, разбивались о землю, в считанные секунды образуя мириады мелких лужиц, превращая Восточный Тракт в липкую вязкую грязь. Укрыться от дождя было нечем и негде. Друзья проехали Восточные Ханство, дальше путь лежал по прямой дороге Тракта, с которой свернуть придется только у самой Нимфеи.

Стихия не на шутку разбушевалась, поездка превратилась в сухую катастрофу, лошади вязли в грязной глинистой почве, режущие капли обжигали лицо. Не спасали даже накидки и плащи. Сильные порывы ветра едва не сносили с ног, но лошади не замедляли шаг. Их ноги мешали размякшую дорожную грязь, ветер бил прямо в лицо, а скакуны исправно шагали вперед, будто и не было никакого ливня и непогоды.

Ждать того, что дождь прекратится, не приходилось. Единственная надежда скрыться от него, перевалив за Холмское Ущелье. За этим исполинским пределом сила ливня кончалась. Но до Ущелья не меньше шести дней пути! Таверны и постоянные дворы вымерли. Дальше ночевать придется под открытым небом, под вечным водным потоком, рвущимся с пунцовых туч. Это не радовало, Гефест предложил переждать первый сезон (самый тяжелый период восточной зимы, длившийся около двух недель) в Перепутье, но Малах категорически отказался. Объяснил тем, что нужно спешить и что может произойти нечто непоправимое, если они не успеют. Эти слова совсем не радовали и не только из-за того, что придется неделю мокнуть под дождем, совсем по другой причине. Ведь если уж старый знахарь, который со своими советами получил прозвище Пророка, говорит "надо спешить", то какая-то немалая угроза вплотную нависла над Нимфеей. Немо и сам чувствовал, что теряется драгоценное время. Северянин собирался вернуться, когда еще был в Травансале. Его остановил Квал-Тарр и долг перед отцом. Теперь преград — за исключением ливня — не было и надо было гнать лошадей!

День катился к своему концу, ливень не утихал ни на грамм, ни на секунду. Друзья устроились поудобнее, на сколько это позволяла погода, точнее непогода, под одним широким дубом. Вековое дерево с густой кроной приютило не только людей, но и их лошадей. При всем желании костер развести не удалось, в мире больше не было сухой травинки или деревца, все окутала жадная водная стихия.

Пужинали лепешками из Перепутья, прикупленные припасливым кузнецом. Не

забыли и про коней, овес, конечно, изрядно намок, но лучше так, чем никак.

Следующее утро ничем не отличалось от вечерних сумерек. Небо плотно окутали грозовые тучи, солнце не могло выпустить на свет ни единого своего лучика. Ливень не утихал, только разгорался все с новой и новой силой. Не меньше стало и ветра. Теплый и даже немного бодрящий, он все равно приносил немало неудобств, вбивая мелкие обжигающие капли в уставшие лица. Несмотря на непогоду, кони выглядели резво, готовы лезть со своими новыми хозяевами и в огонь, и в воду. И в воду, и в воду...

Малах ехал впереди и был мрачнее туч, покрывший темной пеленой утреннее небо. За весь путь он не промолвил ни единого слова. Не в пример много говорил Гефест, но из всего, что удалось услышать, Немо не вынес для себя никакой выгоды, разве что несколько бранных слов пополнили его арсенал знаний. Да, в городом молчании было ехать до нельзя тоскливо, но поддерживать разговор было сложной затеей. Любые беседы гасли под стрелами неистового ливня, любые слова не были слышны дальше собственного уха, любые попытки начать разговор, изначально были обречены на неудачу. И Кузнец понял безнадежность своих попыток разговаривать спутников, тоже отказался от разговоров, лишь изредка вставлял несколько особо ярких ругательств, описывающих погоду.

Безмолвие, неопределенность и таинства, разыгравшиеся вокруг, резали Немо без ножа. Он хотел узнать все, что так умело скрывали от него спутники, любопытство северянина уже выливалось из берегов сознания, понятное желание определенности оставалось тяжелым грузом внутренних размышлений. Ему ничего не оставалось, кроме жгучего и нелегкого ожидания в безызвестности, ожидание того, когда Малах снизойдет до разговора...

Восточный Тракт погряз в грязи, ливень и не думал слабеть, ветер и не собирался стихать. День превратился в сплошную ночь, небо закрыла тугая пелена антрацитовых туч. Во время ливней никто не дерзал пуститься в путь по Восточному Тракту, поэтому дорога была пустынна, словно давно вымершая речная паутина. Вся торговля на время ливней застыла, трактиры и постоялые дворы попрятались, будто раки в свои раковины, нельзя было и повстречать хотя бы одну захудалую таверну. Но это не заставило Малаха и его спутников остановиться, или повернуть назад. Их ждали родные стены, в которых происходило что-то из ряда вон выходящее, что-то такое, что заставило старого знахаря закрыть глаза на сезон дождей и пуститься в путь, что-то... но что? Об этом могли знать только Малах и Гефест, но выманить у них, хотя б одно слово Немо не удавалось...

На восьмой день пути через страну вечной грязи и дождей на мрачном сером небе стал заметен небольшой просвет, как раз над Холмским Ущельем стояло солнце, уже тусклыми зимними лучами пробиваясь через темную плотную стену туч.

— К следующему утру выберемся из Ливня! — что есть мочи крикнул Гефест, но его слова утонули у самых губ.

Тяжелый влажный воздух не дал вылететь его словам дальше краешка рта, но этого и не было нужно, уже каждый из спутников смотрел на просвет, измерял на глаз дорогу, которая отделяет их от долгожданного Холмского Ущелья.

Просвет стал неумолимо гаснуть, теряться в темноте, но на этот раз темноте ночи. Уже в который день путников спасали одинокие дубы. Огромный деревянный исполин закрыл своими стал пристанищем для одиноких путников, стал на одну ночь для них кровом и домом.

Под деревом ветер утих, бессильно разбиваясь об грудь дуба, дождь тоже, казалось, поутих, его капли были уже не так стремительны, как прежде, нескончаемые волны небесного потока поредели. Скоро друзья выберутся из ливневого пути, тогда дорога станет не в пример легкой, снова появятся трактиры, не будет липкой и мерзкой грязи, вот тогда северные скакуны смогут разгуляться!

— Может, хватит от меня все скрывать? — укоризненно рявкнул Немо, надежно скрывающий от воздушных потоков дуб, помог словам долететь до ушей слушателей.

— Мы и не скрываем. — парировал Гефест.

— Что это такое? Секреты?! И кто вообще ты такой, Малах?! - не выдержал северянин.

— Я сам бы хотел знать на это ответы. — еле слышно ответил Малах.
— Ты еще скажи, что ничего не знаешь! — огрызнулся Немо.
— Знаю, но немного, — прежним тихим голосом отозвался знахарь.
— И что это за «немного», которое ты знаешь? — нервно дернул любопытствующий.
— Мир изменяется, страшные силы выходят на свободу. — Малах потер усталые глаза. — Те силы, из-за которых мне пришлось покинуть Нимфею.
— И какие же это Силы? — спросил северянин.
— Ты и сам должен немало понимать, — спокойно отвечал Малах. — Взять к примеру пожар, который вынудил вас с Гефестом уехать из Нимфеи на турнир раньше срока.
— И что с этим пожаром?! - неодобрительно качал головой в разные стороны Немо.
— Ты когда-нибудь видел, чтобы степь так горела?
— Как? — парировал Немо.
— Огонь спокойно мог забраться на городские стены, мог превратить весь город в груды пепла, — тихо бормотал знахарь. — Степные пожары не редкость в Южной Короне, но они не помеха частоколам. Их пламя слабо, оно не способно подняться выше колена, но пожар в Нимфее вздымался до небес! Огонь подпитывала чья-то Сила, чья-то недобрая Сила!

— Чья? — успокаиваясь спросил Немо; а ведь и впрямь степь горела не сама по себе, то что ее подожгли Немо знал, он сам нашел остатки факелов, которыми совершили поджог. Но удивляло другое — разве могут питать пламя такой мощи степные растения? Разве может степной огонь поглотить разом всю степь, перебраться с земли на городской частокол, вмиг перекинуться на дома? Нет! Даже самый дикий степной пожар не сможет поглотить город!

— Я не знаю... — угрюмо ответил Малах. — Не знаю.

— Ладно, Немо, сегодня будем спать, утро вечера мудренее, — встрял в разговор до этого момента молчавший Гефест. — Вот завтра выберемся из-под ливня, тогда и поговорим.

Где-то на западе на мгновение полыхнул последний луч уходящего солнца, и без того темное небо покрыл густой мрак.

Для Немо ночь выдалась не из приятных, ему приснилась Нимфея. Во сне он распахнул городские ворота и... ужаснулся. Улицы были усеяны изуродованными трупами, будто на город обрушилась сила многотысячной армии, которая убивала без пощады каждого, детей, женщин, стариков. Мощеная каменными плитами дорога была омрачена вьезшейся багряной кровью. Немо переступал через искалеченные трупы, он шел на центральную площадь. Северянин заглядывал в лица умерших, выискивая в куче тел одно знакомое — тело Анадель. Но девушки нигде не было, ни живой, ни мертвой. Центральная площадь распахнула перед Немо ужасную картину: погибших там было больше всего, гниlostное зловоние поднялось над площадью мутным туманом, от смрадного воздуха распирало внутри, зверски тошнило; в центральном фонтане лилась не чистая и прозрачная вода, как раньше, а темная почерневшая кровь; стены домов тоже перебрали в себя мутную багряную краску крови... крови... крови...

Аккуратно перешагивая трупы, шла девушка, ее лицо было изуродовано страшными язвами, некогда красивое и белое платье превратилось в грязные окровавленные лохмотья, черные густые волосы покрылись слоем засохшей крови, руки были исцарапаны и изрезаны, взгляд потупился в пол, где беспробудным сном спали люди. Девушка шла, Немо не отрывал от нее взгляд, хотелось побежать к ней, но что-то мешало. Девушка зашла в фонтан, ее ноги окутала темная кровавая вода, быстро подняла взгляд, и Немо узнал в незнакомке Анадель... это была она. Северянин рванулся к ней обезумевшим зверем, но добраться до нее оказалось сложнее, чем казалось на первый взгляд. Трупы словно оживали, цеплялись за ноги, вечно пытались подставить под ноги бок. Немо упал. Руки покрыла смешанная с дорожной пылью мутная почерневшая кровь. Северянин поднял глаза, Анадель медленно и плавно падала с ног, секунда, вторая, третья... девушку погребла под собой темно-красная вода фонтана. Немо вновь пустился к ней. Когда он подбежал к Анадель и вытащил ее из кровавой пучины, девушка была мертва, с ее лица пропали все язвы, оно стало чистым, смуглым, как в момент

расставания, но Анадель была мертва... Немо провел окровавленными руками по прекрасному девичьему лицу, оставляя на нем красные полосы. Хотелось закричать, но в горле возник неведомый ком, поглощающий любой звук. Немо нежно целовал ее полные губы, которые еще хранили жизненное тепло, обнимал безвольное тело, гладил локоны ее прекрасных волос...

Северянин достал из-за пазухи даго, откуда оно взялось непонятно, но Немо подвел острое лезвие к своему горлу, сделал одно небольшое движение, и его кровь пополнила запасы алой воды фонтана...

Немо проснулся...

Несмотря на холод, на лбу северянина выступили маленькие кристаллики пота. Немо судорожно смахнул с лица излишнюю воду и попытался поскорее забыть об этом ночном кошмаре.

И Гефест, и Малах уже не спали. Ночь не спеша уходила, но света по-прежнему не было, огненному светилу мешали мрачные стражи, загородившие собой небесные своды.

Друзья пустились в путь, не позавтракав. Сегодня дорога должна быть долгой, о страшном сне Немо пытался не думать, перебрасывая мысли в сторону предстоящих объяснений с Малахом.

Северные скакуны оправдывали себя: часам к трем по полудни трио из Нимфеи перевалило через Холмское Ущелье. Препятствий со стороны искателей легкой добычи не было, Элдиборские войска после вести о нападении на северный обоз организовали немалый рейд. Перебить всех разбойников, конечно, не удалось, — уж слишком хорошо последние знали леса, окружавшие Ущелье! — но элдиборские вояки неплохо потрепали солдат фортуны, рассеяли их войска по всему лесу и теперь массового нападения можно было и не ждать. Разбойники скрывались, предпочитая дружной армии мелкие мобильные шайки. Большие группы легче выследить, скорость перемещения ниже, а снова связываться с элдиборскими вояками не слишком хотелось. Своя жизнь все дороже, чем легкая нажива!

Но еще большую роль в умиротворенности Ущелья сыграл сезон дождей и отсутствие торговцев. Никто не порывался путешествовать под нескончаемым ливнем.

За Холмским Ущельем грозные тучи вмиг рассеялись, ветер стих окончательно, но зимнее солнце уже не грело, только скудно освещало высохшую дорогу.

Немо и его спутники ехали в гордом молчании, Малах не спешил рассказывать свою повесть, не расспрашивал и северянин, предвкушая грядущую беседу.

По обочине Тракта мелькали деревья, небольшие курганы и овраги. Скоро путники должны были добраться до деревушки Аллойрад, в которой когда-то по пути на турнир Немо и Гефест ночевали вместе с северным обозом.

Аллойрад был уже совсем близко, чтобы добраться до него, надо было свернуть на проселочную дорогу по правую руку. Вот и долгожданный поворот, в считанные секунды друзья добрались до деревенского частокола, но вместо старых и отрухлевших, выдавших виды домов, Немо увидел разграбленную и сожженную дотла деревню. Кто-то изрядно здесь постарался, по деревенской дороге были разбросаны тела мужчин, стариков и женщин, детей не было. Некоторые дома еще тлели, погребая под своими тяжелыми балками людские трупы. Тел нападавших не было, либо их всех забрали с собой атакующие, либо...

Немо и его спутники въехали в догорающие раскуроченные ворота, деревня вымерла, больше в ней не осталось ни души.

— Ситуация с каждым днем все хуже! — с поникшей головой процедил сквозь зубы Гефест.

— Нам надо уходить, здесь не безопасно, — будто не замечая слова кузнеца, говорил Малах. — Убитых жаль, но присоединяться к ним мы не можем, у нас впереди великие дела... — Малах осекся — Надо уходить! И Быстрее!

— Мы должны похоронить умерших, в традициях этого племени были погребальные огни. — тихо говорил Немо. — Мы не можем оставить их так.

— Но и хоронить их у нас нет времени, — отвечал Малах. — Повторюсь, нам надо

спешить.

— Я никуда не поеду. Эти люди когда-то дали мне приют, а теперь ты хочешь, чтобы я оставил их тела стервятникам? — косо взглянув на знахаря грубо уронил Немо, северянину что-то с каждым днем все сложнее и сложнее было терпеть безразличие Учителя.

— Малах, я тоже никуда не поеду, пока мы не отдадим этим бедолагам последние почести, — вмешался Гефест.

— Будь, по-вашему! — согласился со своими спутниками Малах.

Чтобы отпустить умерших в последний путь, понадобилось немало времени. Сначала Немо и Гефест перенесли тела и сложили их в одну кучу, предварительно покидав под низ все, что могло гореть. Трагическая процессия погребальных огней началась только тогда, когда показала свой полукруг луна. Звезды горели очень ярко, на небе было ни единого облачка, ни единой тучки.

Малах первый двинулся через разрушенный деревянные ворота Аллойрада, следом за ним пустились и Немо с Гефестом. За спинами друзей яростно потрескивали огни погребального пламени, которое уносило в мир духов измученные души погибших.

Не обращая внимание на усталость, Трио ехало всю ночь, не остановились даже на поздний ужин. В животах сильно гудело, но надо было терпеть. Скоро будет Элдибор, там друзья смогут, наконец, дать отдых себе и своим коням, там, наконец, Немо узнает все, что должен был знать уже давно.

За спинами друзей вдалеке на востоке над Холмским Ущельем поднимался огненный диск солнца, окрашивая цвет неба в алые и желтые тона. Севернее быстрым течением текла река, на юге желтели некогда зеленые холма, но рассматривать достопримечательности этих местные, не было времени. Немо и его спутники спешили. Главным для них было только то, что впереди, на западе, уже показывал свои крепостные стены и тяжелые оббитые железом ворота Элдибор. Немо ждал этого города, как Спасителя, который даст долгожданный отдых, но Малах решил иначе.

Небольшой экипаж подъехал к воротам Элдибора, хотя они и были закрыты, все же стража пускала всех. Один из элдиборских охранников открыл перед тремя путниками ворота и, окидывая въезжавших деловитым взглядом, пропустил в город. Элдибор ничуть не изменился, повсюду бегали деловитые купцы, шныряли ловкие менялы, гордо расхаживала по городу стража. Город кипел, как и всегда.

Для отдыха друзья выбрали "Чистые воды Мелек". Эта таверна находилась на окраине, днем сравнительно тихо, а вечером... какая разница, если вечером снова в путь!

Мест в трактире было хоть отбавляй, почти все проезжие торговцы уже уехали на Восточные торги, а возвратиться еще мало кто успел, поэтому трактир "Чистые воды Мелек" пустовал.

Вечно веселый, с не покидающей лица улыбкой, трактирщик радостно приветствовал новых клиентов. Сразу стал донимать с расспросами, но, увидев, что путники совсем не разговорчивы и судя по виду готовы любой момент рухнуть на кровать и провалиться в глубокий сон, — больше всего это было видно по Немо — решил со своими расспросами повременить. Но хозяину не повезло, новые гости не утолили и маленькой толики его любопытства.

Друзья расположились в небольшой комнатухе, из интерьера — только четыре стены, три кровати и небольшой, судя по всему письменный стол. Не долго думая все повалились в кровати. Путь был не из легких — постоянный ветер и дождь, просто надоедали! Но теперь долгожданный отдых, нормальная постель и нормальная еда.

Выехали на закате, перед этим очень плотно поужинав. Тусклое солнце скрывалось за Келебреттскими Горами, и всадники мчались, словно за ними гналась сама Смерть.

Солнце село. Теперь дорогу освещал тусклый лунный свет. Наконец, Немо удалось разговорить своего Учителя.

— Малах, — начал северянин — А у кого есть достаточная Сила, чтобы повелевать огнем?

— В этом мире — не у кого!

— А что насчет степного пожара? — любопытствовал Немо.

— Пожар — это только небольшое предупреждение, перед чем-то очень страшным, очень... — Малах нервно провел рукой по лицу. — Я расскажу тебе старую историю и древнее пророчество. — Сделал вывод старый знахарь. — Сегодня ты узнаешь, кто скрывается за личностью простого провинциального знахаря. — Немо устроился поудобнее в седле, предвкушая интересную историю. Малах помедлил...

— Ты точно решил сделать это? — встрепнулся Гефест.

— Да, но я скажу Немо только то, что он должен знать.

— Должен знать, должен знать! Заладили уже со своим "то, что должен знать"! — мысленно бормотал Немо.

— Как хочешь, — тем временем продолжал Гефест.

— Страрх уже рассказал тебе о Потерянном городе, говорил тебе о Земле Обетованной, замолвился парочкой слов об Ордене Паладинов. Я расскажу тебе больше обо всем, кроме Эальдорасе. Также я расскажу тебе о Доспехах Четырех Духов, черном мече Эльмарине... и в заключении ты узнаешь о том, чего не знает никто из смертных. Время пришло! — Немо сидел, как на кольях, постоянно ворочаясь в седле, ожидание в полном незнании в сотни раз легче ожидания, когда ты уже знаешь, что именно ты должен узнать! А Малах медлил, будто проверяя северянина на стойкость.

— Единый Владыка спустил на землю двух братьев, двух Повелителей — Харада и Хазгила, — начал говорить Малах. — Он не ведал путей их мыслей, не предполагал, что старший из братьев начнет войну. Повелитель природы и животных создал страшную армию монстров, полулюдей-полуживотных, — Немо сидел в сладостном предвкушении раскрытия таинств, он уже знал то, о чем сейчас говорил Малах, но перебивать не решился. — Но самое страшное, что совершил Хазгил — это то, что было создано величайшее оружие всех времен и народов — Черный Меч — Эльмарин. Темный Повелитель вложил в этот меч часть своей души, напоил его собственной кровью, сделал его кровожадным и непобедимым, живым созданием. Страшной волной накатилась на Айзлоин Сила Хазгила, под его мощью падали города, рушились крепости, никто не мог устоять перед Темным Повелителем.

В Судьбу Айзолина вмешался младший брат Хазгила — Харад. Но даже он не смог противостоять мощи Темного Меча. Повелитель стихий взмолился в Силе Единого, чтобы тот снизошел в этот мир и уничтожил изменника, но Владыка отказался вступать в мир, чтобы не нарушить жизненное равновесие. Великий Дух придумал другой выход. "Чтобы обуздать меч, нужны доспехи!" — решил он. Сделать Доспехи должен был смертный, им стал давний предок Гефеста — Ордуаст

"Как неприхотлива Судьба, она свела меня из всех живущих на земле именно с Гефестом! — думал Немо — Мне чрезвычайно повезло, удача, она так часто выручала меня!". А Малах говорил не переставая:

— В Ордуастра поочередно вселялись Великие Духи Повелителей. Первым был дух перворожденной воды — Ондал, с его силой смертный кузнец сделал Шлем, который сейчас у тебя; вторым стал дух огня — Таэбак, его силой был сотворен огненный меч; третий стал дух матери Земли — Дангун, тогда из наковальни смертного кузнеца вышел чудо-щит; последний дух — самый сильный и могущественный из всех своих собратьев — дух чистого первичного небесного воздуха — Гаэмос, этот дух был очень силен, простому смертному было невыносимо сложно совладать с присутствием в своем теле столь мощного духа. Но Ордуастр превзошел самого себя, он не только выдержал присутствие в себе Гаэмоса, но и смог работать над Адамантом больше, чем над всеми остальными комплектующими Доспехов Духов. Ордуастр настолько погряз в работе, настолько отточил мастерство духовного творения, что Адамант Гаэмоса стал обладать силой ничем не уступающей Эльмарину. Ордуастр работал над Адамантом два дня и три ночи. За это время Гаэмос сильно ослаб и не мог уже вернуться назад в Эальдорас. Ему пришлось переместить свою душу в Божественный Камень. Адамант был центральным составляющим Доспех.

Артефакты Духов были готовы... — Малах глубоко вдохнул, выдохнул и снова стал говорить — Приближался день Последней Битвы, и вот он настал. Харад разместил свои войска в Замке Бури. Ты, наверное, слышал о нем, Немо, он находится в землях Андариона.

— Да, мне рассказывали о нем, — тихо ответил северянин, все время повествования Малаха северянин никак не мог устроиться в седле, — в основном от матери. — добавил он мгновением позже.

— Хазгил выстроил свои войска нелюдей перед Замком, началась битва... Крепость была разрушена почти до основания. Ценой тысячи жизней Повелитель Стихий выиграл битву, победив своего брата в честном поединке. Телесная оболочка старшего брата была разрушена, но уничтожить душу так и не удалось. Тогда Харад заключил душу Хазгила в аметист. Камень души хранит Орден Паладинов, он находится в Забытом Городе, куда не может ступить нога простого смертного.

— А куда подевался Эльмарин и Доспехи Духа? — отчасти зная ответ, спросил Немо.

— Доспехи Харад разделил между своими учениками, эту историю ты знаешь. Эльмарин был спрятан самим Светлым Повелителем, и точное место его нахождения не знает никто.

— А почему Темный Меч не уничтожили? — поинтересовался северянин.

— Не знали: как? Меч хранит в себе часть души Хазгила, а в мире нет средства, способного уничтожить такой сгусток Силы, по крайней мере его пока никто не нашел, включая Великих Повелителей! — закончил Малах.

— А кто тогда Ты? — жадно спросил Немо.

— Об этом тебе еще не время. Ты узнаешь это, но не сейчас. Я расскажу другую историю, историю древнего пророчества.

— Пророчества? — переспросил северянин.

— Да, — Малах облизнул пересохшие губы, — Пророчества Светлого Ордена, я не буду в точности передавать его, да и вряд ли вы поймете истинную суть. Она заключается в том, что... — старый знахарь задумался.

— В чем? — спросил любопытный Немо.

— Нет, прости, я не могу пока сказать тебе этого, — покачал головой Малах.

— Но почему? Ведь ты уже собрался мне все рассказать, почему тогда теперь отказываешься говорить? — на одном вздохе отчеканил северянин.

— Не спрашивай. Я не могу ответить... пока. Но придет время, и ты узнаешь все, может даже сам! — многообещающе ответил знахарь.

Разговор был окончен. Немо так почти ничего нового и не узнал, а узнать хотелось немало, узнать еще больше, намного больше, но, увы, не у кого. Взамен старым безответным вопросам стали новые, которые волновали не меньше, может, даже больше, чем предыдущие.

Снова потянулись долгие дни пути. Белтмор встретил друзей тем же, что и Элдибор. Когда друзья въехали на Путь Торговых Столиц (как нередко называли местные жители часть Восточного Тракта, в окрестностях Элдибора и Белтмора) ночевать под открытым небом больше не приходилось, по обе стороны большака разместились деревни, постоянные дворы и трактиры, где можно было спокойно провести и ночь, и день.

Дорога была не сложной и не утомительной. Северные жеребцы знали свое дело, мчали, как обезумевшие, за день покрывая два обычных перехода. Коня не знали усталости. Чтобы вымотать, их надо было гнать без отдыха, наверное, не меньше недели, а совсем недлительные передышки полностью восстанавливали северным скакунам силы. Не даром о выносливости андарионских марок ходила столь высокая слава.

За считанные дни трио подъехала к дороге ведущей в Нимфею. Здесь путь по Восточному Тракту для друзей заканчивался, начинался другой: через плохо-объезженные степные дороги. Степь после пожара представляла собой темную груды выжженной травы, на которой жизни не будет прихода весны, но потом на удобренной сажей степной земле, травы разрастутся с такой силой, что затмят своих прародителей.

Тонкая полоса дороги трудно угадывалась под выжженной степью, но ехать было несложно. Волновало только то, как спать. Трактиров здесь никаких не было, придется спать под открытым небом, но постелить под себя было нечего, а спать на саже не хотелось, но ничего другого не светило... в саже, так в саже...

Две ночи пролетели незаметно. Погода хоть и близилась к зиме, особых холодов все же не было. Келебреттские Горы надежно защищали от ветра и холода. Но степь, есть степь и промозглый ветер давал о себе знать, разнося на многие лиги тяжелые пепельные частички, растворяя их в воздухе, делая пути для дыхания тяжелыми и неприятными. Сажа черной пеленой окутала дорожные одежды, испачкала лица, скрипела на зубах и застила глаза.

Малах вечно подгонял своих спутников, дорожил каждой минутой. За два коротких дня трио добралось до пункта назначения.

Черные, все измазанные в пепле и пыли всадники пробирались все глубже и глубже на юг, прокладывая себе дорогу через черное поле. Слева от них каменным троном стали Келебреттские Горы, показывая свои высокие пики, покрытые непроходимыми лесами; справа раскинулась выжженная дотла степь, степь и ничего больше; сзади — тонкий копытный след на все том же черном от пепла поле; впереди зубчатой стеной выстроился городской частокол Нимфеи, мир за стеной был невидим и неслышим. Над головами высоко в небе светило холодное зимнее солнце. Над родным городом тонкой змейкой возвышался столп мрачно-серого дыма.

Всадники быстро домчались до Нимфеи, остановились у запертых ворот. Ни одно из чувств не могло уловить ни малейшего движения за деревянной преградой, казалось город уснул беспробудным сном. Но цель достигнута, вот они — Родные Стены!